

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

(Резюме докладов
Кишиневского симпозиума 1973 г.)

„ШТИИНЦА“ * КИШИНЕВ * 1973

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Д. Королюка и П. В. Советова

Кишиневский симпозиум 1973 г. посвящается обсуждению проблем типологии феодализма, особенностей социально-экономического и политического развития Иго-Восточной Европы в эпоху феодализма.

В публикуемых резюме докладов излагается точка зрения советских исследователей по указанным проблемам, рассматриваемым в плане регионального обсуждения.

Резюме докладов могут привлечь внимание не только непосредственных участников симпозиума, но и всех, кто интересуется историческими судьбами народов Иго-Восточной Европы.

В симпозиуме, кроме советских специалистов по истории Иго-Восточной Европы, примут участие также историки ряда европейских социалистических стран.

0 0-1-6-3 - 64 41 - 73
M755(12) - 73

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА (вместо предисловия)

Проблемы типологии феодализма привлекают все большее внимание исследователей. Изучение региональных особенностей его генезиса, развития и разложения является существенной задачей, к решению которой обращается ряд ученых разных специальностей гуманитарного цикла. Только выявив эти особенности, можно будет достаточно ясно представить себе модель феодализма в ее разных вариантах. Накопившиеся к настоящему времени наблюдения и выводы подсказывают правомерность выделения Юго-Восточной Европы в качестве региона, требующего особыго изучения. Этой назревшей потребности и посвящены доклады, подлежащие обсуждению на настоящем симпозиуме. Две проблемы должны стать объектом дискуссии: во-первых, социально-экономическое развитие Юго-Восточной Европы, во-вторых, ее политическое развитие. Исследование этих процессов во взаимосвязи и взаимообусловленности поможет более отчетливо представить "общее" и "особенное" в судьбах феодальной формации на указанной территории. Хронологически доклады посвящены большому отрезку времени, с VI по XIX столетие, охватывают разные стадии феодального прошлого, от становления феодализма до перехода к капитализму. Такой широкий временной охват должен помочь понять типологические сдвиги, происходившие в Юго-Восточной Европе на разных этапах феодального развития.

В настоящем сборнике публикуются резюме докладов участников симпозиума. Они разбиты на две части, из которых одна посвящена проблемам социально-экономическим, другая - политическим.

Первая часть открывается докладом З.В.Удальцовой и Е.В.Гутновой "К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе" в эпоху генезиса феодальных отношений и в период их дальнейшего развития (XI - XV вв.). В докладе ставятся общетеоретические проблемы (принципы и критерии типологизации феодальных обществ) и вскрываются типологические особенности феодализма в разных европейских областях и особо в Византии. Это как бы общая перспектива, в свете которой должны получить более отчетливое очертание специфические черты, присущие феодальному строю Юго-Восточной Европы.

Вопросы генезиса феодализма рассматриваются в двух докладах: Ю.В.Бромлей и В.Д.Королюк "Славяне и волохи в великим переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы" (V-XI вв.) и Г.Б.Федоров "Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. (по археологическим данным)". В первом докладе сделана попытка показать соотношение внутренних и внешних факторов в процессе феодализации. Авторы доказывают, что в большей части Центральной и Восточной Европы он совершился бессинтезным путем. В Юго-Восточной же Европе помимо синтезной зоны выявляется особая ("контактная") зона, характеризовавшаяся наличием античной культурной и хозяйственной подосновы и элементов античного континуитета. Основной тезис доклада Г.Б.Федорова - подчеркивание роли городов в процессе генезиса феодализма в IX-X вв.

Особняком стоит доклад И.А.Рафаловича, касающийся вопроса о степени социально-экономического развития и возможности создания первых политических образований романизованного населения в Юго-Восточной Европе.

Содержание ряда докладов относится к периоду развитого феодализма (в основном - к XII-XIV вв.). Вопросы типологии рассмотрены на материалах Византии, Болгарии (Г.Г.Литаврин), Сербии (Е.П.Наумов), Далмации (М.М.Фрейденберг), Молдавии (П.В.Советов, Л.Л.Полевой), Турции (А.С.Тверитинова). Все эти доклады в совокупности подводят к проблеме воздействия турецкого завоевания Юго-Восточной Европы на пути развития феодализма. Специально такой вопрос применительно к Молдавии ставит П.В.Советов. Автор различает стадиальные сдвиги по

вертикали (переход от более низких фаз феодальной формации к более высоким) и типологические сдвиги по горизонтали (изменения в рамках одной и той же фазы феодального развития). Мыслится, что те и другие сдвиги могут совпадать или протекать разновременно. П.В.Советов считает, что в результате турецкого завоевания в развитии феодализма на Юго-Востоке Европы наблюдаются типологические сдвиги. На Балканах(в бывших владениях Византии, Болгарии, Сербии и т.д.)горизонтальный сдвиг привел к относительно быстрому распространению преимущественно более чистых форм феодально-государственных отношений собственности. В Дунайских княжествах этот процесс имел более затяжной и завуалированный характер - наслоения феодально-государственных отношений поверх полностью сохранившегося частнофеодального землевладения. Последнее было резко ограничено в экономической реализации, что дало значительный простор для огромного роста централизованных форм ренты. Соответствующим образом трансформировалась и система внешнекономического принуждения.

Роль внешнего фактора (турецкого господства) в социально-экономическом развитии Дунайских княжеств является предметом исследования в докладах, посвященных развитому феодализму (XVI - начало XIX вв.). В докладе Д.М.Драгнева "Прогресс, замедленное развитие или упадок?" делается вывод, что отличительной чертой эволюции ряда территорий, находившихся под оттоманским игом, был зигзагообразный характер экономических процессов (сочетание замедленности и упадка). Е.М.Подградская говорит о снижении, в результате подчинения Дунайских княжеств Османской Порте, потенций внешней торговли (при отсутствии фактически полной монополии на нее турецких султанов). П.Г.Дмитриев ставит вопрос о консервации феодальных отношений в Молдавском княжестве под воздействием турецко-фанариотского гнeta. В.Я.Гросул предлагает ряд наблюдений, касающихся изменения формы феодальных отношений в Молдавии и Валахии в первой трети XIX в. Автор исходит из того, что феодализм в Дунайских княжествах, шедший первоначально по пути, характерному для большинства стран Западной и Восточной Европы, после установления власти султанской Турции стал приобретать все более восточные черты. Политика фанариотов привела к увеличению роли централизованного пути присвоения

прибавочного продукта, к увеличению налогов и повинностей, к ослаблению роли землевладельческого боярства. После свержения фанариотского режима, в 20-х годах XIX в., в Молдавии установилась новая форма феодальных отношений, для которой было характерно перенесение центра тяжести эксплуатации крестьян с государственного фиска на имения бояр.

Большая тема смены формаций поднята Я.С.Гросулом и П.В.Советовым ("Типологические пути позднего феодализма и переходного к капитализму периода в Дунайских княжествах"). Теоретической предпосылкой доклада является мысль о необходимости рассмотрения во взаимосвязи типологии генезиса капитализма и внутриинформационных типологических сдвигов в недрах позднего феодализма. Авторы исходят из классификационной схемы, согласно которой выделяются три региона, отличающиеся своеобразием позднефеодальных отношений накануне генезиса капитализма: 1) Западная Европа, для которой характерно ослабление сеньориального строя и отмирание личной крепостной зависимости; 2) Центральная и Восточная Европа, где наблюдалось усиление сеньориально-вотчинного строя и крепостной зависимости; 3) Иго-Восточная Европа, Балканы, где в период турецкого ига старые частнофеодальные, сеньориальные отношения собственности и личной зависимости были в значительной степени заменены отношениями феодально-государственными. Для Дунайских княжеств авторы намечают два основных этапа в плане типологических путей перехода от феодализма к капитализму. На первом из них, до конца XIX в., имелось много общего с регионом Иго-Восточной Европы; в дальнейшем развитие пошло по пути, более сходному с восточноевропейским регионом.

Из вышеизложенного видно, что на симпозиум выносятся важ-

ные вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной Европы в период феодализма. Дискуссия по ним, надо думать, поможет углубить методологию исследования, уяснить понимание многих, еще недостаточно ясных явлений и процессов. Основным объектом обсуждения является, как уже не раз говорилось, вопрос о региональных особенностях развития Юго-Восточной Европы в эпоху феодальной формации, выявляемых как по вертикали, так и по горизонтали (в раскрытом выше значении этих понятий). Плодотворность дискуссии в значительной мере будет зависеть от умелого применения сравнительно-исторического метода исследования, от убедительного сопоставления данного региона с другими и выяснения причин различий и сходства процессов, там происходивших. Очевидно, надо договориться и о критериях, применяемых при сопоставлении. Весьма сложной и требующей обмена мнений является проблема соотношения внутренних и внешних факторов, определяющих характер генезиса, развития и разложения феодализма. Применительно к Юго-Восточной Европе не до конца еще уясненным, вызывающим споры остается вопрос о том, в чем конкретно сказалась роль турецкого завоевания.

Различные аспекты проблемы турецкой агресии затрагиваются и в ряде докладов второй части сборника, посвященной политическому развитию Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма. Доклады эти можно разбить на 4 группы: международные отношения в Европе в ХУ - ХУШ вв. и восточный вопрос; образование многонациональных государств; освободительное движение; вопросы политической идеологии.

И.Б. Греков в докладе "К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца

ХV-ХVI вв." доказывает, что турецко-крымская дипломатия старалась столкнуть Москву с Польшей и Литвой и стремилась к подчинению своей власти Астрахани, а может быть и самой Москвы. Активное противодействие турецкой экспансии со стороны многих стран Центральной и Восточной Европы помешало Оттоманской Порте продвинуться в Европу дальше Венгрии. Б.Н.Флоря, касаясь походов запорожцев в Молдавию в 70-х гг. ХУІ в. и их совместной борьбы с молдаванами против Турции, приходит к выводу, что успехам запорожцев способствовала внешнеполитическая позиция России. Л.В.Заборовский пытается раскрыть ту роль, которую в дипломатической борьбе между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей - с другой, имели их взаимоотношения с такими государствами, как Крымское ханство, Молдавия, Валахия, Трансильвания, в меньшей мере Турция (1653 - начало 1655 гг.). С.Ф.Орешкова развивает положение о том, что к началу ХУІІ в. Османская империя в результате поражения в войне со Священной лигой и внутреннего кризиса в глазах крупнейших европейских государств опустилась до уровня второстепенной державы, используемой в собственных внешнеполитических целях. Турция делается активной участницей антирусских планов, разрабатываемых главным образом франко-шведско-английской дипломатией. Таким образом, четыре автора дают материал, который характеризует менявшееся на протяжении двух о половиной столетий положение Турции на международной арене.

Проблеме многонациональных государств посвящены доклады В.Д.Королюка ("Турецкая агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии, ХУІ-ХУІІ вв.") и Л.Е.Семеновой ("Валахия и Габ-

сбурги ХУП в."). Первый автор доказывает, что в течение ХУ-ХУП вв. в Юго-Восточной и Центральной Европе развивалась общая тенденция к образованию многонациональных государств. Габсбургский вариант реализации этой тенденции был единственным реальным выходом для Центральной Европы, подвергшейся турецкому нашествию. В то же время укрепление габсбургского абсолютизма имело и регressive последствия для народов, оказавшихся под его господством. Л.С.Семенова разбирает планы установления господства Габсбургов в конце ХУП в. в Дунайском бассейне. В этих условиях Молдавское и Валашское княжество искали поддержки у Польши и Русского государства, поэтому для них не стояла столь остро проблема: Габсбурги или Россия.

"Освободительное движение юнославянских народов конца ХУI – начала ХУП в." является темой доклада И.С.Достян. Автор считает, что это движение по своей социальной направленности и политической программе являлось продолжением борьбы с Турцией, которая велась феодальными властителями Юго-Восточной Европы в течение двух предшествующих столетий. Социальные силы, наиболее активно противостоявшие иноземному владычеству, – свободное крестьянство, феодалы-христиане, православное духовенство.

Вопрос внешней политики и освободительной борьбы о оттоманским гнетом находится в центре внимания докладов, рассматривающих проблемы идеологии. Е.М.Руссов подверг анализу внешнеполитические концепции молдавских летописцев ХУI – начала ХУП вв. – Григория Уреке, Мирона Коотина, Иона Некулче и сделал вывод, что их творения отвечали коренным интересам молдавского феодального общества, обосновывая внешнеполити-

ческую ориентацию на Россию. Н.А.Мохов, поднимая малоизученный вопрос о социальной психологии феодальных сословий Молдавии в XV-XVII вв., пытается выявить их сравнительно устойчивые выражения симпатий и антипатий по отношению к соседним народам (разные у разных сословий). А.И.Рогов рассматривает вопросы борьбы с турецкой агрессией в польской литературе эпохи Возрождения.

В перечисленных докладах на историко-политические темы, как и в сообщениях, касающихся социально-экономической проблематики, имеется достаточный материал для дискуссии. Типологические особенности генезиса, развития и разложения феодализма на Иго-Востоке Европы; место Турции в системе международных отношений и характер турецких завоеваний; значение турецкой агрессии как одного из факторов, повлиявших на дальнейшее развитие феодального строя Иго-Восточной Европы; процессы, которые вели к образованию многонациональных государств; движущие силы национальных движений, формы освободительной борьбы и роль России в этих процессах – таковы проблемы, требующие обсуждения. Научная значимость и актуальность этих проблем вряд ли вызовут сомнение.

Академик Л. В. ЧЕРЕПНИН

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ
ФЕОДАЛИЗМА И ОСОБЕННОСТЕЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

З. В. УДАЛЬЦОВА, Е. В. ГУТНОВА
(Институт всеобщей истории АН СССР)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФЕОДАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

I. Общие критерии типологизации

Проблемы типологии феодализма применительно к разным хронологическим этапам в советской медиевистике разрабатываются неравномерно. И хотя по основным вопросам генезиса феодализма за последние годы достигнут определенный прогресс (работы С.Д.Сказкина, Л.В.Черепнина, А.И.Неусыхина, А.Д.Люблинской, З.В.Удальцовой, Е.В.Гутновой, Ю.В.Бромлея, А.Р.Корсунского, В.Т.Пашуто, В.Д.Королюка и др.), однако до сего времени не сложилось еще общей точки зрения о принципах и критериях типологизации феодальных обществ в целом. А без решения этой кардинальной методологической проблемы построение типологии феодализма невозможно.

При выработке критериев и принципов типологизации формаций вообще следует избегать двух крайностей: во-первых, опасности потонуть во множестве признаков и выдвинуть второстепенные признаки в качестве главных, что может привести к философскому плюрализму и фактическому отказу от монистического подхода к истории; во-вторых, опасности упрощения, сведения принципов типологизации к какой-либо одной стороне процесса развития феодального общества, что может привести, с одной стороны, к упрощенному чисто экономическому подходу, с другой - к переоценке факторов политического и идеологического характера.

На основе обобщения исследований советских и зарубежных авторов в предварительном порядке можно наметить некоторые общие принципы и критерии типологизации феодальных обществ.

I. Среди наиболее важных социально-экономических факто-

ров, определяющих тот или иной тип феодализма, некоторые имеют длительное, стабильное воздействие на формирование феодального строя при всех вариантах феодального общества. К таковым прежде всего надо отнести формы развития производительных сил, структуру и типы собственности, степень воздействия природной среды в различных географических зонах. Эти факторы действуют и в других формациях.

2. Решающими социально-экономическими факторами, имеющими менее стабильный характер и действующими в рамках одной формации, в частности феодальной, являются: особенности форм феодальной собственности и вотчинной организации и процесса их формирования; характер эксплуатации крестьянства, виды ренты и внеэкономического принуждения; эволюция типов общины; особенности общественного разделения труда, соотношения между натурально-хозяйственной и товарно-денежной экономикой; особенности развития рынка, экономического взаимодействия города и деревни; структура и рост городов, их экономическое и политическое воздействие на деревню; структура основных классов феодального общества; формы классовой борьбы.

3. Такие важные факторы, как демографические или этнические сдвиги, переселения и миграции, воздействие государства и эволюция форм государственности, внешние завоевания, а также идеологические явления (религия, идеология, культура, социальная психология), бесспорно, также действуют на формирование того или иного варианта феодального общества. Но они еще менее стабильны, зачастую играют различную, а порой противоречивую роль в отдельных регионах и на разных этапах развития формации. Механизм их воздействия на типологию феодализма, к сожалению, еще явно недостаточно изучен. Особенно это относится к явлениям идеологического и культурного порядка. Уяснение этого механизма взаимосвязи в свете учения марксизма о соотношении базиса и надстройки является одной из неотложнейших задач исторической науки.

II. Типологические особенности феодализма в Западной Европе

В качестве типологических признаков, общих для большинства стран Западной Европы (в отличие от Востока и других крупных регионов мира), можно предположительно выдвинуть следующие:

- господство крупного частного землевладения вотчинного типа (при отсутствии или слабости государственного);
- преобладание в составе класса непосредственных производителей мелких крестьян-держателей, самостоятельных хозяев, находящихся в различной степени поземельной, личной и судебной зависимости. Меньший удельный вес других категорий крестьянства и форм эксплуатации (холопов, наемных работников, государственных крестьян);
- относительная слабость общины-марки (по сравнению с Востоком);
- частновладельческий (не государственный) по преимуществу характер эксплуатации крестьян в форме получения от них феодальной ренты (разных типов) с помощью частновладельческих средств внеэкономического принуждения;
- связь крупной земельной собственности с теми или иными формами политической власти, основанной на частноправовых отношениях (вотчинные суды, иммунитеты, тюрьмы, полицейские силы);
- условный характер крупной земельной собственности (бенефиций, лен, феод);
- вассально-ленная и иерархическая (в разных регионах, в различной степени завершенности) структура господствующего класса феодалов;
- основанная на этой структуре система феодального ополчения (позднее рыцарских дружин) как главная форма военной организации;
- при общем господстве натурального хозяйства, характерном для феодализма как формации, значительное развитие товарно-денежных отношений и городской экономики, начиная со второго этапа феодализма, и их все более возрастающее влияние на феодальные производственные отношения последующего

периода. Зависимость в отдельных регионах развития и воздействия городов от масштабов континуитета городской эмпории позднеантичного периода;

– сословно-корпоративный характер общества с большей или меньшей выраженностью сословных градаций (сословные привилегии, элементы замкнутости сословий, цеховые организации в городах);

– в политическом отношении нет единого критерия, так как политические формы в разных странах Западной Европы очень сильно варьировали. Однако можно наметить общую тенденцию смены политических форм от раннефеодальных варварских государств через феодальную раздробленность (полную или частичную) к сословно-представительным монархиям централизованного типа (Англия, Франция, Испания, Скандинавские страны) или к системе территориальных княжеств (Германия) и городов-государств (Италия);

– повсеместное господство религиозной идеологии в форме католицизма (первый и второй период феодализма). Наличие специфических особенностей католической церковной организации: экономическая и административная независимость от государства, универсалистские тенденции церкви и ее стремление утвердить примат церковной власти над светской, централизованный характер церковной организации во главе с папством и ее большое влияние на политическую и идеологическую жизнь общества.

Выдвинувшие названные критерии, следует иметь в виду их неравнозначность для построения типологии, прежде всего в том смысле, что определяющими и структурообразующими в данном типе нужно считать социально-экономические факторы, а также изменчивость их роли на разных стадиях исторического развития феодального общества, например, возрастание роли городов на втором этапе, централизация государства на третьем.

III. Типологические особенности феодализма в разных областях Западной Европы

В различных регионах Западной Европы феодализм имел типологические отличия, которые по-разному проявлялись на раз-

ных этапах истории феодальной формации и выявились уже в период генезиса феодализма (VI - XI вв.). Даже внутри Западной Европы наблюдалась неравномерность и асинхронность развития феодализма.

В советской исторической науке в настоящее время наметились три типа генезиса феодализма (применительно к Западной Европе и Византии).

Первый тип - феодализм рождается непосредственно из родоплеменного строя варваров, минуя стадию развитого рабовладельческого общества. Как правило, при данном варианте становление новых общественных отношений происходит почти без синтеза или с незначительными его элементами. В Западной Европе примером подобного варианта являются Англия, Зарейнская Германия, Скандинавия (сюда же относятся славянские страны Восточной и Центральной Европы - Русь, Польша, Чехия).

Второй тип - феодальный строй возникает на основе синтеза элементов феодализма, взревающих внутри рабовладельческой формации, с элементами феодальных отношений, прорастающими на последней стадии развития общинно-родового строя варваров. Причем те и другие элементы как бы взаимно уравновешивают друг друга, в равной степени составляя основу будущего средневекового общества. "Уравновешенный" тип генезиса феодализма в Западной Европе нашел свое воплощение в северной Галлии (Франкское государство), в Иго-Восточной Европе - у ряда юго-славянских народов.

Третий тип - феодальный строй развивается на основе синтеза элементов разлагающейся рабовладельческой формации с феодальными отношениями, складывающимися у варваров, однако с явным превалированием античных начал, унаследованных, в частности, от Римской империи. Наиболее четко этот путь развития прослеживается в Византии, Италии, южной Галлии и вестготской Испании.

Медленнее и в наиболее стертых формах генезис феодализма, по-видимому, протекал на крайних полюсах типологического ряда, там, где синтез отсутствовал совсем или проявился в малой степени, и там, где генезис феодализма происходил с сильным перевесом позднеримских начал, особенно при сохранении государства (Византия).

Таким образом, для периода генезиса феодализма одним из ключевых критериев типологизации этого процесса, по-видимому, можно считать наличие или отсутствие синтеза, степень его интенсивности и соотношение в нем позднеантичных и общинно-родовых протофеодальных элементов. Синтез этот можно проследить почти во всех сферах социально-экономической, политической и идеальной жизни общества.

При этом синтез следует трактовать не как механическое сплеление позднеримских и варварских общественных отношений, а как рождение качественно нового феодального строя в процессе длительного взаимодействия протофеодальных элементов, которые вызревали в том и другом обществе.

Эти типологические особенности, сложившиеся в раннефеодальный период, наложили большой отпечаток на типы феодального общества и в период развитого феодализма. В то же время в более поздний период появились и новые факторы типологизации, под влиянием которых иной характер приобрели и некоторые ранее сложившиеся. Поэтому в более поздний период можно выделить большее число типов, чем для раннего средневековья.

IV. Некоторые типы феодального общества во второй период средних веков (XI-XV вв.)

При современном уровне разработки проблемы нельзя построить законченную типологию для развитого феодального общества. Предварительно можно выделить некоторые наиболее рельефно выраженные типы:

I. Северо-западный тип (Северная Франция, Северо-Западная Германия и по некоторым показателям Англия). Природные условия (почва, климат, рельеф и т.п.) благоприятствовали развитию пашенного земледелия, виноградарства и оседлого скотоводства (особенно в Англии). Разветвленная сеть речных коммуникаций и условия для развития морской торговли способствовали сравнительно раннему росту экономических связей и городов. Этот тип, особенно северофранцузский, принято считать наиболее чистой, "классической" моделью феодального общества.

Для него характерны следующие черты:

- относительно быстрый темп развития феодализма и его наибольшая завершенность, что находит свое отражение в наиболее значительных формах частновладельческой вотчины, в абсолютном преобладании частновладельческих форм феодальной эксплуатации крестьянства, большинство которого ведет самостоятельное хозяйство и находится в разных формах зависимости;

- четкое оформление вассально-ленной системы и иерархической структуры класса феодалов и войска;

- в сфере общественного разделения труда и развития внутреннего рынка и городов - концентрация развития товарно-денежных отношений (за исключением Англии) преимущественно в городах, которые формируют внутренний рынок, в основном локального характера (в Англии деревня играла более активную роль в формировании внутреннего и внешнего рынка);

- в сфере политических отношений - относительно раннее складывание национальных государств на более или менее единой этнической основе и сословно-представительных учреждений в их классической форме (Англия и Франция; в Германии в рамках феодального строя политическое объединение не было завершено).

2. Средиземноморский тип (Италия, Южная Франция, Испания, отчасти Византия). Природные условия (мягкий морской климат и плодородие почв) способствовали развитию здесь субтропических культур, а гористый рельеф затруднял развитие в широких масштабах пашенного земледелия. Это создавало предпосылки для преобладания поликультурного земледелия, а в горных местах - скотоводства. Близость к Средиземному морю обусловила раннее развитие мореплавания и морской торговли, что явилось важным стимулом быстрого роста городов.

Для этого типа характерны следующие черты:

- несколько более замедленный темп развития феодализма, присущий этому региону со времени раннего средневековья. Это проявилось в более длительном переживании позднеримских социальных и правовых институтов в аграрных отношениях, в широком распространении более "мягких" форм эксплуатации крестьянства и особых видов крестьянского держания (либеллярной аренды, эмфитеузыса и т.д.), в незавершенности вотчинной организации, меньших размерах вотчинных комплексов, невыраженности феодальной иерархии;

- более широкие масштабы и темпы развития городов и городской экономики, уходящие своими корнями отчасти в раннее средневековье, экономическое и политическое господство городов над деревней и локальная их обособленность в экономическом и политическом отношении (города-коммуны и города-государства) за исключением испанских королевств, где, наряду с сильным развитием городов, возникла и развилась сословно-представительная монархия.

3. Центральноевропейский тип (Германия между Рейном и Эльбой, Венгрия, Чехия, Польша). Природные условия этого региона многообразны, но в основном благоприятствовали развитию пашенного земледелия, в степных областях - скотоводства (Венгрия), в горных - промыслов (Центральная и Восточная Германия, Чехия, Польша). Для этого типа характерны:

- замедленное развитие феодализма в результате бессинтезного пути его генезиса. Это выражается в большей прочности общин по сравнению с другими регионами, в замедленности и долгой незавершенности вотчинной организации и сеньориальных форм эксплуатации, в преобладании (до ХУ в.) лично свободного, сидящего на землях феодалов крестьянства, закрепощавшегося по мере развития городов;

- относительная замедленность складывания внутреннего рынка и городов;

- незавершенность феодальной иерархии;

- длительное сохранение феодальной раздробленности с постепенным формированием территориальных княжеств (в Германии) и феодальных монархий сословного типа (шляхетская монархия в Польше и др.).

4. Североевропейский тип (Скандинавские страны, а отчасти иные прибалтийские области). Суровый климат, малоплодородные почвы и горный рельеф Скандинавских стран (за исключением Дании) препятствовали широкому развитию пашенного земледелия и возделыванию интенсивных сельскохозяйственных культур. Это способствовало развитию горного пастбищного скотоводства и домашнего сельского ремесла, а также морского, горного и лесного промыслов.

Характерные черты этого типа:

- самый замедленный темп развития феодализма в Западной

Европе. Это, как результат наиболее чистого бессинтезного пути развития, выразилось в слабом развитии частновладельческого вотчинного хозяйства, сеньориальной эксплуатации крестьянства, в преобладании свободного крестьянского землевладения, лично свободного и сословно-полноправного крестьянства и в длительном сохранении пережитков большой семьи и общины, в несколько большем удельном весе государственных форм эксплуатации крестьянства по сравнению с другими типами;

- позднее возникновение городов и их относительно позднее развитие (до конца ХУ в.), связанное с особенностями общественного разделения труда и внутреннего рынка, которые выражались в нерасчлененности натуральнохозяйственной и товарно-денежной экономики в деревне (сильное развитие сельского ремесла, домашних промыслов, горного промысла, сельской, минувшей города, торговли);

- прямой переход от раннефеодального варварского государства (Х-ХII вв.) без выраженного периода феодальной раздробленности к сословной монархии. Участие крестьянства в сословно-представительных собраниях.

У. Типологические особенности феодализма в Византии

Генезис феодализма

По типологическим особенностям генезиса феодализма Византия в советской исторической науке обычно относится к тому типу, когда феодальный строй развивается на основе синтеза элементов разлагающейся рабовладельческой формации с феодальными отношениями, складывающимися в варварском обществе, однако о явным превалированием античных начал, унаследованных, в частности, от Римской империи. Типологические особенности генезиса феодализма в Византии нашли свое выражение в более длительном, чем на Западе, переживании рабства и рабовладельческого уклада. В процессе окладывания феодальнозависимого крестьянства значительно большую, чем на Западе, роль играли рабы, посаженные на землю, колоны, наемные работники-мистии.

Византийская община как местная, так и принесенная варварскими народами, в том числе славянами, была сложным организмом, носившим на себе родимые пятна прошлого: и реликты общинно-родового строя славян, и установление позднеримских митрокомий, и зачатки будущего феодального строя. Она оказала значительное влияние на аграрный строй Византии особенно в VII-X вв.

Важной типологической особенностью генезиса феодализма в Византии было сохранение в империи в эпоху раннего средневековья сильного централизованного государства. Влияние централизованного государства на формирование феодализма сказалось двояким образом: во-первых, государство способствовало закрепощению основной массы "свободных" крестьян, превращая их в государственных крестьян (димосиариев). Это была многочисленная категория юридически свободных, но постепенно закабыляемых крестьян, которые платили не сеньору, а государству феодальную ренту в виде централизованной ренты-налога. Нигде на Западе в раннее средневековье доля прибавочного продукта, присваеваемая в форме государственного налога, не была так велика, как в Византии; во-вторых, централизованные формы закрепощения крестьян тормозили складывание феодальной вотчины, мешали росту власти феодалов над зависимым населением, накладывали отпечаток на характер феодальных институтов, задерживая оформление феодальной иерархии.

Одним из коренных отличий генезиса феодализма в Византии по сравнению с другими государствами Европы, за исключением Италии, Восточной Испании, Южной Франции, является сохранение в империи в этот период крупных городов – центров ремесла и торговли. В то время как на Западе многие античные города были смыты волной варварских завоеваний и запустели, Византия в раннее средневековье по праву могла называться страной городов. В эпоху феодализма она обогнала Западную Европу по уровню развития ремесла и торговли.

Период развитого феодализма

Своеобразие византийского феодализма во многом определялось особенностями его генезиса и проявлялось как в формах

собственности на землю и рентных отношениях, так и в характере сеньориальной эксплуатации и особенностях феодальных институтов. В отличие от Западной Европы в Византии гораздо дольше сохранялись разнообразные виды рабовладельческого хозяйства. Византийская община по своей внутренней организации была далека от восточной податной общины и имела некоторые черты, сближающие ее с западно-европейской общиной-маркой. Подобно марке ей был присущ дуализм — сочетание общинного землевладения с частной собственностью на крестьянские наделы.

Государственная собственность на землю, правда, не достигла в Византии таких масштабов, как в странах Востока, однако в противовес Западу тенденция к складыванию этого типа аграрных отношений в византийской деревне проявлялась достаточно интенсивно.

Иерархическая структура земельной собственности, нашедшая столь яркое и законченное воплощение в феодальном землевладении Западной Европы, в Византии складывалась более медленными темпами. Византийская вотчинная организация хозяйства сочеталась с централизованной эксплуатацией крестьянства через развитую, в какой-то мере унаследованную от Рима налоговую систему. В Византии процесс субинфеодации имел меньшее, чем на Западе, развитие. В своих вотчинах византийские феодалы находились под постоянным контролем центральной власти. В этом аспекте аграрный строй Византии имеет сходство с аграрными отношениями стран Востока. Однако по мере развития феодализма все же происходит укрепление частной вотчины, что сближает Византию с Западной Европой.

Феодальные институты, сложившиеся в Византии (прония, характеристикий, экскуссия), хотя в целом и были близки соответствующим институтам вассально-ленной системы Западной Европы, однако принимали в Византии своеобразные формы. При значительном распространении централизованной ренты прония порою была связана не только с передачей феодалу земельного владения, но и с предоставлением ему права сбора в его пользу определенной квоты налогов, а экскуссия (во всяком случае до XIII в.) сводилась по преимуществу к податному иммунитету.

Вассально-ленная система осталась в Византии сравнительно неразвитой: феодальные дружины выступали здесь чаще как свита, а не как вассалы, связанные со своим сеньором личными

позвемельными и формально-этическими узами. Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не создалась, что было закономерно при наличии в империи сильной центральной власти и развитой бюрократии.

По-особому складывались судьбы византийских городов. Наивысшего расцвета города достигли в Византии не в конце, а в начале ее истории. Византия на заре своей государственности обогнала Запад по уровню развития ремесла и торговли. Дезурбанизация, происшедшая в VII – начале IX вв., ощущалась в Византии слабее, чем на Западе. Даже в эти столетия в Византии продолжали существовать крупные города не только как административно-церковные, но и торгово-ремесленные центры, очаги культуры и образованности. Однако с конца XI–XIII вв. византийские города постепенно вступают в полосу экономического упадка. В поздневизантийский период (XIII – середина XIV вв.) экономическое превосходство переходит к государствам Западной Европы, и решающую роль в этом сыграли различия в судьбах городов. В Западной Европе неуклонный рост городских центров привел к кардинальным сдвигам в социально-экономической жизни общества, а позднее – к зарождению в наиболее передовых странах того времени (Италии и Нидерландах) раннекапиталистических отношений. Для Византии же последний период ее существования отмечен угасанием экономической деятельности городов.

Ни в одной сфере общественной жизни отличие Византии от Запада и ее сходство со странами Востока, в частности с Сасанидским Ираном и Арабским халифатом, не проявились так явно, как в организации государственной власти. Здесь, как и в истории городов, наблюдается парадоксальное явление: централизация достигает наивысшей силы в ранней Византии и ослабевает в поздней.

Особый облик общественной и идеальной жизни Византии придавал восточному христианству и византийской церкви специфические черты. В Византии церковь не имела той экономической и административной автаркии, какая сложилась в Западной Европе. Существовавшая в условиях централизованного государства, она не являлась носительницей универсалистских тенденций, а наоборот, проповедовала единение церкви с государством.

Ю. В. БРОМЛЕЙ, В. Д. КОРОЛЮК

(Институт этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

СЛАВЯНЕ И ВОЛОХИ В ВЕЛИКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ НАРОДОВ И ФЕОДАЛИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (к вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов)

I. У-УІІ вв. были важным переломным моментом в истории средневековой Европы. Именно в это время огромные массы славянского населения приняли активное участие в Великом переселении народов, завершившемся в Центральной и Юго-Восточной Европе становлением славянских раннефеодальных государств. В то время как одна часть славянства, быть может, оттесняясь в известной мере переселявшиеся в пределы Западно-Римской империи германские племена, устремилась на запад с территории современной Польши, другая, двигаясь с востока и с северо-востока, переходя на правый берег Дуная, начала освоение Балканского полуострова.

Западнославянское переселение имело два основных направления: на юго-запад в пределы современных Чехии, Словакии и Венгрии и на запад и северо-запад в междуречье Одры и Лабы (Эльбы). В отличие от юго-западного направления, где перемещения славянских племен в основном завершились в УІ-УІІ вв., на западе и северо-западе они продолжались еще до УІІ столетия (ободриты). Западнославянская колонизация при этом пересекла Эльбу. Франкские источники отмечают вкрапление славянского населения на довольно большом расстоянии от основной территории западнославянского расселения, включая район Фульды.

В очень энергичных темпах происходило заселение славянами Балкан. Возможно, правда, что славянские передвижения за Дунай начались еще в ІІ-ІІІ вв., о чем свидетельствуют, по мнению некоторых историков, показания отдельных источников восточно-римского происхождения. Однако в действительно значительных масштабах колонизация славянскими племенами Балканского полуострова началась только в У в. и полностью завер-

шилась в УП в., когда она охватила не только территорию современных Болгарии и Югославии, но и континентальную Грецию, так что византийцы считали даже, что вся Греция ославянилась.

На территории современных Венгрии, Австрии, Словакии, Хорватии обе волны славянских переселений встретились, так что в целом Балканские войны славян У-УП вв. и славянские передвижения в Центральной Европе оказываются как бы единым звеном в истории Великого переселения народов. В сочинении Константина Багрянородного, писавшего в X в., сохранилось сообщение о передвижениях из верховий Вислы в район Далматинского побережья части славянских племен (хорватов) в начале УП в. До сих пор, однако, в исторической науке нет единого мнения относительно этого указания византийского источника.

2. В своем продвижении за Дунай и в Центральную Европу славяне входили в соприкосновение с народами, стоявшими на разных уровнях развития. Формирующаяся западнославянская ветвь вступала в контакт с находившимися на близком уровне общественного развития германцами, легко ассимилируя остатки германского и догерманского населения на территории к юго-западу и западу от Одры. Противником формирующихся южных славян являлась высокоразвитая феодализирующаяся Византийская империя. В ходе колонизации Балканского полуострова славяне ассимилировали местное фракийское и иллирийское население, которое до этого частично было романизировано. Отдельные группы местного романизированного населения были оттеснены в горы (влахи), в города Приморской Далмации и на острова Адриатического моря. На самом юге Балкан удалось сохраниться компактной массе дославянского населения — грекам, сохранившим свой этнос. Другую массу дославянского населения, сохранившую свой этнос, составили иллирийские племена, предки албанцев. О процессе сложного этнического синтеза, происходившего на территории Болгарии и отчасти Югославии, свидетельствуют антропологические данные, относящиеся к южным славянам. Антропологи отмечают влияние фракийского субстрата на физический облик болгарского населения и иллирийского — на физический тип отдельных групп югославянских народов.

3. Славянские переселения переплетались с вторжениями на Балканы и в Центральную Европу кочевых племен тюркского

и угро-финского происхождения. В УП в. часть южных славян оказалась под властью тюрок-протоболгар, создавших могущественное государство, вступившее в борьбу с Византией. Немногочисленные и явно не превосходившие в своем развитии славян протоболгары очень быстро растворились в земледельческой славянской среде, усвоив славянский язык и культуру и оставив покоренному славянскому населению свое имя - болгары.

В Центральной Европе сложился сильный Аварский каганат, основой могущества которого являлось покоренное славянское земледельческое население. Славянские воины в качестве вспомогательной силы участвовали в многочисленных войнах каганата против Византии и франков. Сильный удар по Аварскому каганату был нанесен восстанием славянских племен под руководством Само (середина УП в.), а Карлу Великому в конце УП в. удалось окончательно сокрушить его. Авары-завоеватели растворились в местном населении так, что от них, по словам русской летописи, не осталось "ни племени, ни наследка".

Последним крупным вторжением кочевников в Центральную Европу было переселение венгров на рубеже IX-X вв. Венграм удалось покорить славян, живших в Паннонии, и основать здесь свое государство, которое разделило западных и южных славян. Покоренное паннонское славянство было постепенно ассимилировано венгерским населением и, по-видимому, оказало заметное влияние на материальную культуру и язык завоевателей.

На территории Карпато-Дунайских земель как к северу от Дуная, так и к югу от него восточно-романский этнический элемент избежал деэтничизации и ассимиляции славянами и венграми. Этому способствовал особый, пастушеский тип волошского хозяйства. Однако данные языка дают основание предполагать теоретические контакты волохов и славян уже в эпоху славянских передвижений в Среднем Подунавье и на Балканах. Для восточно-романского населения в Подунавье, к северу от Дуная есть основания говорить даже о двух этапах славяно-волошского социально-экономического и культурного синтеза. Второй этап был обусловлен переходом волошского населения к земледелию, феодализацией волошского общества и образованием валашской и молдавской государственности.

4. Могучая волна славянских передвижений У-УП вв. была

обусловлена тем, что славяне вступили в конечную стадию первобытнообщинного строя – период военной демократии, который во всех странах отмечен исключительной подвижностью населения. В ходе переселения распадались старые и возникали новые военно-племенные объединения, внутри этих объединений нарушались прежние родо-племенные связи, быстро укреплялась роль вождей, возглавлявших переселившиеся союзы племен и опиравшихся на силы дружин. Византийские источники дают одинаковую картину порядков военной демократии у славян, штурмовавших границы империи. Вместе с тем они свидетельствуют о довольно высоком уровне производительных сил у славян того времени, что позволило им в очень короткие сроки овладеть сложной византийской военной техникой, включая осадную, что особенно ярко проявилось при нападениях славян на Солунь в VIII столетии.

5. Славяне, заселившие юго-восток и центр Европы, были земледельческим народом. Еще до переселения в пределах своей старой территории они частично вступили в эпоху пашенного земледелия (IV в. н.э.), используя при земледельческих работах тягловую силу рабочего скота и орудия с железными рабочими частями. Отмечаемое источниками преобладание у славян проса в качестве основной земледельческой культуры свидетельствует о большой роли в хозяйстве огневого земледелия. Однако с течением времени оно уступило место пашенному земледелию, которое не позднее VIII в. восторжествовало во всех славянских землях. Основной хозяйственной системой обработки земли становится двухполье. К середине X в. относятся первые упоминания в источниках арабского происхождения нерегулярного трехполья. Подсечная и огневая системы выступают уже, главным образом, как средство расширения посевных площадей. Возможно, в период переселения у славян временно усилилась роль скотоводства как хозяйственного фактора, что, впрочем, не нарушило земледельческого характера их культуры.

6. На новых территориях продолжался начавшийся в первой половине I тысячелетия процесс отделения ремесла от сельскохозяйства, развития металлургического производства. Естественным следствием этого процесса было возникновение городов как центров ремесла и обмена. Однако выделение города из

сельскохозяйственной округи происходило разновременно на всей рассматриваемой территории. Раньше всего получила развитие городская жизнь у южных славян, главным образом, на побережье Черного и Адриатического морей, где остатки городских поселений (с дославянским населением) сохранились еще от античности. К VIII-IX вв. относятся свидетельства о существовании городов во внутренних районах Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении, у паннонских славян, на территории Словакии и Моравии. В отдельных случаях и здесь мы, очевидно, имеем дело с преемственностью античной традиции. К X в. относится появление городов в Польше и Чехии. На Западном Поморье и отчасти у полабо-прибалтийских славян процесс выделения городов первоначально развивался даже энергичнее, чем на основных польских землях.

Неравномерность социально-экономического развития южных и западных славян объяснялась разными условиями, в которых оказалось переселившееся на новые места славянское население. Одна часть славян (западные славяне – польские, чешские, полабо-прибалтийские) расселялась на территории, никогда не входившей в круг античной государственности, и потому не переживала в своем социально-экономическом развитии синтеза общины с античным способом производства. Другая часть (словенские, хорватские, болгарские и некоторые сербские племена) заселила относительно развитые в прошлом области античного мира – пограничные провинции Римской империи. Для их дальнейшей судьбы немалое значение имело античное наследство в области материальной и частично духовной культуры, ускорившее общественный прогресс. В сфере городской жизни (особенно применительно к Далмации) имели место и явления континуитета, т.е. сохранения, хотя и в аграризированной форме, старых античных поселений. Третий путь развития представляли славяне паннонские, словацкие и моравские. Античное наследие играло в их развитии, по-видимому, меньшую роль, чем у большинства западных славян.

7. Существенным фактором социально-экономического развития являлось также соседство о передовыми европейскими странами. Для территории Болгарии и части Сербии таким фактором было соседство с Византийской империей. Для части Хорватии

(Далмация) аналогичную роль играла связь с развивавшимся итальянским феодализмом. Для Хорватии и Словении, а также для части полабо-прибалтийского славянства (ободриты) существенно в этот период влияние франкского государства. Медленнее других развивались находившиеся на периферии Европы польские земли, которые только в X в. сумели преодолеть свое социально-экономическое отставание. На Балканах замедленность темпов социально-экономического развития наблюдалась в горных, изолированных в силу природных условий районах Сербии и Черногории.

8. В тесной связи с общим уровнем социально-экономического развития, отражая его особенности, происходил процесс образования классов и государства у западных и южных славян. Основная линия формирования государственности проходила от территориально-политических образований, преемников военно-племенных союзов эпохи переселений, к племенным княжествам с наследственной правящей династией, опирающейся на знать и поддерживающей свою власть с помощью дружины. Консолидация племенных княжеств путем военного подчинения одним возвысившимся княжеством группы других вела к образованию отноительно единых раннефеодальных государств.

Вторжения кочевых племен ускоряли этот процесс, но не были его основой, о чем наглядно свидетельствует пример развития древнеболгарского государства, которое временно возглавляли завоеватели-протоболгары. Близкий характер по социально-экономической структуре (кочевая орда в роли господствующего слоя) имел Аварский кагакат. Общим для протоболгар и авар было наличие внутри государственной территории особых кочевых зон, где были расположены их основные укрепленные центры.

9. В других случаях в качестве фактора, ускорявшего политическую консолидацию, выступала внешняя опасность. Так, сначала угроза аварского завоевания, а затем франкская агрессия способствовали консолидации так называемой державы Само. Впоследствии натиск франков ускорил формирование Великоморавской державы и хорватского княжества Людовита Посавского. Если борьба с Византией способствовала консолидации древнеболгарского государства, то в государстве Готшалка (ободриты)

соседство с Саксонией первоначально стимулировало центростремительные силы. Медленнее развивался процесс политической консолидации на польских и сербских землях, а также у лютичей. У сербов в течение длительного времени не было устойчивого центра объединения. Но на протяжении X-XI вв. на всей территории славянского мира завершился процесс формирования раннесредневековой государственности. Как указывалось, внешний фактор обычно играл роль ускорителя процесса формирования государственности. Однако гипертрофирование масштаба внешней угрозы могло иметь своим следствием и задержку политической консолидации, о чем свидетельствует развитие ободритов и особенно лютичей в XI-XII вв. На территории Паннонии, Словакии и Моравии процесс развития государственности у славянского населения был насилиственно прерван венгерским завоеванием.

10. Важным фактором выревания у славян феодальных отношений была христианизация, являвшаяся вместе с тем показателем достижения отдельными славянскими народами определенного уровня социально-экономического развития. Ранее всего христианство в качестве господствующей религии закрепилось у южных славян, а также на территории Великоморавской державы и, вероятно, входившей в ее состав Чехии. Окончательная победа христианизации, связанная здесь с деятельностью Кирилла и Мефодия, а также их учеников, произошла во второй половине IX в. В середине X в. христианство приняла Польша. В первой половине XI в. в условиях германской феодальной агрессии христианство получило широкое распространение у части полабо-прибалтийских славян (ободриты). Противоречия между центрами христианства в Европе – Римом и Константинополем, а затем разделение церквей в 1054 г. привели к тому, что у западных и части южных славян (хорваты и словенцы) возобладало католичество, у болгар и сербов – православие.

II. Сложные исторические процессы, происходившие в Центральной и Юго-Восточной Европе в эпоху раннего средневековья, были связаны, как уже говорилось, с коренными этническими переменами. Если в Центральной Европе главную роль играло переселение славянского этнического элемента, то в Юго-Восточной важное значение имели процессы этнического синтеза. Показательно, однако, что в отличие от регионов синтеза ан-

тичности и варварства в Европе в ходе этого этнического синтеза, как правило, верх брал славянский элемент. Определенным исключением из этого правила является судьба венгров и восточно-романского населения, хотя и в этих случаях элементы славяно-венгерского и славяно-воловшкого этнического синтеза имели место. Победе венгерского элемента содействовала сильная политическая организация венгерского общества. Иной была историческая ситуация у восточно-романского населения, в течение длительного времени не имевшего возможности создать свою особую государственность.

Если особый тип хозяйства способствовал сохранению восточно-романского этноса, то в дальнейшем именно славяно-воловские (в том числе и этнические) связи помогли ему конституироваться политически, создать свою молдавскую и валашскую раннефеодальную государственность.

12. Обрисованные выше социально-экономические, политические, культурные и этнические факторы позволяют, на наш взгляд, лучше представить особенности процесса феодализации в Центральной и Юго-Восточной Европе. В то время как в Центральной Европе процесс этот развивался аналогично тому, как он происходил у славян Восточной Европы, бессинтезным путем, как правило, сопровождаясь образованием относительно единых раннефеодальных государств на этнически однородной основе, на Юго-Востоке Европы картина была во всех отношениях гораздо более сложной.

Это и побуждает нас рассматривать Восточную и большую часть Центральной Европы как единый бессинтезный регион, в то время как Юго-Восточную и небольшую часть Центральной – отнести к особой, условно называемой контактной зоне.

13. Особенностью ее было сосуществование в течение длительного времени различных культурно-хозяйственных типов – земледельческого, кочевого и пастушеского, наличие сильной античной культурной хозяйственной подосновы и элементов античного континуитета, непосредственное воздействие Византии в области экономики, культуры и политического развития, сложность этнических процессов.

14. В отличие от Центральной и Восточной Европы в контактной зоне процесса феодализации отнюдь не всегда сопровождался образованием самостоятельной государственности на эт-

нически однородной основе. Он должен был существенно различаться в тех случаях, когда развивался в чисто земледельческом обществе, в обществе, сочетавшем земледельческий быт с кочевым, и в пастушеском. Если в первом случае ход этого процесса будет приближаться к центрально- и восточноевропейскому, то во втором сильная политическая организация кочевников определит первоначально очевидный перевес централизованной ренты – дани, а в третьем отсутствие государственной организации явится фактором, тормозящим, консервирующим развитие феодальных отношений. Внешний фактор (например, подчинение Восточнофранкскому государству, проникновение христианства латинского образца) мог способствовать ускорению развития сеньориально-вотчинной структуры в одних случаях, тормозить ее сложение в других (христианизация с опорой на Византию, ирландская христианская миссия).

Быть может первоначально сильное развитие централизованной ренты, а затем (с XI в.) непосредственное воздействие Византии тоже ускорили в дальнейшем формирование сеньориально-вотчинной структуры у южных славян – как структуры господствующей, в то время как позднее политическое развитие у волохов, как и особенности первоначального хода феодализации у них в условиях пастушеского быта, замедлили этот процесс даже в XIV в. Важно подчеркнуть, что типологически у значительной части южных славян феодализм с преобладанием централизованной ренты в дальнейшем сменился вотчично-сеньориальным строем.

15. Возвращаясь к процессу феодализации в восточно-романском обществе, следует иметь в виду, что сам факт его развития в рамках иной, не восточнороманской государственности имел очень существенные последствия. В сущности говоря, в Трансильвании и на юг от Дуная волошский феодализм был приглушен, подавлен структурно иными процессами феодализации венгерского и южно-славянского обществ, был подчинен этим процессам. Мучительно и подспудно развиваясь как особый, характерный для пастушеского и пастушеско-земледельческого общества тип феодализации в Карпато-Дунайских землях, он нашел благоприятные условия для оного завершения только в образовавшихся в XIV в. Валашском и Молдавском княжествах. Здесь

процесс этот вступил в тесный контакт с социально-экономическим развитием сильно поредевшего местного земледельческого славянского населения (см.доклад Г.Б.Федорова) и испытал воздействие общественных структур восточного и южного славянства (типологические особенности феодализма в Молдавии и Валахии см. в докладах П.В.Советова, Л.Л.Полевого, В.Я.Гросула).

И. А. РАФАЛОВИЧ

(Институт истории АН МССР)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ РОМАНИЗОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЗЕМЛЯХ К СЕВЕРУ ОТ ДУНАЯ

Каким бы широким ни было переселение романизованного населения с земель, расположенных к северу от Нижнего Дуная, оно, безусловно, не привело к полному исчезновению его после вывода легионов из лимеса в 271 г.

Первоначально это население, очевидно, обитало как в низменных и равнинных, так и в предгорных областях Дакийского лимеса. Однако в условиях Великого переселения народов судьбы земледельческого населения долин и преимущественно скотоводческого населения предгорий должны были неминуемо сложиться по-разному. Если первые были обречены на истребление или в лучшем случае на вытеснение¹, то более подвижное скотоводческое население могло при необходимости отступить в труднодоступные лесистые горные районы. Кроме того, оно не составляло конкуренции земледельческим варварским племенам.

Во всяком случае, как показали последние исследования румынских археологов, в VI-VII вв. в предгорьях Карпат обитало население, уживавшееся с "варварами" не только в пределах

¹ Данные о вытеснении этого населения содержатся в "Чудесах св. Дмитрия". Анонимный автор сообщает, что в Фессалонику стекались беженцы "...из Подунавья, Паннонии, Дакии, Дардании и других областей и городов". Цит. по кн.: "История Бизантии", т. I. М., 1967, стр.350.

одних смешанных поселений¹, но даже пользовавшееся вместе с ними одними и теми же могильниками.

О том, что романизованное население устойчиво проживало в Предкарпатье, говорит смена романо-гепидских поселений романо-аваро-славянскими². Уход гепидов не повлиял на это население, продолжавшее обитать на старых местах в составе новых политических объединений. Это отнюдь не отрицает возможности миграции части романизованного населения с юга на левый берег Дуная. Спорный вопрос о количественном соотношении автохтонного и пришлого населения должен быть рассмотрен особо и не рассматривается в данном сообщении.

Романизованное население, занимавшееся отгонным скотоводством, не могло бы сохраниться как обособленная этническая общность, если бы не выработало каких-то черт политической организации, регламентировавшей как внутренние отношения между общинами (раздел и разграничение пастбищ, определение и охрана путей прогона скота и др.), так и отношения всего населения с господствующими земледельческими союзами племен. Более того, не исключено, что на определенных этапах скотоводческое романизованное население могло выступать и как самостоятельная политическая сила.

Письменные источники середины – третьей четверти первого тыс.н.э. не сохранили прямых свидетельств о романизованном населении на землях к северу от Дуная, однако это не исключает возможности существования в них косвенных данных о наличии романизованного населения и о его первых выступлениях в качестве самостоятельной политической силы.

На наш взгляд, сведения такого рода содержатся в немногочисленных свидетельствах древних авторов о видном полководце

¹ М. Комша. Проникновение славян на территорию Румынской Народно-Демократической Республики и их связи о автохтонным населением. Тр. УП международного конгресса антропологических и этнографических наук, т.5. М., 1970, стр.275-288; Дорин Пореску. Cercetările arheologice în Transilvania. MCA, II. Bucureşti, 1956, p.78-80; Г. Бако. Elemente slave în necropola de la Bandu de Cimpie, SCIV, II. Bucureşti, 1962, p.451-457.

² К.Н. Ст. Santierul arheologic Moreşti. SCIV.V. 3-4. Bucureşti; 1955, p.645-662; Z. Székely. Săpăturile executate de muzeul din Sf. Gheorghe. (1959-1966), MCA, IX. Bucureşti, 1970.

и политическом авантюристе первой половины VI в. Мунде (Мунд, Мундон, Мундо).

К началу VI в. в Нижнем Подунавье развернулась ожесточенная борьба между Византией, готами и гепидами за основные переправы через Дунай, расположенные близ городов Сирмий и Сингидун. Владение этими городами не только обеспечивало контроль над переправами, но и над стратегически важными путями, связывавшими Балканский полуостров с Италией. Для империи возврат Сирмия и Сингидуна должен был укрепить безопасность балканских провинций от вторжений варваров; для готов, переселившихся к 500 г. в Италию, Сирмий был важен не только потому, что формально входил в диоцез Италии, но и потому, что служил связующим звеном с той частью остготов, которая осталась в Дакии; гепиды, хотя и считались федератами империи, понимали, что владея такими важными стратегическими пунктами, они могут диктовать свои условия союза Константинополю. В ходе борьбы, в которую оказалось втянуто и население, проживавшее по обоим берегам Дуная, города не раз переходили из рук в руки.

Трудно представить, что смена власти в придунайских городах приводила к существенной смене городского населения. К этому времени в Сирмии местная аристократия уже создала подобие городской власти во главе с "владетелем Сирмийским" Ригом. "История Мунда такова, — сообщает Феофан, — по смерти отца Мунд пришел к Ригу, своему деду по матери, владетелю Сирмийскому"¹.

В борьбе между готами Теодориха Великого и гепидами "владетель Сирмийский", очевидно, стал на сторону готов. Во всяком случае, после захвата Сирмия гепидами в город переносит свою ставку гепидский король Тразарих сын Трапостили. В 505 г., когда Теодорих посыпает войска для захвата Сирмия, ни Рига, ни его внука Мунда в городе уже не было.

Наиболее подробно освещает эти события Иордан: "Своего комита Питцама, избранного в число старейшин, он (Теодорих)

¹ Феофан. Хронография. Год 532. Цит. по кн.: А. В. М и - ш у л и н. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. "Вестник древней истории". М., 1941, № I, стр. 269, отрывок 65.

направляет на завоевание города Сирмия, который тот и захватил, изгнав короля Тразариха сына Трапостилы, но удержав его мать"¹.

К этому времени Мунд со своей стороны начинает партизанскую борьбу против гепидов и их союзников византийцев. "...он бежал от племени гепидов за Дунай", - сообщает Иордан, - "и бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество гонщиков скота, скамаров и разбойников и, заняв башню, которую называют Герта и которая стоит на берегу Дунайя, вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозглашал себя королем своих бродяг"². В этом, чрезвычайно важном сообщении есть несколько моментов, на которых хотелось бы остановиться подробнее: куда бежал от гепидов Мунд, где находились эти дикие, лишенные земледельцев места, и что представляло собою "королевство" Мунда?

Е.Ч.Скряинская в своем исключительном по полноте и всесторонности охвата комментарии к "Гетике" Иордана пишет: "Обычно в источниках У-УГ вв. выражение "ultra Danubium" означает "Задунавье", с точки зрения обитателя правобережья, т.е. областей империи. "Перейти за Дунай" у Иордана, как и у других современных ему авторов, значит перейти на левый берег, в области, занятые варварами. Но здесь, ввиду того что Мундон бежал от гепидов, населявших места по левому берегу Дуная, выражение "ultra Danubium", быть может, указывает на правый берег..."³ Далее Е.Ч.Скряинская выдвигает предположение, что безлюдные места эти находились где-то в Нижней Паннонии и Верхней Мезии⁴. Это предположение можно было бы принять, если бы Мунд бежал из земли гепидов, а не "от гепидов", как сообщает Иордан, и если отвлечься от того, что до своего бегства Мунд находился в Сирмии, лежавшем на правом берегу Дуная и захваченном гепидами .

¹ Иордан. Гетика. 301, 302. О происхождении и действиях гетов. М., 1960, стр.127.

² Там же.

³ Е.Ч. Скряинская. Комментарий к "Иордан. О происхождении и действиях гетов", он. 784, стр.354.

⁴ Там же.

Более вероятным нам кажется, что безлюдные места, куда бежал Мунц, находились именно на северном берегу Дуная, и выражение "ultra Danubium" Иордана следует понимать буквально.

Другим важным моментом в сообщении Иордана являются сведения о составе войска, собранного Мундом. Здесь, кроме скамаров и разбойников (*scamarisque et latronibus*), под которыми, как это доказал в своей обстоятельной работе А.Д. Дмитрев, следует понимать прежде всего восставших рабов и крестьян, на первое место поставлены "гонщики скота" (*abactores*). К сожалению, этот термин еще не обращал до сих пор на себя внимания исследователей. Вряд ли под ним можно понимать какую-нибудь социальную категорию, скорее это какая-то этническая группа, занимавшаяся по преимуществу скотоводством. Термин "*abactores*" вероятнее всего указывает не на скотоводов-кочевников, какими были в то время гунно-болгары, хорошо знакомые Иордану как "булгары"¹, а на людей, занимавшихся перегоном скота - отгонных скотоводов. Близкие термины в последующие столетия применялись для обозначения романизованных волохов. Их называли "пастухами" или "римскими пастухами"². Если эта гипотеза подтвердится, то в сообщении Иордана можно будет видеть первое в хронологическом плане известие о романизованном населении на левобережье Дуная.

Провозгласив себя "королем", Мунд пытался юридически оформить новое политическое образование в качестве суверенного государства. Более того, по постоянными походами на византийские владения он стремился расширить пределы своего "государства". Вместе с тем не следует преувеличивать значения этой попытки. Румынский исследователь Э.Франчес полагает, что в пределы владений Мунда входили не только земли по обоим берегам Дуная, но и византийские крепости, такие как Рецида и Ледерата. Более того Э.Франчес считает Мунда основателем этих и других опорных пунктов на левом берегу Дуная³. Такие

¹ Иордан. Гетика, 37.

² В.Д. Король. Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского "Анонима": В сб. "Юго-Восточная Европа в средние века". Кишинев, 1972, стр.139-159.

³ Э. Франчес. Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. "Византийский временник", т.ХХ.М., 1961, стр.17-18.

представления о мощи и размерах "королевства" Мунда явно преувеличены.

Так или иначе деятельность Мунда вызвала тревогу византийских властей.

Против него с большой армией был послан магистр армии Иллирика Савиниан, которому и удалось осадить Мунда в крепости Ровный Марг. Когда положение осажденных стало отчаянным, им на помощь пришли освободившиеся после захвата Сирмия готские войска Питпама. Византийская армия была разгромлена на голову¹.

Несмотря на одержанную победу, Мунду не удалось надолго закрепиться на Дунае. По приглашению Теодориха он с дружиной покидает Подунавье и переселяется в Рим, где становится вельможей и военачальником. Полководческий талант Мунда становится настолько известным, что после смерти Теодориха император Юстиниан приглашает его к себе на службу, провозгласив магистром армии Иллирика².

На византийской службе Мунд, вместе с Велизарием участвует в подавлении восстания Ника³ и в многочисленных войнах империи. Ему удается разгромить вторгшихся через Дунай болгар. Тысячи пленных болгар были отосланы в Константинополь и их показывали на ипподроме⁴.

Мунд погиб вместе со своим сыном Мавриkiem во время войны с готами в 536 г.⁵

Очень интересным представляется вопрос о происхождении Мунда. Может быть, здесь кроется один из ответов на то, почему он сумел объединить вокруг себя массу "гонщиков скота" и разоренных войнами местных крестьян. Крайняя противоречивость данных источников говорит о том, что Мунд вышел из малоизвестной для византийских авторов среды, а стремление связать его происхождение с какой-нибудь из видных варварских династий – обычное явление в психологии раннесредневекового историка в том случае, если происхождение героя темно или же невысоко.

¹ Иордан. Гетика. 301, 302.

² Феофан. Хронография. Год 532.

³ История Византии, т. I. М., 1967, стр. 293.

⁴ Феофан. Хронография. Год 532.

⁵ Прокопий. У (I), 7, 5–6; Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950.

Некоторые авторы, видимо, по этой же причине опускали данные о происхождении Мунда. Так, Эннодий в своем "Панегирике" лишь указывает на то, что Мунд был союзником, федератом короля готов Теодориха¹, а Прокопий лишь отмечает: "Мунд был родом варвар, но исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле"².

По свидетельству Иоанна Малалы, Мунд происходил из королевского рода гепидов и после смерти отца жил в Сирмии у своего деда Трапстилы³. С этим свидетельством перекликается сообщение Феофана с той лишь разницей, что дедом Мунда назван не Трапстила, а Риг - "владетель Сирмийский"⁴. Феофан, живший в VIII в., для написания своей "Хронографии" использовал труды ранее живших авторов. Повторяя почти дословно сведения Иоанна Малалы, он, однако, исправляет эти данные и называет дедом Мунда Рига. Действительно, если Мунд был внуком Трапстилы и братом Тразариха, то он вряд ли мог быть союзником готов в войне с гепидами за Сирмий. Более того, Иордан хорошо знакомый с обстоятельствами гото-гепидской войны, говоря о разгроме Тразариха готским отрядом Петры, не только не называет Мунда братом Тразариха, но и вообще не считает его гепидом.

"Этот самый Мундон, - пишет Иордан, - происходил от каких-то родичей Аттилы..."⁵. Таким образом, Иордан склонен считать Мунда гунном, а не гепидом. В сообщении Иордана есть и какая-то доля сомнения в гуннском происхождении Мунда. Он лишь смутно, не уточняя, говорит о "каких-то" родичах Аттилы. Но во время войны с Византией против Мунда и готов Петры действовали именно гунно-болгары, нанятые правительством Константинополя⁶. Более того, военную славу Мунду принесла именно победа над гуннами. Все это не позволяет достоверно считать Мунда ни гепидом, ни гунном.

¹ Эннодий. Панегирик. XII, 63–66.

² Прокопий. Война с готами, У (I), 5,2.

³ Иоанн Малала. Хронография, XIII, 19–45, I5; *Fontes historiae dacico-gothicae*, II. Bucuresti, 1970, p. 505.

⁴ Феофан. Хронография. Год 532.

⁵ Иордан. Гетика, 301.

⁶ Эннодий. Панегирик. XII, 60, 64.

Наконец, есть еще одно свидетельство о происхождении Мунда. Оно исходит от Марцеллина Комита. Сообщая в своей "Хронике" о борьбе Мунда с Савинианом, Марцеллин Комит пишет, что Савиниан, собрав войска, двинулся "против Мундона гета" (*contra Mundoem Getam*)¹. Были ли у Марцеллина Комита основания считать Мунда гетом, т.е. выходцем из коренного населения Задунайской Дакии? По-видимому, были. Об этом говорит весь ход событий, связанных с началом политической деятельности Мунда вплоть до создания "королевства" гонщиков скота и скамаров. Е.Ч.Скряинская, в отличие от других исследователей, считавших Мунда то гепидом (А.Д.Дмитрев²), то гепидом или гунном (Э.Франчес³), склонна принять версию Марцеллина Комита. Правда, под гетом, считает Е.Ч.Скряинская, следует понимать гота⁴. Если бы термин "гет" исходил от Иордана, то такой вывод можно было бы считать обоснованным, ибо, желая "удревнить" историю готов, Иордан намеренно отождествлял готов и гетов. Однако в данном случае Иордан не называет Мунда гетом может быть как раз потому, что последний не был гетом. Более того, Иордан, широко использовавший в заключительной части "Гетики" труды Марцеллина Комита⁵, не повторяет его сведений о происхождении Мунда. Мнение Е.Ч.Скряинской о том, что Мунд был гетом, потому что выступал в качестве союзника готского короля Теодориха, на наш взгляд, не может быть признано убедительным⁶.

Версию о том, что Мунд был по происхождению "гетом", т.е. выходцем из среди романизованного населения левобережья Дуная, на наш взгляд, подтверждает сообщение Прокопия об обстоятельствах гибели Мунда и его сына Маврикия. Прокопий по этому поводу вспоминает древнее предсказание Сивиллы о том, что после захвата Африки мир погибнет о потомством. "Но это предсказание, - писал Прокопий, - говорило вовсе не об этом;

¹ Марцеллин Комит. Хроника. 505, XIII, 25-30.

² А.д. Дмитрев. Движение скамаров. "Византийский временник". М., 1952, стр.10.

³ Э. Франчес. Указ.соч. стр.17.

⁴ Е.Ч. Скряинская. Указ.соч., стр.354.

⁵ Там же, стр.19-20.

⁶ Там же, стр.354.

предсказывая, что действительно Ливия вновь будет под властью римлян, оно предсказывало также и то, что погибнет и Мунд вместе с сыном. Оно звучало так: "Africa capta Mundus cum nato peribit". Так как латинское слово "Мунд" обозначает также и мир, вселенную, то все думали, что это предсказание касается мира"^I.

Таким образом, Прокопий, современник Мунда и секретарь Велизария, по всей видимости знаяший Мунда лично и общавшийся с ним, объяснил его имя, исходя из латинского языка. Прокопия не удивляет латинское имя "варвара" может быть потому, что оно не представляло в это время необычного явления.

Итак, в качестве гипотезы, можно допустить, что в начале VI в., воспользовавшись борьбой готов, гепидов и Бизантии за Сирмий, романизованное население, проживавшее по обоим берегам Дуная, в союзе с "варварами" под руководством меотского вождя Мунда сделало попытку создать независимое раннегосударственное образование типа варварских королевств. Разумеется, это только одна из возможных интерпретаций скучного материала, который дают письменные источники VI-VII вв. Дальнейшие исследования, особенно исследования археологических памятников VI-VII вв. в Карпато-Дунайских землях покажут, насколько вероятна такая трактовка письменных памятников и мог ли социально-экономический уровень развития местного романизованного населения привести к образованию в начале VI в. самостоятельных раннегосударственных образований? Могло ли романизованное население VI-VII вв. сыграть значительную роль в создании этих политических объединений подобно той, которую оно сыграло в становлении Первого и Второго Болгарских царств?

^I Прокопий. Война с готами, I (У), 7, 6-10.

Г. Б. ФЕДОРОВ

(Институт археологии АН СССР)

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА У ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В IX-XII ВВ. (по археологическим данным)

Возможности использования археологических источников для изучения генезиса и развития феодализма не следует преувеличивать. Такие важнейшие институты и характерные особенности феодализма как феод, лен, вассалитет, банализитет, виды и формы феодальной собственности на землю и феодальной ренты вообще не могут быть изучены по археологическим данным. Однако археологические материалы могут внести определенный вклад в разработку таких важнейших проблем феодализма, как определение и изучение стадий феодализма (ранней чисто аграрной стадии полного развития, отличающейся прежде всего отделением города от деревни, и поздней - разложение феодализма), в конкретное изучение причин и путей возникновения феодального города, его социальной и производственной структуры и топографии, его взаимоотношений с сельским населением, в исследование наличия и особенностей товарного производства, в изучение возникновения и развития городских ремесел, городских посадов и взаимоотношений их населения с населением собственно городов или цитаделей, в изучение эволюции семьи и общины при феодализме, религии, культурных и экономических связей, наконец, в исследование судеб феодального общества в данном регионе.

Таким образом, круг вопросов по генезису и развитию феодализма, в решении которых археологические материалы могут сыграть определенную роль, достаточно широк.

В период, предшествующий исследуемому, восточнославянское население Днестровско-Прутского междуречья в VI - первой половине IX в., судя по археологическим данным, переживало распад родового строя и формирование феодальных отношений - первой чисто аграрной стадии феодализма, при переходе от родовой к поселковой общинам и от большой патриархальной к

патронимной семье, при отсутствии городов и вообще укрепленных поселений. Лишь в конце этого периода можно говорить о появлении процесса выделения некоторых специализированных ремесел: металлургического, частично гончарного (селища Бранешты I, Одая и др.) при господстве в целом домашних производств. Поляне, северяне, радимичи и другие восточные славяне, в том числе уличи и тиверцы, представляли собой в социальном отношении во второй половине I тысячелетия н.э., согласно гипотезе Б.А.Рыбакова, все более крепнувшие племенные союзы, которые накануне образования Древнерусского государства превратились уже в раннефеодальные княжества, объединявшие ряд мелких племен.

Свидетельства письменных источников о славянах Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. крайне скучны и отрывочны, в частности в отношении исследуемой проблемы. Однако и имеющиеся сведения очень важны. О наличии городов у населения Днестровско-Прутского междуречья сообщает в конце IX в. анонимный баварский географ, в середине X в. - византийский император Константин Багрянородный и в начале XII в. - киевский летописец¹. Однако только археологические исследования позволили открыть эти города, изучить их социально-экономическую структуру и сущность. "Повесть временных лет" сообщает о том, что уличи и тиверцы в первой половине X в. уже входили в состав воев киевского князя, т.е. типичного феодального ополчения, состоявшего из смердов - свободных крестьян-общинников и горожан и набиравшегося от случая к случаю². В одном из летописных сводов указано, что полководец Игоря Святополка обложил древлян и уличей данью "по черной куне с дыма"³. Дань с дыма, т.е. с дома, является одной из типичных видов феодальной дани.

Как и в предшествующий период, поселения конца IX-XII вв. расположены гнездами, причем численность и судьбы поселений каждого из гнезд не были одинаковыми. Наиболее малочисленное киевское гнездо поселений, располагавшееся в низовьях Днестра,

¹ Г.Б. Федоров. Население Юго-Запада СССР в I - начале II тысячелетия н.э. СЭ, 1961, № 5, стр.80-106.

² Б.Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр.325-326, 334.

³ Новгородская I летопись. М., 1950, стр.109.

прекратило свое существование в первой половине X в. видимо под ударами печенегов. Остальные гнезда поселений (Припрутское, Днестровско-Реутское, Днестровско-Чорненское, Северное и др.) в X-XI вв. переживали высший расцвет. Особенный интерес представляют городища, окруженные целым рядом (до 50) селищ. Во всех случаях, когда были произведены более или менее значительные раскопки, удавалось установить, что городища, как и большинство селищ IX-XII вв., выросли из местных же славянских поселений предшествующего времени и всеми элементами культуры генетически связаны с ними. Так, например, под валом Алчедарского городища была открыта славянская полуzemлянка с печью-каменкой и лепной керамикой типа Пражской-Корчак. В нижних горизонтах культурного слоя Алчедарского городища вместе с византийской монетой конца XI - начала XII в. была открыта славянская лепная керамика XI-XIII вв., домница, относящаяся к этому времени и т.п. Подобного типа керамика обнаружена и в нижних горизонтах Екимауцкого городища и посада, на селищах Лопатна, Одая и др., в нижних горизонтах и в ряде ям городища Рудь. На посаде этого городища открыта раннеславянская полуземлянка и целый хозяйственный комплекс XII-XIII вв.

Сами городища, построены ли они были заново (Екимауцы, Алчедар, Лукашевка, Рудь и др.) или с использованием древних гетских городищ (Куратуры, Матеуцы и др.), были относительно невелики (не свыше 200 м диаметром). Однако они были окружены значительными по территории посадами, занимавшими несколько десятков гектаров. Например, Алчедарское поселение, в центре которого находилось хорошо укрепленное городище, занимало площадь около 100 га. Только на одной четвертой части посада было открыто около 200 жилищ, 70 из которых раскопано. Таким образом, общее количество жилищ было едва ли меньше 1000 и, соответственно, население достигало 4-5 тысяч человек, т.е. количества, типичного для феодальных городов Европы. Впрочем, были и поселения с городищами гораздо меньших размеров (Царевка, Машкауцы и др.).

Социальная и экономическая структура этих поселений к концу рассматриваемого периода является весьма выразительной. Посады и городища представляли собой единый социально-

экономический и культурный организм, что яствует не только из их территориальной общности, но и из тождества жилищ, отопительных сооружений, керамики и других основных элементов материальной культуры, а также из своеобразного разделения труда между населением городища и посада. На городище жили воини, знать, ремесленники высококвалифицированных обрабатывающих специальностей. На городищах найдены сотни образцов различного оружия (наконечники стрел, копий, части сабель, кистени, булавы, боевые топоры, пластинчатые и кольчужные доспехи и др.), многочисленные серебряные и др. украшения, знаки власти, такие, как массивная серебряная шейная гривна, а также серебряные диргемы, русские рубли-слитки. Здесь же открыты мастерские оружейников, ювелиров, кузнецов, имевшие полный набор инструментов, сырье, полуфабрикаты и готовые изделия.

Все жилища на городищах примерно одинаковы по размерам и конструкции, что не позволяет выделить жилища какого-либо единого главы города (князя, боярина и т.п.). В то же время отчетливо выделяются по специальному набору находок жилища-мастерские городских ремесленников, жилища воинов и знати. Видимо, между обитателями цитадели еще не было сколько-нибудь резкой имущественной и социальной дифференциации. Отчетливо прослеживается лишь имущественная и социальная разница между обитателями городищ и городских посадов. Первые по отношению к жителям посадов представляли собой привилегированную верхушку населения города.

На окружающих городища посадах жили ремесленники добывающие специальностей, прежде всего металлурги и связанные с ними углекоги, рудокопы, а также гончары. На посадах найдены сотни килограммов железной руды, угля, железных шлаков, кричного железа, сотни воздуходувных сопел, каменные площадки для дробления железной руды, многочисленные домницы, печи для обогатительного обжига руды, служившие, видимо, и для обжига керамики и т.п. На посадах почти не найдено оружия, никаких знаков власти. Встречаются очень скромные украшения, например грубые медные литые копии с зерненых и сканих серебряных сегрег в виде виноградной грозди. Небольшое количество найденных на городищах нательных крестов - свидетельство существования здесь христианства - религии, характерной для классо-

вого общества. На посадах совсем нет крестов, а найдены только языческие амулеты - кабаны и медвежьи клики со сверлилами, глиняные изображения языческих божков.

Глиняная посуда, производившаяся на посадах, формовалась на гончарном круге и обжигалась в специальных печах. Археологические данные ярко свидетельствуют о товарном характере производства на поселениях с городищами. Об этом говорит наличие высокоспециализированных орудий труда по меньшей мере 10 различных ремесел, широкое распространение на окрестных селищах в радиусе до 50 км произведенных на городищах и посадах железных изделий, керамики и др., процесс постоянного стягивания разницы между однородными изделиями, наличие знаков собственности (клейма на посуде, замки, ключи), а также монеты и другие денежные знаки, указывающие на денежное обращение. Шиферные пряслица и другие изделия из центров Киевской Руси, среднеазиатские дирхемы и сосуды, византийские трехручные и др. поливные и неполивные кувшины, западнославянские и южнославянские элементы в культуре свидетельствуют о развитии экономических и культурных связей. Близкими были связи с Первым Болгарским царством, которое в период высшего расцвета включало в свои границы и южную степную часть Днестровско-Прутского междуречья¹.

Жилища на посадах располагались совсем иначе, чем на городищах - гнездами от двух до пяти, причем зачастую посреди такого гнезда размещался общий производственный комплекс. Такое расположение жилищ характерно для патронимной семьи, т.е. той стадии, когда большая патриархальная семья уже распалась на малые индивидуальные семьи, но между бывшими членами патриархальной семьи сохранились определенные родственные, территориальные, производственные и др. связи. Как свидетельствуют данные Алчедарского могильника, патронимные семьи имели и общие усыпальницы.

Жители посадов, хотя и были прежде всего ремесленниками (металлургами и гончарами), однако не порывали полностью и с сельским хозяйством, о чем свидетельствуют находки жерно-

¹ Г.Б. Федоров. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. - В КН.: *Actes du Premier congrès international des études Balkaniques et Sud - Est Européennes. II. Sofia, 1970*, стр. 687-702.

зов и целых мельничных поставов, различных земледельческих орудий труда, кости домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади и т.д.).

Таким образом, поселения с городищами в центре у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья конца IX-XII вв. были городами в собственном смысле слова, т.е. центрами производства и торговли, а также военно-административными центрами, господствовавшими над окрестными селами, а в случае нужды, предоставлявшими жителям защиту и убежище. Видимо именно на случай осады и необходимости обеспечить потребности множества людей, на городищах существовали огромные зерновые ямы и двухкамерные глубокие колодцы (Алчедар, Лукашевка, Екимауци, Рудъ), позволявшие иметь запасы зерна и воды, намного превышавшие нужды обычного населения городищ.

Как и в других областях Руси и вообще в Европе, образование этих городов, т.е. переход ко второй стадии развития феодализма, началось в X в.

Городские ремесленники междуречья снабжали жителей окрестных сельских поселений своими изделиями: украшениями, оружием, посудой, а также орудиями труда для сельского хозяйства и различных промыслов (железные чересола, наральники, лемехи и др. части плугов, серпы, косы, известняковые жернова, железные медорезные ножи, древолазные шипы для бортничества, железные крючки для рыболовства, тупоконечные и двурогие железные наконечники отрела для охоты на пушных зверей и птиц, железные топоры, ножи, оковки деревянных лопат, обручи, дужки и ушки для деревянных ведер и др. бытовые изделия).

Сельские поселения были все неукрепленными и, имея ряд общих черт в материальной культуре с городскими (посуда, жилища, различные изделия), отличались от них и по размерам, и по планировке, и по образу занятий жителей. В каждом из таких поселений жило, видимо, в среднем 150–200 человек. Поселения обычно вытянуты вдоль берега реки или ручья, иногда цепочкой по несколько поселений на небольшом расстоянии друг от друга (например 7 селищ вдоль Днестра между современными селами Пояна и Сокол), и размещались они на первой или второй надпойменных террасах, занимая в длину 200–250 м, в ширину 150–200 м. Насколько можно судить по результатам раскопок

(селища Пояны, Требужены, Одая, Лопатна и др.), жилища располагались либо гнездами, либо рядами вдоль реки или ручья. Основным занятием жителей было земледелие, скотоводство, бортничество, охота, рыболовство, а на отдельных селищах возможно еще металлургия и гончарство.

Элементы материальной культуры древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. были, во-первых, генетически связаны с предшествующей местной славянской культурой, а во-вторых, имели ярко выраженный общерусский характер. Объяснялось это тем, что Днестровско-Прутское междуречье уже с VI в. находилось в центре расселения славянских племен, в первой половине X в. вошло в границы Древнерусского феодального государства, а славянское население междуречья - в состав древнерусской народности. Вместе с тем, в культуре этого населения прослеживаются и некоторые своеобразные черты: специфические формы серег ("виноградная гроздь"), влияние западнославянской и южнославянской традиций в керамическом деле, влияние западнославянской фортификации - появление на рубеже IX и X вв. городищ с кольцевым валом (еще со второй половины I тыс. н.э. характерных для славян междуречья Одера и Вислы, а на Днестре появившихся на несколько столетий раньше, чем в других районах Древнерусского государства), наконец, влияние древних местных еще гетских традиций в керамике.

Судя по расстоянию между жилищами как на посадах, так и на селищах, не превышавшему 5-7 метров, дворы и усадьбы были очень невелики по размерам, т.е. основные участки обрабатываемых земель находились вне пределов поселения и были, видимо, общинной собственностью, в то время как приусадебные участки играли в хозяйстве лишь второстепенную роль. В дальнейшем, видимо за счет падения роли общины и общинных земель, резко увеличились размеры приусадебных участков и, соответственно, расстояние между жилищами.

Любопытна эволюция на протяжении IX-XII вв. обряда погребения, отражающая определенные сдвиги в мировоззрении. В IX - первой половине X в. (Алчедарский могильник) обрядом погребения было захоронение трупосожжений под курганными насыпями. Каждый, постепенно подсыпавшийся курган служил усыпальницей для членов патронимной семьи. Со второй половины X в.

(Бранештский, Екимацкий могильники), при полной преемственности материальной культуры, со сменой религии резко изменился обряд погребения. Умерших стали хоронить в вытянутом положении на спине, головой на запад, хотя сохранились и некоторые реминесценции языческого обряда (более богатый, чем в поздних христианских погребениях, могильный инвентарь, изредка встречающиеся трупосожжения). Изменилась и планировка могильников. Они стали грунтовыми и имели рядовую планировку, причем среди рядов выделяются небольшие группы могил, что, видимо, отражало распад патронимной семьи и господство семей индивидуальных. Подобная смена погребального обряда в это же время и по тем же причинам произошла и в центральных районах Древнерусского государства, о чем можно судить по раскопкам Киевских, Черниговских и др. могильников. Появление христианства и постепенный распад патронимной семьи на индивидуальные семьи знаменовали торжество новых феодальных порядков.

В VIII-IX вв. в причерноморских степях хазары с трудом отбивались от наступавших с востока орд печенегов. Последние, по известию летописца, в 915 г. впервые вторглись в пределы Русской земли. С тех пор борьба с печенегами и сменившими их торками и половцами, стала важнейшим фактором всей жизни Древнерусского государства, особенно населения его пограничных со степью окраин. Одной из таких окраин было Днестровско-Прутское междуречье – юго-западный форпост Древней Руси. Может быть, именно в связи с опасностью нападения кочевников и были почти одновременно (на рубеже IX и X вв.) в центре наиболее обширных славянских поселений возведены заново мощные цитадели-городища или перестроены древние, еще гетские укрепления. В свою очередь вокруг этих городищ стали стремительно разрастаться ремесленные посады.

Кочевники уже в первой половине X в. разгромили самое южное степное гнездо древнерусских поселений, центром которых был, видимо, Белгород-Днестровский. После этого на протяжении X, XI и начала XII вв. все более усиливался напор кочевников, все дальше продвигались они на север, в глубь Днестровско-Прутского междуречья. В ожесточенных боях гибли древнерусские города, феодальные центры – средоточие ремесел, торговли и высокоразвитой культуры.

Распад Древнерусского государства и разгром Первого Болгарского царства печенегами и Византией в начале XI в. открыли кочевникам пути к центральным районам Днестровско-Прутского междуречья. К первой половине XII в. почти все древнерусские феодальные города и многие гнезда поселений, лишь вступившие в стадию развитого феодализма, оказались разгромленными. Исключение составило только самое северное из гнезд поселений (Рудь, Косоуцы и др.), сливавшееся с древнерусскими поселениями Северной Буковины. Эти поселения, недосягаемые для печенегов и половцев, и оказавшиеся, вероятно, под эгидой Галицкого княжества, дожили до самого татарского нашествия.

Хотя древнерусские поселения на основной территории Днестровско-Прутского междуречья частично сохранились и после середины XII в., и древнерусское население даже пополнилось за счет "галицких выгонцев", однако вся социально-экономическая и политическая феодальная структура, существовавшая в IX-XII вв., была разрушена и не восстановлена. Продолжали лежать в развалинах разгромленные кочевниками города, в большинстве своем запустели и окружавшие их сельские поселения. В границы Молдавского феодального княжества во второй половине XIV - начале XV вв. вошло Днестровско-Прутское междуречье, а ассимилированное славянское население - в состав молдавского народа, внеся свой вклад в его язык, материальную и духовную культуру. Однако процесс феодализации, построение структуры и институтов феодальных отношений здесь пришлось начинать по существу заново. Этот процесс феодализации на территории Днестровско-Прутского междуречья в период создания и расцвета Молдавского княжества шел совсем иными путями, чем во времена, когда эти земли входили в состав Древнерусского государства.

Подведем некоторые итоги:

I. На рубеже IX и X вв. на территории Днестровско-Прутского междуречья возник целый ряд городов. Это были центры ремесла и торговли, центры товарного производства. Возникавшие "вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству"¹, они вырастали не на базе пле-

¹К.Маркс и Ф.Энгельс.Соч.,изд. I-е,т.II,стр.40.

менных убежищ ("тврдей") и не из укрепленных дворов-замков бояр или других феодалов, а на базе развития ремесел и торговли из наиболее удобно расположенных для этого неукрепленных поселений. Возведение оборонительных сооружений в центре этих поселений привело к стремительному разрастанию их ремесленных посадов, к росту их значения как военно-административных центров и центров ремесла и торговли. Города господствовали над окрестными сельскими поселениями, снабжали их изделиями своих ремесленников и служили защитой в случае опасности. Гнездо поселений с городищем в центре было тем, что В.О.Ключевский называл "городовой областью", т.е.политической и экономической формой феодальной организации.

2. Гнезда поселений имели четкую социально-экономическую топографию, типичную для поселений феодального общества на стадии отделения города от деревни, т.е. начала стадии развитого феодализма. В процессе разрастания и укрепления городов определялась их социально-экономическая структура. В цитаделях жила знать, воины и ремесленники высококвалифицированных обрабатывающих специальностей, на посадах - гончары, а также металлурги, рудокопы, углекожи и ремесленники других добывающих специальностей, не порвавшие еще и с сельским хозяйством. Жители неукрепленных поселений занимались по преимуществу земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, бортничеством и др.промышленами.

3. Цитадель и посад (город), с одной стороны, и окружающие его сельские поселения, с другой, были неразрывно связаны между собой в политическом, экономическом и социальном отношениях.

4. В процессе феодализации произошел переход от язычества к христианству - религии классового общества. В это же время, в процессе феодализации происходил переход от патронимной к индивидуальной семье и к господству соседской сельской общины.

5. Жители сельских поселений и городов помимо вероятных местных повинностей платили киевскому князю дань "по черной куне с дыма" и принимали участие в возглавляемых им походах в качестве воев, т.е. несли такие же типичные феодальные повинности, как и жители других частей Древнерусского государства.

6. В городах существовало развитое товарное производство и денежное обращение. Материальная культура этих городов, наряду с некоторыми специфическими особенностями, имела обще-русский характер и была теснейшим образом связана с центрами Древнерусского государства. Наряду с этим прослеживаются культурные и экономические связи населения Днестровско-Прутского междуречья с Византией, странами Востока, с западными и южными славянами, в частности с населением Первого Болгарского царства.

7. В результате длительной и ожесточенной борьбы с кочевниками Днестровско-Прутское междуречье было оторвано от центров Древнерусского государства, его блестящая материальная культура и города были разрушены, а население в значительной степени вытеснено на север. При этом была разрушена и вся феодальная структура со всеми ее институтами. Процесс феодализации в Днестровско-Прутском междуречье после включения его в границы Молдавского княжества происходил во многом заново и шел в значительной степени по иному пути (о нем см. доклады П.В.Советова, Л.Л.Полевого и В.Я.Гросула).

Г. Г. ЛИТАВРИН
(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

ОСОБЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО И БОЛГАРСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В МОНЦЕ XII-XIV ВВ. (и проблема типологии феодализма)

I. Исходным пунктом изучения проблемы классификации типов феодальных отношений на Балканах является, на наш взгляд, уяснение особенностей их развития в Византии, глубокое и длительное влияние которой на страны Балканского полуострова общезвестно.

Рассматриваемый в докладе период определяется в марксистской историографии – и для Византии, и для Болгарии – как эпоха развитого (или зрелого) феодализма. За четверть

века до IV крестового похода в Византии ярко обозначились черты феодального раздробления, лишь ускоренным ударом крестоносцев. Характерной особенностью распада этнически разнородной империи было отсутствие признаков какой-либо иерархии между получившими независимость провинциями как с иноплеменным, так и с греческим населением.

Мы остановимся на специфике социально-экономической эволюции лишь двух греческих государств, возникших на развалинах империи: Эпирского царства и Никейской империи. За рамками доклада мы оставили Трапезундскую империю, влияние которой на ход событий на Балканах было ничтожно. Вне рассмотрения оставлена и проблема развития латинских государств, так как ее трактовка крайне осложнила бы главную задачу доклада.

2. Развитие обоих греческих государств представляло собой непосредственное продолжение их эволюции как бывших провинций единого государства и одновременно – ее существенное видоизменение, вызванное некоторым перерывом традиции и новым экономическим и политическим статусом (разрыв старых хозяйственных связей, обособление в самостоятельное государство).

3. Эволюция Эпирского царства представляет собой наиболее "чистый" пример непрерывного развития нескольких прежних провинций Византии, объединенных в особое государство без существенных перемен в аграрной структуре, городском строем и административной системе. Перерыв традиции в обозначившихся здесь накануне 1204 г. тенденциях эволюции был минимальным, зато с максимальной силой он проявился во внутривелической роли центральной власти, в разрыве с традиционными принципами имперского правопорядка. В вырвавшемся из общеимперской системы Эпире стихийные процессы социально-экономического развития почти не испытывали воздействия высшей власти.

Преимущественно горный рельеф страны обусловил здесь искони сложившееся сочетание развитого зернового и интенсивного земледелия в редких и узких долинах и на побережье с отсталыми формами скотоводства в горах и на обширных засушливых плоскогорьях. Резким контрастам в степени освоения разных районов и этнической пестроте населения (греки, славяне, влахи, албанцы) соответствовали перепады в уровне социально-

экономических отношений. Сложившиеся здесь к концу XII в. крупные вотчины стали практически неподконтрольными центральной власти. Имелся здесь и обширный слой свободного крестьянства, особенно в горных районах, которое жило патриархальным бытом с пережитками родоплеменных отношений. Прония и служилая вотчина не получили существенного развития. С самого начала центральная власть юридически признала факт феодального раздробления страны, осуществив принцип надельной системы между членами правящей династии. Хотя правители удельных аpanажей официально считались высшими должностными лицами государя в провинциях, они обладали там обширными земельными владениями и почти безотчетно распоряжались средствами казначейства (сбор налогов находился в их ведении), будучи связаны с сувереном лишь целями осуществления единой внешней политики.

Города как центры ремесла и торговли были в Эпире особенно слабыми. Засилье в них местных феодалов и привилегированного иноземного купечества было характерно для всей истории Эпирского царства. Лишь в XIV в. на краткий срок некоторые из них добились важных привилегий и прав на ограниченное самоуправление. Эпир, пожалуй, ранее других районов бывшей Византийской империи превратился в поставщика производимого в феодальных вотчинах сельскохозяйственного сырья для городов Италии и далматинского поморья.

Слабая центральная власть, располагая незначительными материальными ресурсами, опиралась на силу правителей фамильных аpanажей и вассальных албанских князей. Лишь на 10-15-летний срок, в результате крайнего упадка власти латинян в Южной Македонии и во Фракии, Эпир сумел выступить в качестве главного претендента на "византийское наследство". В дальнейшем (после 1230 г.) независимое существование Эпира определялось в основном естественной прочностью горных границ и слабостью соседей. В 1337 г. его территория была воссоединена с Византийской империей. К сожалению, о внутреннем развитии этого часто менявшего господ района в последующий период вплоть до османского завоевания (конец XIV в.) известно весьма немного.

4. Ход эволюции Никейской империи был во многом противо-

положен путем развития Эпира. Прежде всего здесь имел место существенный разрыв с динамикой аграрного строя накануне образования независимого государства. И здесь же наблюдалось не только возрождение старых традиций имперского правопорядка, но и их регенерация даже в большем объеме, чем они сохранились в империи в канун 1204 г.

Территория Никейской империи сложилась на наиболее плодородных землях Малой Азии в результате их постепенного отвоевания у латинян и независимых греческих архонтов, а также в результате конфискации собственности прекративших существование константинопольских церквей и монастырей. Получив таким образом эти земли в свои руки, государь сумел осуществить организованное перераспределение владений, опираясь на старые принципы автократии, нацеленные на всемерное упрочение центральной власти. Открытость границ с запада и непосредственная близость к сильному врагу (латинянам и сельджукам) обусловила слабость феодальной оппозиции возобновлению политического курса, сломленного магнатами перед IV крестовым походом.

Заново упроченная еще в XII в. система свободных от налогов акритских участков, владельцы которых были обязаны нести военную службу на границах с Иконием, была сохранена. Прония носила четко обусловленный служилый характер лишь на срок жизни владельца. Получила развитие и служилая вотчина – пожалование земли в собственность под условием службы с обязательной императорской санкцией при наследовании. Возникла тенденция распространения этих юридических норм также на родовые поместья.

Правда, и прония, и служилая вотчина к середине XIII в. (как некогда в конце XII столетия) обнаружили признаки превращения в гониконы (родовое имущество). Но и этот процесс был временно заторможен созданием дополнительных ресурсов казны, позволивших увеличить наемные войска, подвластные императору и способные обуздеть непокорных магнатов: были созданы обширные домениальные хозяйства императорской семьи с посаженными на землю и обязанными бариной зависимыми крестьянами и наемными работниками, приток которых из занятых латинянами областей не прекращался. Эти императорские вотчи-

ны стали прообразом монастырских и светских поместий, возникших в конце XIII-XIV вв. и в западных, балканских провинциях империи.

Усилившаяся центральная власть сумела вернуться и к такому принципу имперского правопорядка при формировании и обновлении разных звеньев высшего и провинциального аппарата, как принцип "вертикальной социальной подвижности" (подбор сановников по личным качествам и личному благоволению государя). Победивший при Комнинах сословный принцип формирования элиты соблюдался здесь только в отношении царских родичей. Снова, после трехсотлетнего перерыва, был ликвидирован институт соправительства: вплоть до отвоевания Константино-поля ни один наследник престола не был коронован как соимператор.

Все это позволило Никее выиграть борьбу за "византийское наследство", но не позволило заложить прочные основы для создания единой сословной монархии. Одна из главных причин этого состояла, на наш взгляд, в общей экономической и политической слабости византийского города. Попытки своеобразного протекционизма (бойкота иноzemных товаров) были оставлены из-за нехватки ремесленных изделий. Императорские мастерские едва обеспечивали нужды армии и двора. Феодалы в Никейской империи также безраздельно властвовали в городах, а иноzemные торговцы приобретали значительные привилегии.

С XI-XII вв. в Западной Европе общее хозяйственное положение страны стало все более и более определяться развитием городов как главных носителей прогресса в производстве, в социальной и политической жизни общества. Прочные имперские традиции, направленные на превращение горожан лишь в тяглое сословие и подчинение всей торгово-ремесленной деятельности политическим целям двора, обусловили замедление развития византийского города. В условиях непропорциональных льгот иноzemным купцам, мощной экономической экспансии итальянских республик и господства в экономике и общественной жизни города феодальной знати промедление в развитии превратилось вскоре в неизбежный фактор упадка византийских эмпориев, аграризации, оскудения казны, политической слабости и трансформации древней империи в сырьевой придаток развитых стран Средиземноморья.

Было бы, по нашему мнению, опрометчиво полагать, что отмеченные черты упадка обнаружились лишь после восстановления Византийской империи в 1261 г.: жизнь Никейского государства соскользнула в колею, проложенную еще до 1204 г., уже накануне прихода к власти последней византийской династии, выдвинутой и возведенной на престол крупнейшими никейскими землевладельцами.

5. Еще незадолго перед 1261 г. прония практически стала наследственной, сливаясь со служилой вотчиной, а последняя – с гониконом, обретая соответственно черты западноевропейского бенефичия и феода. Рост иммунитетных привилегий вел к прогрессирующему ослаблению контроля над крупным землевладением; возникли тенденции к крепостничеству и к натурализации рент, в частности – к развитию барщины на растущих господских доменах, вывозивших продукцию на внешний рынок. Лишь в отдельные периоды и частично правительство осуществляло перераспределение проний, выборочную секуляризацию земель духовенства, сужение налоговых льгот, но эти меры не давали заметного эффекта.

Еще сохранившееся свободное крестьянство быстрее, чем ранее, нищало под гнетом налогов и переходило на земли иммунитотов. Замена военной службы налоговой повинностью вызвала восстание акритов в Вифинии, выдвинувших своего, "крестьянского", царя. В условиях начавшихся турецких набегов на Балканы земельные магнаты не рисковали выходом из состава империи, но они вели жестокие войны за овладение императорским престолом. Попытка союза городов с императорской властью для борьбы с феодальной анархией, наиболее ярко проявившаяся в восстании зилотов в Фессалонике в 1342–1349 гг., не была поддержана центральным правительством. Как некогда в Эпире, возникла тенденция к разделу сократившейся территории страны на семейные аpanажи. Подобные явления в той или иной мере были характерны и для одного из таких аpanажей – византийского Морейского княжества на Пелопоннессе.

В целом с конца 50–60-х годов XIУ в. сколько-нибудь нормальный ход эволюции византийского варианта феодализма претерпел, по нашему мнению, в условиях непрерывных и разрушительных нашествий османов серьезные искажения, и мы, в связи с нашей темой, не считаем целесообразным его фиксировать.

Отметим, однако, что есть отрывочные, но весьма важные данные о появлении в ХУ в. предпринимательской аренды, которую, может быть, следует расценить как первые элементы предкапиталистических отношений на византийской земле (взятые в аренду запущенные угодья после проведения арендатором комплекса мелиоративных работ сдавались мелкими участками субарендаторам за удвоенную плату).

6. Обычно при наиболее общей оценке византийского типа феодализма сравнительно с "классическим", западно-европейским, его определяют как "незавершенный" (сохранение значительного слоя свободного крестьянства, отсутствие крепостничества в подлинном смысле слова, как и многоступенчатой иерархии собственности и вассалитета, влияние публичного права на феодальную ренту, сильная центральная власть и т.п.). Однако вряд ли такая характеристика плодотворна для целей типологизации видов феодальной формации.

Не предрешая вопроса о месте византийского феодализма в средневековой европейской системе, приведем наши главные выводы: 1. Отмеченные только что черты яркого своеобразия кроются в глубоких генетических связях с аграрноправовыми отношениями поздней античности. 2. Несомненные признаки сходства с так называемым "восточным" или "азиатским" способом производства (иерархия прав верховной собственности государства на неосвоенные, общинные, пожалованные и даже иногда частнособственнические земли) коренится в тех же либо еще более древних генетических связях. 3. Генеральная линия эволюции аграрного строя имела растущую тенденцию к уподоблению с общеевропейскими "образцами", возможно, в большей мере с их восточноевропейским вариантом, обусловленным по преимуществу прогрессировавшим отставанием в развитии феодального города.

7. Переходим к характеристике болгарского феодализма, выделяя лишь его наиболее существенные особенности сравнительно с византийским. С момента своего возрождения Болгария не была однородна по уровню социально-экономического развития. На первых порах этот разрыв в уровне стал даже глубже, ибо крупные вотчины к югу от Балканского хребта и в Средней и Южной Македонии еще более выросли за счет поместий изгнанных греков. В Паристроне владений византийцев, кроме император-

ских пастбищ, не имелось. Среди поместий местной знати преобладали мелкие и средние. В силу политических, природных и этнических причин (влашский, печенежский и куманский компоненты) здесь был выше удельный вес скотоводства и менее развито интенсивное земледелие.

Освобождение Болгарии не сопровождалось заметными переменами в аграрном строе. Однако общий уровень страны был ниже, чем в византийских областях. Отставание касалось структуры феодальных отношений в целом: удельный вес вотчинной эксплуатации сравнительно с централизованной уступал византийскому уровню. Налоги в это время были почти исключительным средством, позволившим центральной власти обеспечить усилия по упрочению независимости страны.

Рост феодальных имений в первую четверть истории II Болгарского царства был вряд ли обусловлен щедростью царской власти (пожалования касались лишь церкви и узкой элиты). Он был вызван в основном расслоением свободных крестьян, ускоренным войнами и гнетом налогов. Не содействовала непосредственно увеличению крупного землевладения и политика Иоакина II Асеня (1218–1241). Однако именно в его правление Болгария по уровню социально-экономической структуры стала однородной, мало отличаясь отныне в этом отношении и от Византии.

Причины этого мы видим в особенностях функционирования в Болгарии аппарата власти, который в целом остался калькой византийского, лишь сменив своих представителей. В основных чертах была сохранена налоговая система, формы центрального и местного управления. Значительно слабее были обеспечены выполнение норм введенного правопорядка и контроль за деятельностью чиновничества. Традиции автократии в Болгарии были глупые, царские родичи могущественнее, синклит менее покорен. Сеть централизованного управления магнаты рвали здесь быстрее и легче, хотя едва ли в развитии крупного землевладения Болгария обогнала Никую. Прония здесь быстрее стала полной собственностью, иммунитет был полнее и шире, признаки крепостничества яснее, натуральные ренты главными, барщина более частой.

Паралич центральной власти, не способной пресечь усобицы и защитить страну от татарских грабежей, вызвал восстание

крестьянства (1277-1280), обеспечившего трон "своему" царю, Ивайлу. В Византии города в XI в., а здесь крестьяне пытались вывести страну из тупика. Там были перспективы в случае победы, но ее не было; здесь была победа, но не имелось перспектив. Город Болгарии был развит еще менее, слабее были корпоративные традиции, ниже уровень денежного обмена, сильнее зависимость от феодалов, беднее купечество, не имевшее морского торгового флота. Если для Византии фактор итальянской конкуренции вступил в силу лишь в XI в., то для Болгарии он (соседство развитых городов империи) имел значение уже в IX-X вв., а в XIII-XIV вв. особые льготы купцам Италии и Далмации были здесь еще более пагубными.

С 80-х гг. XIII в. страна периодически дробилась на части, а в середине XIV в. фактически распалась на три совершенно самостоятельные государства, которые последовательно пали под ударами турок.

8. В аспекте типологии сходство болгарского феодализма с византийским есть его доминирующая черта. Поскольку же генетические связи с аграрноправовыми отношениями поздней античности здесь были определены лишь эпохой господства империи и ее влиянием, поскольку и черты, восходящие к античным правопорядкам и "восточному" способу производства были выражены слабо. Зато гораздо отчетливее, чем в Византии, приступали в Болгарии признаки восточноевропейского варианта развития феодального строя - и тем ярче, чем далее отстояли границы империи.

Итак, эволюция феодализма в Византии и Болгарии - пример глубокой преемственности в развитии человеческого общества, как бы ни казалось бесследно исчезнувшим его далекое прошлое.

СЕРБСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ НАЧАЛДЕ ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Говоря о типологических особенностях сербского феодального строя в последнем столетии самостоятельной сербской государственности (1355–1459), т.е. после распада Сербо-греческого царства Стефана Душана и в эпоху турецкой экспансии, вплоть до гибели последних остатков т.н.деспотовин, мы должны прежде всего сказать о недостаточной изученности этого круга проблем в целом. Такое отсутствие в советской и югославской историографии сколько-нибудь полной характеристики и развернутых определений типа сербского феодализма вообще (или хотя бы в эпоху развитого феодализма – XII–XV вв.), специфики развития средневекового сербского государства по сравнению с соседними странами или другими типами феодальных отношений вызвано рядом причин.

Как известно, в буржуазной историографии проблема существования феодального строя в средневековой Сербии вовсе не была поставлена, и исследование сербского феодализма на основе учения о феодальной социально-экономической формации было начато историками-медиевистами СССР, СФРЮ и НРБ. Однако и в настоящее время, несмотря на появление работ по разным вопросам истории сербского средневековья, общая картина феодального строя в Сербии все еще остается недостаточно конкретной и во многом схематичной, ее динамика и взаимосвязь отдельных институтов – не вполне ясными и прослеженными на материале всех сохранившихся исторических источников (а не свидетельств главным образом Законника Стефана Душана). Без сомнения, это обусловлено тем, что такая общая и единая характеристика феодальной Сербиидается обычно в сводных и популярных трудах и учебных пособиях по истории СФРЮ и отдельных ее земель, по истории государства и права экономической истории и т.д. В результате передко заметна схематичность и поверхностность в трактовке основных проблем, особо важных для понимания сербского феодализма как самостоятельного типа развития, поскольку больше внимания уделяется показу общих зако-

номерностей всей феодальной формации без освещения специфических черт данного типа (применительно к Сербии) и его динамики, определенной эволюции на протяжении XII-XV вв.

Это последнее обстоятельство, на наш взгляд, тем более значительно, что забвение этой эволюции, невнимание к известным нам по историческим памятникам видоизменениям в политической и социально-экономической системе средневековой Сербии обесценивает в значительной мере даже те, в общем немногие, оценки и замечания, которые уже сделаны в имеющейся литературе в плане сравнения феодального сербского государства с соседними ему или же западноевропейскими. Между тем, даже эти (часто весьма беглые и незаметные) соображения, например по поводу различия форм ренты в Сербии и Византии, форм феодальной земельной собственности в Сербии и Боснии, проблем законодательства и феодальной законности в Сербии, Византии и Венгрии, темпов и путей развития Сербии и западноевропейских государств, могли бы послужить при условии их суммирования и сопоставления в какой-то мере базой для осмыслиения и выявления специфических черт сербского феодализма.

Наконец, следует отметить также и проявившуюся в некоторых работах югославских ученых (притом в последние годы) тенденцию, означающую в конечном счете или возвращение к взглядам историков-позитивистов конца XIX - начала XX в. (например, Ст. Новаковича), либо даже "исправление" их работ в духе средневековой "общности" феодального строя. Это нашло, между прочим, выражение и в употреблении термина "феодализм" (или даже просто "феодальный" применительно к разным аспектам средневековой сербской истории) в югославской литературе. Если ранее, приблизительно до середины 60-х гг., термин "феодализм" и соответствующие оценки сербского общественного и политического строя, преобладая в трудах историков-медиевистов, стали проникать и на страницы работ по истории сербской литературы и культуры, то позднее уже можно заметить стремление избежать применения "феодальной" терминологии, почти вовсе устраниТЬ ее или же ограничить сферу приложения термина "феодальный" проблемами истории государства (главным образом при описании эпохи феодальной раздробленности, когда на местах появляются новые "фео-

дальные" господа, становившиеся во главе "феодальных" областей или уделов).

Таким образом, предпринимая попытку охарактеризовать специфику развития сербского феодального строя в последнем веке самостоятельной государственности (XIV-XV вв.), нам необходимо учитывать данное состояние исследований всего этого круга проблем, одновременно обращая особое внимание и на существование заметных различий и видоизменений в системе развитого сербского феодализма на протяжении XIV-XV вв. Наличие таких специфических черт и особенностей, присущих лишь одному или нескольким периодам в процессе развития средневекового строя Сербии, в то же время позволяет судить о близости и сходстве (в том или ином отношении) с типом феодальной системы Византии, Боснии, а применительно к Зете и другим областям Сербского приморья – также Далмации и Хорватии.

Однако сербский феодализм вовсе не следует считать застывшим, отлитым в одну лишь форму, пассивным и непрерывным усвоением и принятием разных влияний (например, Византии, Венгрии). Сербский феодальный организм, испытывая воздействие аналогичных институтов в гораздо ранее и быстрее развивавшихся по этому пути странах, дал пример синтеза и оформления своеобразной, не идентичной с соседними феодальной системами. В данной связи мы можем, например, подчеркнуть эволюцию средневековой Сербии указанием на близость ее общественных и политических отношений (в XII – начале XIII в.) – Боснии, где в то время только создавалась и укреплялась самостоятельная государственность, а позднее (особенно в XIV-XV вв.) – Византийской империи.

Разумеется, это сходство феодальной Сербии с Византией (в частности в XIV-XV вв.) вовсе не исчерпывается известными нам заимствованиями отдельных феодальных институтов, придворных чинов и титулов (вроде пронии, званий деспота, севастократора и пр.), переводом византийских законодательных памятников, вошедших в состав громадного кодекса Стефана Душана. По нашему мнению, в данном случае мы должны уже ставить вопрос о том, почему собственно с конца XIII в. происходит столь многообразный и активный процесс усвоения византийских феодальных норм, имел ли в то время место процесс заметного сближения сербского и византийского социального и политиче-

ского строя по их уровням, по степени их развитости. Достаточно полный и красноречивый ответ на этот вопрос нам дают сохранившиеся сербские исторические источники. Они показывают, что уже с конца XIII в. в Сербии происходит интенсивный рост торговли и городов, притом не только южнодалматинских (Котор и др.), но и новых городских центров во внутренних областях (Броково, Н.Брдо и др., помимо существовавших ранее Призрена, Белграда, Ниша и т.д.). Анализ сохранившихся документов сербского феодального землевладения позволяет судить об интенсификации домениального хозяйства (преимущественно церковного и монастырского) на всей территории державы Неманичей в XIV в. Свидетельства жалованных грамот говорят нам о происходившем в то время разделении труда в системе феодального имения (в особенности в Рашке, т.е. центральной Сербии, и внутренней Зете), об отделении вотчинного ремесла от земледелия, об определенной аграрной специализации и распространении интенсивных сельскохозяйственных культур (прежде всего виноградной лозы) во всех новых и расположенных гораздо севернее внутренних районах.

Такие же выводы мы можем сделать и на основании анализа сербских памятников и др. источников второй половины XIV – первой половины XV в. применительно к той территории (Сербии и отчасти Зете), которая входила в состав последнего сербского самостоятельного государства – так называемой "деспотовины" (во главе с деспотами Стефаном Лазаревичем и его преемниками Бранковичами).

Немотря на громадный, лишь с большим трудом восполнимый урон от разорительных войн и набегов иноземных завоевателей (в первую очередь турок), экономическое развитие Сербии той поры характеризуется наличием достаточно высоко развитого сельского хозяйства, ростом многочисленных городов, подъемом торговли и горнорудного промысла. В то же время эти признаки несомненного экономического подъема и дальнейшего поступательного развития производительных сил в Сербии были связаны с определенными изменениями в области социальной структуры местного общества. Мы знаем, например, что рост городов и городского населения (пусть даже и с учетом иностранных элементов – итальянских и немецких купцов и колонистов) сопровождался предоставлением сербским городам тех или иных при-

вилегий, автономных прав ("законы" городов). По всей видимости, следствием этого было и укрепление местной сербской городской прослойки, и заметное развитие товарно-денежных отношений в стране вообще и в прилегавшей к городу округе в частности.

Вероятно, мы можем все эти черты и тенденции экономического и социального развития расценивать и как проявление известных экономических связей внутри Сербского государства, более того – как основу для тех попыток централизации, борьбы с феодальным сепаратизмом и партикуляризмом, которые в особенности заметны в XIУ и XУ вв. В самом деле, многочисленные и богатые города Сербии, пользовавшиеся обычно определенными привилегиями и находившиеся под эгидой центральной власти, без сомнения служили надежной опорой сербским деспотам при подавлении мятежной феодальной знати; между тем, иные последствия имел рост городов в Боснии, где они большей частью принадлежали разным феодальным родам, почти независимым от короля.

Точно так же, говоря о структуре земельной собственности и феодального класса в Сербии второй половины XIУ и первой половины XУ в., мы можем отметить явное сходство ее с византийскими институтами той же эпохи и, напротив, резкие отличия от феодальных отношений Боснийского королевства. Так, например, после распада Сербского царства Стефана Душана постепенно все более возрастает здесь роль пронии, которая, как известно, отсутствовала в Боснии и не имела там каких-либо аналогичных форм землевладения. Наряду с этим не вызывает сомнений и та перестройка, которая происходила внутри феодального сословия Сербии во второй половине XIУ в. и которая нашла свое отражение в исчезновении особого подразделения ("властелиниччи"), лишь незадолго до того введенного Законником Душана. Разумеется, речь идет о коноolidации феодального сербского класса, устраниении всяких (пусть даже почти формальных) различий в положении светской знати, повышении роли дворянства (мелких и средних феодалов) и ликвидации тех зачатков вассально-ленной, иерархической системы (например, зависимости некоторых дворян от крупных монастырей и т.д.), которые заметны в источниках первой половины XIУ в.

В то же время характерной особенностью сербского феодального строя второй половины XIУ и первой половины ХУ вв., бесспорно сближающей его с поздневизантийскими порядками, следует признать значительный размах секуляризационных тенденций, находящих свое выражение и в серьезном ограничении церковной и монастырской земельной собственности (в данном случае следует сказать не только о переходе части "метохий" в ведение центральной власти или светской знати, но и о резком сокращении новых пожалований вообще), и в появлении немаловажных изменений в налоговой политике государства, означавших по сути дела и сокращение податного иммунитета церковных имений.

Вместе с тем эта новая тенденция политики феодального сербского государства, получившая особое развитие в "деспотовине", была связана и с повсеместным ограничением податных привилегий светской знати. Вследствие этого в сербских землях (уже с 70-х гг. XIУ в. и гораздо сильнее - с начала ХУ в.) постепенно возрастают размеры централизованной ренты и разных повинностей (войсковой, строительных и др.) крестьян в пользу государства. Естественно, что эти характерные черты феодальной структуры Сербии периода турецкой экспансии во многом отличают ее от тех отношений середины XIУ в., которые были закреплены Законником Душана в его постановлениях о полном налоговом иммунитете церкви, о широких привилегиях светских феодалов и т.п.

Такое сопоставление источников последнего века сербской монархии с Законником Душана весьма показательно и в плане исследования социальной структуры низшего, зависимого сословия, прежде всего крестьянства. Если прежде, вплоть до 40-х и 50-х гг. XIУ в., в Сербии зависимое крестьянство распадалось на целый ряд категорий и прослоек, различавшихся по юридическому положению, имущественным правам и занятиям, обязательствам в пользу феодального землевладельца, то уже во второй половине XIУ и особенно в первой половине ХУ в. становится весьма заметной нивелировка этих прежних категорий, слияние их в единую массу крепостных.

Разумеется, было бы неверно сводить прослеживаемую нами на материале источников динамику сербского феодализма, т.е.

специфические особенности последнего периода самостоятельной государственности, лишь к определенным изменениям в социально-экономической сфере. Чрезвычайно наглядна эволюция государственной власти, системы государственного управления и степени феодальной централизации, которая в Сербии прошла длинный путь - от довольно рыхлой монархии Неманичей, представлявшей в действительности федерацию разных княжеств и уделов, через эпоху раздела Сербии при Милутине и Драгутине (конец XIII - начало XIV в.), период раз渲ла Сербского царства Душана и разгула феодальной анархии к постепенному усилению и укреплению центральной власти во времена "деспотовины". В данной связи достаточно, например, указать на тот факт, что уже с 20-х гг. XIV в. территория Сербского государства (т.е. "деспотовины", включая и Зету) не распадалась на отдельные уделы или особые княжества членов династии или других крупных феодальных властителей, в то время как феодальная раздробленность в Византии не была ликвидирована даже накануне захвата турками Константинополя (1453). Все это позволяет говорить о довольно быстром преодолении центробежных сил в Сербии в последний век самостоятельной феодальной монархии.

А. С. ТВЕРИТИНОВА

(Институт востоковедения АН СССР)

О НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ТУРЕЦКОГО ФЕОДАЛИЗМА

I. Турецкое средневековое общество является одной из наиболее привлекательных и сложных проблем для историков Османской империи как в самой Турции, так и в европейских странах. Особенно большое внимание уделяется этой теме в тех странах Юго-Восточной и Центральной Европы, народы которых в течение ряда веков находились под властью турецких завоевателей или в зависимости от них. Известно, что соседние османским владениям народы подвергались частым набегам турецких завоевателей и были вынуждены вступать в различные форми

взаимодействия и взаимосвязи с османскими властями. Разумеется, все эти обстоятельства способствовали тому, что турецкая средневековая общественная система в той или иной мере оказала свое воздействие на исторические судьбы народов обширного ближневосточного и восточноевропейского регионов, став для многих из них составной частью их национальной истории.

Характеристика феодального общественного устройства Османской империи, особенно ее военно-ленной системы землевладения, военно-административной организации государства, системы налогового обложения, положения покоренных народов и крестьянства в целом, содержится во многих общих и специальных работах, посвященных истории этого государства. В совокупности они в известной мере определяют общие представления об империи османов.

Однако постоянно вводимые в науку новые документальные материалы, как и выдвигаемые современным уровнем исторической науки требования, не позволяют остановиться на том, что уже сделано. Они заставляют специалистов, занимающихся турецким феодальным обществом, по которому к тому же еще нет бесспорных и ясных решений, вновь и вновь обращаться как к уже исследованным, так и к новым сюжетам, вносить коррективы в существующие представления и вместе с тем искать ответы на вопросы, оставшиеся до сих пор не вполне выясненными.

Наиболее важная задача продолжает заключаться в том, чтобы используя все доступные в настоящее время источники, возможно более полно раскрыть сущность понятия "турецкий феодализм" и произвести тщательный анализ всех составляющих его общих и специфических черт.

2. Известно, что даже при существующих расхождениях в определении характера турецкого феодализма, имеется ряд устаревших концепций и схем, которые вошли в историческую литературу как хрестоматийные понятия. И тем не менее, при необходимости дать исчерпывающее и точное определение общих и специфических черт турецкого феодализма, его сходства и отличий от социальных систем, господствовавших у народов, покоренных турками, до образования Османской империи, мы оказываемся в большом затруднении.

При всей множественности критериев, которые можно приме-

нить для выявления общих и специфических черт турецкого феодализма, в качестве важнейших из них, по нашему мнению, в первую очередь наиболее тщательно должны быть рассмотрены следующие:

а) формы земельной собственности, землевладения и землепользования в их взаимосвязи в качестве основного фактора, определяющего социальную структуру общества, условия производства в главной отрасли экономики – сельском хозяйстве – и способ распределения продуктов труда непосредственного производителя между членами всего общества;

б) классовая структура общества в целом и структура каждого класса в частности в их развитии вместе с изменением форм собственности на землю и землевладения и способов распределения продуктов труда;

в) государство и общество: формы господства, подчинения и управления в процессе изменений в структуре господствующего и производящего классов.

Для достижения наиболее объективной и точной характеристики того, что принято называть "турецким феодализмом", необходимо тщательно соблюсти принцип историзма, т.е. рассматривать основные, определяющие это общество черты в их внутреннем развитии и взаимодействии с питающей данный социальный строй внешней средой. Этой "внешней средой" в период турецких завоеваний и освоения покоренных земель на Западе и на Востоке явились экономические и социальные формы существования народов, становившихся составным компонентом османского феодального общества.

3. В существующих исследованиях по истории Османской империи далеко не всегда и в недостаточной мере учитывается то обстоятельство, что развитие турецкого феодализма было результатом исторического взаимодействия многих социально-экономических, политических и правовых структур, носителями которых были стоявшие на различных уровнях общественного развития этнические общности (арабы, иранцы, монголы, армяне, курды, греки, народы Юго-Восточной Европы, Кавказа и др.), приходившие в разные степени соприкосновения с тюркоязычными огузокими племенами в процессе формирования ими Османского государства. Все эти этнические общности жили в разнообраз-

ных естественно-географических условиях, обладали собственными устойчивыми традициями хозяйственной и исторически сложившейся самобытной культурной жизни. Все они имели свою многовековую историю и в разной степени развитые социально-экономические и политические общественные системы. Несмотря на известную степень тюркизации и перемещения некоторых групп из среды покоренных народов в период турецкого господства, остается неоспоримым тот факт, что большая часть сельского и городского населения завоеванных турками стран удерживалась на своих местах, сохранив при этом свой язык, особенность быта и даже национальную обособленность.

В исторической литературе существуют серьезные исследования по проблемам социально-экономического развития народов Ирана, Армении, Византии, Юго-Восточной Европы, арабских и других стран до их турецкого завоевания. При всем этом по вопросу о мере воздействия того или иного этнического компонента и его общественной структуры (за исключением арабов, но и то главным образом с позиций влияния шариата) на социально-экономическую структуру Османского общества в туркологической исторической литературе существуют наименее четкие представления и возникают наиболее острые споры. Эти проблемы и споры ждут своего объективного и строгого научного разрешения.

4. Следующей задачей, весьма важной для определения характерных черт турецкого феодализма, по нашему мнению, должно стать выявление степени изменения существовавшего в покоренных странах до турецкого завоевания общественного строя в целом и, в частности, форм собственности на землю и землевладения, характера хозяйственной деятельности и положения крестьянства, а также городского населения, существа отношений между собственниками земли и землевладельцами, с одной стороны, и непосредственными производителями - с другой. Хотя по перечисленным в данном пункте вопросам накоплены некоторые материалы и наблюдения в ряде работ историков-туркологов и балканистов, исследующих отдельные области и регионы в составе Османской империи, однако до полной ясности во всем этом еще далеко. Можно ли, например, считать, что турецкое завоевание повлекло за собой коренное изменение хозяйственных и социальных условий жизни населения стран, оказавшихся

включенными в состав Османской империи? Очень важно также выявить и объяснить характер различия в уровне развития разных частей Османской империи, что особенно отчетливо обнаружилось к концу XIX в., став одним из факторов политического распада империи в XIX в.

5. Перечисленные задачи далеко не исчерпывают всех проблем, стоящих перед историками-османистами и историками народов Юго-Восточной Европы. Для решения перечисленных и многих других задач крайне необходима организация совместных усилий не только туркологов, но также и византинистов, балканистов, арабистов, историков Западной Европы и народов СССР. Известно, что в ХУ-ХУП вв. во многих странах и на многих языках были накоплены богатейшие материалы в виде записок путешественников и дипломатов, в большом числе посещавших земли Османской империи и отразивших свои личные наблюдения. В настоящее время эти материалы обработаны весьма выборочно и фрагментарно. Значительная часть их еще не введена в науку. Издание серии такого рода источников по истории Османской империи, народов Юго-Восточной и Центральной Европы явилось бы важным условием для решения многих из перечисленных выше задач.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

(Институт истории АН МССР)

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ МОЛДАВИИ В IX-XV ВВ. (к типологии феодализма)

Возникновение феодального города обычно связано с завершающим этапом формирования феодальных отношений в странах европейского континента. Средневековые города, прямые наследники античных городов, постепенно приобретают феодальный характер. В тех странах, где античных городов не было или они погибли, появление средневекового города непосредственно связано с генезисом феодализма. В обобщенной форме слова, сказанные М. Н. Тихомировым по поводу появления древнерусских городов, вполне применимы для других стран: "Настоящей силой,

вызывавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма - в области общественных отношений".

Эти ставшие общим местом положения приведены здесь для того, чтобы подчеркнуть еще раз, что выявление типологических особенностей феодализма должно производиться с учетом места города в экономике, землевладении, расстановке классовых сил, политическом развитии страны и т.д. И прежде всего это относится к периоду генезиса феодализма, определяющего исходное положение города в его системе.

Развитие производительных сил и феодальных общественных отношений в Молдавии приобрело своеобразный характер в силу объективных условий географического и политического положения страны в самом конце евразийского степного "коридора" Великого переселения народов, постоянного присутствия здесь в течение полутора тысячелетий дофеодальных кочевых скотоводческих племен, способ производства которых являлся антагонистом оседлых цивилизаций. По образному выражению молдавского летописца ХУ в. Григория Уреке, его страна "лежала на пути всех бед".

Неизменно подчеркивая определяющую в конечном итоге роль развития производительных сил и производственных отношений, следует сказать, что путь феодализма в Молдавии представляет тот частный случай, когда на темпы его генезиса оказали заметное воздействие географический и политический факторы.

Можно проследить ряд "попыток" развития феодализма в Молдавии вплоть до окончательного его становления в XIУ в. (об одной из этих попыток см. доклад Г.Б.Федорова, конечный вариант - в докладах П.В.Советова и В.Я.Гросула). В силу скучности письменных источников здесь на передний план выдвигается археология и прежде всего исследования наиболее ярких памятников - остатков средневековых городов на территории Днестровско-Прутского междуречья. Именно история возникновения городов¹ позволяет проследить некоторые особенности процесса генезиса феодализма в Молдавии, наложившие отпечаток на его типологию.

¹ Понятие город здесь рассматривается в широком смысле городской промышленности и торговли, денежного обращения, его военно-административного и культурного значения.

"Черняховское" общество, не успев совершить очередной шаг к развитию феодальных отношений, было сметено гуннским нашествием в конце IУ в. н.э. Заселение Молдавии славянами, постоянные контакты ее с древнерусским миром, по-видимому вплоть до включения в орбиту государственности Киевской Руси, привели к появлению в Среднем Приднестровье в IX-X вв. ряда крупных ремесленных центров, квалифицируемых исследователями как древнерусские раннефеодальные города¹. Следует полагать, что развитие феодальных отношений здесь шло также по древнерусскому пути (см.доклад Г.Б.Федорова), который был прерван рядом новых кочевнических - печенегских и половецких - нашествий X-XI вв.

Длительный период кочевнического безвременья завершился захватом части территории будущей Молдавии татаро-монгольскими ханами. В конце XIII - первой половине XIV в.в Днестровско-Прутском междуречье на фоне общего укрепления и оформления военно-феодальной системы Золотой Орды появляются крупные города "Старый Орхей", "Костешты", Аккерман-Белгород-Монастырь. Населенные подвластными татаро-монгольской феодальной системе ремесленниками и торговцами, пришедшими или переселенными из других районов Золотой Орды (Кр.ма, Поволжья), а также из-за ее рубежей (Нижнее Подунавье, Закавказье, Малая Азия и др.), города являли собой яркую картину синкретической культуры. Достигнув значительного развития товарного производства² и заняв определенное место в системе феодализма Золотой Орды, эти города не сыграли заметной роли в развитии городов Молдавского феодального государства, возникшего в борьбе с татаро-монгольским игом и властью венгерского короля в середине XIV в.

С появлением государственности завершился последний этап генезиса феодализма в Молдавии. В этот период на территории страны фактически возникают города, подавляющее большинство которых существует и поныне.

¹ Г.Б. Федоров. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР. КСИА, вып.106.М., 1965, стр.28; М.Г. Рабинович. Из истории городских поселений восточных славян. - В об.: "История, культура, фольклор и этнография славяноязычных народов". М., 1968, стр.136.

² Л.Л. Полевои. Городское гончарство Прuto-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969.

Появление феодальных городов – одно из важнейших явлений социально-экономической истории любой страны, и Молдавия не составляет здесь исключения. Однако в молдавской историографии эта проблема не получила должной разработки. Как вообще, так и здесь решение ее прежде всего упирается в неясность критерииев, определяющих ту неуловимую пока грань (если она существует), которая отделяет деревню от города. Решению вопроса мешает не только отсутствие теоретической ясности, но и неразработанность конкретного подхода.

Сложившаяся в румынской историографии в основном умозрительная традиция относит возникновение всех средневековых городов Молдавии, впервые названных в письменных источниках XIV – первой половины XV в., ко времени до образования государства¹. Недавно появилась другая, прямо противоположная версия, относящая появление подавляющей части этих городов ко времени после возникновения Молдавского государства (т.е. после 1359 г.)².

Обе концепции строятся на ограниченном числе источников. Не предрешая вопроса о времени появления молдавских феодальных городов, следует отметить, что путь к нему лежит только в конкретном, дифференциированном подходе: выявлении времени появления каждого отдельного города с позиций марксистского понимания его как средоточия промышленной, торговой, даже аграрной деятельности, культуры, политики и т.д.

В этой связи, по-видимому, можно говорить о появлении некоторых городов до образования государства (Байя, Сирет, возможно, Пятра-Нямц и др.). Однако археологические данные неопровергнуто овидетельствуют о возникновении многих важных городских центров феодальной Молдавии, таких как Сучава, Яссы, Роман, где-то во второй половине или даже в конце XIV в., т.е. после образования Молдавского княжества.

Понимание этого вопроса немаловажно, ибо он непосредственно связан с определением места молдавских городов в феодальной системе и прежде всего землевладении. Отсутствие кон-

¹ C. C. Giurescu. *Tîrguri sau orașe și cetăți*. Buc., 1967, p.68-78.

² M. D. Matei. *Studii de istorie orașenească medievală* (Moldova, sec.XIV – XVI). Suceava, 1970, p.49-82.

крайне исторического подхода сказалось в общепринятом мнении, что все молдавские феодальные города всегда находились на землях господарского домена¹. Считается достаточным основанием при этом ссылаться на документы или сочинения историков ХУП-ХУШ вв. и переносить положение вещей, сложившееся в конце феодальной эпохи, на ее начало, на ХІУ-ХІ вв.² Это результат существовавшего в историографии феодальной Молдавии представления о системе землевладения как однажды сложившемся и в основном застывшем, незыблемом явлении, имевшем лишь некоторые количественные одвиги. В советской молдавской медиевистике в последние годы выдвинуто и широко обосновано новое положение о коренной качественной перестройке системы землевладения, которую оно претерпело несколько раз на протяжении феодальной поры³. В связи с этим следует заново взглянуть также и на историю появления молдавского средневекового города.

Прежде всего еще не исчерпана вся информация письменных источников. Это специальная тема, но следует хотя бы указать на некоторые случаи. Нынешний город Пятра впервые упоминается в известном "Списке городов русских" конца ХІУ в. под названием "Корочунов Камен" (Камен - молд. "пятра", перен. скала), т.е. Камень Крачунова. Однако существование поселения уходит по крайней мере на два века вглубь. Причем, отнюдь не исключено, что уже в XIII в. здесь был ремесленно-торговый поселок, появившийся вблизи феодальной резиденции, раскопанной археологами на горе Бытка Доамней непосредственно у нынешнего города Пятра-Нямц. 31 июля 1431 г. господарь Александр I дарит монастырю Бистрица "дом Крачунов от Камена", а в актах 25 января 1446 г. и 20 июня 1453 г. вновь упоминается "Крачунов Камен", "Торгу от Короченева Камене". Таким образом, первое упоминание о торге Крачунов Камен относится к середине ХІУ в. Позже, 15 сентября 1462 г. Бистрицкому монастырю

¹ История Молдавской ССР, т. I, Кишинев, 1965, стр. 95, 110; с. с. Г 1 и г е в с и. Op.cit., p.150-152.

² Особенно широко этим приемом пользуется К.Джуреску в разработке почти всех вопросов истории молдавского феодального города.

³ П.В. С о в е т о в. Исследования по истории феодализма в Молдавии, т. I (Очерки истории землевладения ХУ-ХУШ вв.). Кишинев, 1972.

"из Каракунова Камена" даются во владение села, часть которых вошла в окол города. В конце ХУ в. в городе строится господарский двор, по-видимому, как показали раскопки, на месте прежнего двора феодала. Создается впечатление, что город, принадлежавший дому молдавского феодала Каракуна (Крачуна), о чём говорит само его название, в первой половине ХУ в. явился объектом феодальных раздоров и на какое-то время попал во владение Бистрицкого монастыря, а затем, только к концу ХУ в., перешел в господарский домен. Об этом свидетельствует формула документа от 20 апреля 1491 г. ("...села... из окола нашего двора из Пятры"), которую, вероятно, следует понимать так, что владение феодальным двором в городе сопряжено с подчинением его и окола этому двору. Тот факт, что город Пятра (Камен) по-видимому только во второй половине ХУ в. вошел в состав господарского домена, может служить косвенным указанием на его существование еще до образования княжества.

Следует обратить внимание также на упоминание в документах крупных молдавских феодалов с прозвищем, обычно указывающим на давнее фамильное владение. В документе 15 января 1418 г. назван пан Журж из Фраташа (село на р. Сучава), а в документе 1 февраля 1429 г. пан Журж Фратовский наделяет владением своих сыновей. Позже, в документе 14 октября 1489 г. вновь находим упоминание села Фраташа о разъяснением, что там находился двор прадеда новых владельцев - Журжа Фратовского. Подобные случаи, когда феодал носил прозвище, связанное с его владением, можно умножить и, по-видимому, они дают право считать пана Михаила Дорохойского, названного среди прочих молдавских бояр в акте 6 октября 1407 г. не господарским пыркаладом или старостой этого города, а его владельцем. Один из крупнейших молдавских феодалов первой половины ХУ в. Михаил Дорохойский владел также большим числом сел вблизи г. Дорохой, в северной и северо-восточной части Молдавии (см. док. 1427 г., окт. 15; 1437 г., дек. 20). Небезинтересно также и то, что в документах нет указаний на существование в Дорохое городского самоуправления в лице шолтуза и пыргарей, особенно характерного для господарских городов ХУ в.

Конкретное для каждого отдельного города и непредвзятое решение вопроса о его возникновении и месте в системе феодального землевладения XIУ-XУ вв. дополнит картину типологии затянувшегося, многообразного процесса генезиса молдавского феодализма. Завершающий этап этого периода средневековой истории Молдавии, связанный с появлением городов, пришелся на то время, когда феодализм большинства европейских стран уже переживал свою развитую стадию. Это не могло не отразиться на жизни молдавских городов, подвергшихся внешнему влиянию.

Молдавский город XIУ-XУ вв., как европейский феодальный город вообще, обычно состоял из двух основных частей: каменного "града", крепости – феодальной резиденции (во многих случаях его роль выполнял укрепленный феодальный двор) и "торга", посада – ремесленно-торгового и сельскохозяйственного центра, чаще всего также обнесенного дерево-земляным валом со рвом. Облик молдавского города традиционен и вместе с тем близок к восточноевропейским, древнерусским городам.

Пестрота социального состава населения и по-видимому связанная с нею неразвитость корпоративного строя молдавского города, где первые ремесленные объединения (брюслэ) появились только во второй половине XIІ в., сближают молдавские города XIУ-XУ вв. с городами Руси и Балкан. Распространение западноевропейского "немецкого права" выражлось в появлении городского управления, совета из 12 пыргарей (нем. – *burger*; венг. – *polgar*) во главе с шолтузом (нем. – *schultheiss*;польск. – *szoltys*), сходного с городами Польши и Венгрии.

Позднее становление феодализма и появление городов, постоянные контакты в процессе генезиса феодальных отношений со странами, опережавшими Молдавию в социально-экономическом и политическом развитии, привели к сочетанию местных традиций с чертами, обусловленными внешними прямыми или косвенными воздействиями. Молдавский город – составная часть феодальной системы, отразил в своем облике социально-экономической и политической жизни промежуточное положение страны между Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европой.

Возникновение молдавского средневекового города вместе с завершающим этапом затянувшегося генезиса феодализма во

многом определило его позицию в типологической схеме. При настоящем состоянии разработки этого вопроса можно определенно утверждать, что значительная часть городов появилась после сложения государственности, на землях господарского домена. В то же время ряд городов, по-видимому, существовал как феодальные владения в догосударственный период и мог затем, но не позже второй половины ХУ в., перейти в состав господарского домена, оказавшись в непосредственной зависимости от государственной администрации. Во всяком случае к концу ХУ в. Молдавия не знала городов, находившихся на землях светских или церковных феодалов, сближалась в этом смысле с подавляющей частью древнерусских княжеских городов и так называемыми "внутрибалканскими" царскими городами. Переживая период своего становления в XI-XII вв., молдавский феодальный город стадиально, по-видимому, находился на уровне европейских и балканских городов IX-XI вв., а по ряду элементов (дифференциация в некоторых отраслях ремесла, появление самоуправления и др.) - на уровне современных ему городов.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ
(Калининский государственный университет)

ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДАЛМАЦИИ В XIV-XV ВВ.

Картина социально-экономического развития Далмации, области на северо-западе Балканского полуострова, определяется в первую очередь многопрофильностью здешнего экономического базиса. Природные условия в этом районе своеобразны. Здесь несколько зон - морская или побережье с заливами, бухтами, островами, "каналами", т.е. проливами, защищенными от морских бурь, где тон задают портовые города; зона приморских долин, где процветает интенсивное садоводство и виноградарство; наконец, Загорье (или Морлакия от "морлаки" - влажи), район за хребтом Динарских Альп, пригодный преимущественно

для отгонного скотоводства. Таким образом, мы обнаруживаем в Далмации и развитый городской строй и его антипод – патриархальное полунатуральное хозяйство горцев–скотоводов и садово–винодельческие хозяйства. Наша задача будет правильно понята, если мы не ограничимся статичной характеристикой этих явлений, взятых порознь, а попытаемся представить их в качестве взаимодействующих частей единого механизма. Для создания подобной модели социально–экономического развития Далмация представляет весьма благоприятную возможность хотя бы потому, что ее история XI–XV вв. отлично обеспечена источниками.

Из трех названных выше хозяйственных зон наибольшим динамизмом отмечена первая. Именно здесь находятся города – подлинные центры экономической жизни этого региона.

Далматинский город является преимущественно центром обмена, причем в основном транзитного обмена – через далматинские порты, особенно те, которые находятся на выходе к морю сухопутных магистралей (Дубровник, Сплит), на западноевропейские рынки проходят массы балканских товаров. Этот поток товаров, эта система вывоза подчиняет себе всю жизнь города. Центром его оказывается порт, источником доходов – торговые пошлины, главной заботой городских властей – обеспечение бесперебойного поступления товаров на рынок: от зерна, которое привозят из Италии, до скота, закупаемого за горами.

Рыночная деятельность приобретает широкий, развернутый характер и традиционная узость рынка, характеризующая такое значительное число городов в Западной Европе, здесь отсутствует. Торговые связи носят, может быть, несколько односторонний характер, в обмен оказываются вовлечеными лишь некоторые категории товаров, например, скот, кожа, мясо, шерсть, сыр, воск, олово, серебро. Но в тех областях, которые связаны с поставкой на рынок или переработкой этих товаров, производство заметно перестраивается под воздействием транзитной торговли. Скотоводческая периферия начинает обслуживать городской рынок, феодальная знать или общинная верхушка сельских районов превращаются в поставщиков скота, влахи в загорной Далмации в значительной степени живут тем, что занимаются пастухами к городским скотовладельцам. Наконец, и в

самом городе гипертрофируются ремесла, работающие на вывоз (например, в кожевенном деле – до 35% всех мастеров).

Последнее особенно характерно – структура городского ремесла разительно выдает зависимость от внешнего рынка и сравнительную независимость от местного. Так, в списке ремесел почти невозможно найти таких важных для города производств, как ткацкое, гончарное или кузнечное. Их отсутствие объясняется тем, что крестьянин из окрестного села, как правило, не искал продукции этих ремесел в городе – он располагал ими в деревне. Далматинская деревня была активно насыщена сельскими ремеслами, здесь действовали перекожие гончары, было много кузнецов, а ткацкое дело было непременной принадлежностью каждого домохозяйства. В смысле последнего далматинская деревня была весьма схожа с периферийной балканской деревней, откуда на итальянский рынок широко поступал грубый домотканый текстиль (сукно под названием "раша" или "склавина"). На побережье удельный вес товарного производства в балансе сельских занятий был еще более высок – местный крестьянин, выпаривал соль из морской воды, ловил рыбу, промышлял извозом на лодках и баркасах и вывозил на рынок вино, масло и сущеные фиги. Вот почему в деревнях так настойчиво ощущалась потребность в рынке и ярмарках, которые созывались в больших селах или маленьких городках (Обровац, Врана, Новиград).

Наличие промыслов и интенсивного земледелия в далматинской деревне превращало местных крестьян в товаропроизводителей полугородского типа. Условно город и деревню в Далмации можно рассматривать не столько в качестве обособившихся и вступивших в обмен производственных зон, сколько в качестве двух составных частей одной сферы товарного производства, ориентированного в значительной степени на внешний рынок.

Развитые внешнеторговые связи города должны были вызвать к жизни и развитую систему транспорта – сухопутного и морского. Обслуживание торговых путей, проходящих по территории балканского полуострова, целиком взяли на себя пастухи-влахи, их участие в караванной торговле стало одним из путей взаимодействия между городом и его балканской периферией. Зато сообщение по морю оказалось почти полностью в руках горожан. Судовладение стало одним из постоянных источников дохода для городского населения, весьма прибыльным и доступным для шир-

роких его слоев уже потому, что суда распродавались долями (в судне обычно до 24-х).

Такова характеристика отношений, связующих все типы хозяйства в Далмации XI-XV вв. Нужно учесть только одно обстоятельство. До начала XV в. Далмация представляла россыпь городов-коммун, лишь формально включенных в состав то хорватско-венгерского, то боснийского королевств. С 1409-1420 гг. она прочно и надолго попадает под власть Венецианской республики, и перед городами открывается перспектива постепенной утраты всех коммунальных свобод, а вместе с ними и источников дохода. Вся торговля отныне направляется на венецианский рынок, в городах перестают заключаться торговые сделки, из центров средиземноморского обмена они превращаются в заурядные перевалочные пункты. Пошлины, которые взимались с вывозимых товаров, исчезают, остаются лишь поборы за пользование гаванями. XV век, таким образом, приносит Далмации начало экономической стагнации.

Оценим теперь систему социальных отношений в Далмации. Преобладание внешней торговли в городской экономике превращало купеческие элементы города в его правящий слой. Средством сплочения купечества становится не цех или гильдия, а "communitas" или практически корпорация городскогоnobili-teta - Большой совет. Вот почему в городах не существует обособленных объединений купцов, почти все они включены в состав патрицианского Совета или, по крайней мере, стремятся в него пробиться. Проникнув в него, они приобретают не только власть, но и получают доступ к источникам дохода в форме откупов. Поэтому всеобщее стремление горожан участвовать в торговле порождает и особую форму социальной борьбы - тягу простолюдинов - "пополанов" к проникновению в состав патрициата.

Самой распространенной формой социальной организации пополанов, непривилегированного городского населения, являются "братства" (*fraternitates*) или "братовщины". Ремесленных братств, т.е. построенных по производственному признаку, совсем немного (они встречаются преимущественно в многогодичном Задаре), да и те неэквивалентны цехам: в них почти нет контроля за производством и сбытом. Эта слабость корпоративной организации городского ремесла продиктована его экономиче-

ской неразвитостью - в ряде производств число мастеров было слишком невелико для того, чтобы создать корпорацию, способную отстоять производственные интересы. Поэтому и ремесленные и религиозные братства чаще всего были организациями социальной защиты пополанов, особенно в борьбе с патрициатом. Эта борьба характерна и для ХІУ и для ХУ вв., но венецианцы вносят в нее элемент политического лавирования, попеременно покровительствуя то пополанам, то патрициату.

Обилие корпораций, лишенных своей производственной определенности, легко объяснимо: в городе всегда было много элеметов, не имеющих ни своего профессионального, ни социального лица, это были домовладельцы и землевладельцы. Такова специфическая черта далматинского города. Еще одной чертой его социального строения является значительный удельный вес сельскохозяйственного населения. Балканские города всегда отличались аграрным характером, не лишен этой черты был и далматинский город. Чтобы функционировать в качестве торгового центра, городу не требовалось значительного числа ремесленников, вот он и заполнялся владельцами окрестных земель и виноградников.

Взаимодействие города и периферии осуществлялось не только в экономическом плане - на рынке или в караванной торговле, но и в социальном - город вырабатывал нужные ему формы эксплуатации сельского населения. Такой специфичеки пригородной формой земельного держания и явился колонат; там, где он кончается, там проходит граница городского влияния. На территории задарского округа, самой плодородной в Далмации равнины, это легко можно установить - в нескольких километрах от городских стен кончаются колонокие участки и начинается полоса уже иных, "кметских" держаний, являющихся продуктом развития не города, а феодальной вотчины.

Еще одной формой сельской жизни, уже не зависящей от города или вотчины, являются полунезависимые общины-волости, общины-жупы (самый характерный пример - Полицкая жупа). В системе прежних городских коммун эти жупы оставались в стороне от политической жизни, с приходом же венецианцев произошли значительные изменения. Республика подчинила себе эти общины (Полицу, Паштровичи в южной Далмации) в обмен на обязательство хранить их традиции, привилегии и автономию, а общины

в свою очередь обязались нести военную службу в пользу Венеции. Так произошло включение свободных сельских общин в социальную структуру венецианского государства.

Характерно, что известная снисходительность, которая в отношении Полиця явилась вынужденной, не являлась исключением в практике Республики. Венеция строила "деревенскую" политику таким образом, чтобы привлечь на свою сторону крестьянское население захваченных областей. Патриции-землевладельцы (большей частью они находились в оппозиции к новому режиму) преследовались, их земли подвергались конфискации, налоговый гнет был упорядочен.

С конца ХУ в. провинция подвергается интенсивным турецким вторжениям, а в XVI-XVII вв. сюда хлынула волна переселенцев из завоеванных турками юнославянских областей. Население Далмации быстро растет: в 1617 г. здесь проживало 54,5 тыс.чел., в 1635 - уже 70 тыс., а до 1686 г. переселилось еще 25 тыс.; концентрируются наиболее боеспособные элементы юнославянского общества - возникают отряды гайдуков и "ускоков" - партизан на венецианской службе, создается своеобразный оплот христианства. На протяжении XVI и XVII вв. Венеция при активной поддержке местного населения отстаивает Далмацию от посягательств турок, коносолидируя ее в целом ряде отношений. Таким образом, если в хозяйственном смысле переход под власть Венеции определил для далматинцев дорогу к прогрессу, то в демографическом, религиозном и даже социальном отношении наметилась обратная тенденция - население провинции пополняется за счет тысяч сербских и хорватских переселенцев, происходит подъем освободительной борьбы и рост национального самосознания.

П. В. СОВЕТОВ

(Институт истории АН МССР)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА И ТУРЕЦКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (и вопросу о типологических сдвигах в Молдавии)

I. Исследуя феодализм как общественно-экономическую формацию, мы различаем в ходе ее периодизации определенные последовательные фазы развития от более низких стадий раннего феодализма к более высоким ступеням развитого феодализма. В рамках проблемы периодизации сейчас мало кто смотрит статически на картину феодализма в той или иной стране или регионе. Другое положение сложилось при исследовании проблемы типологизации феодализма. Здесь еще не изжил себя подход, при котором тот или иной тип феодализма для определенной страны или региона рассматривается практически как на всегда установленный. Все существенные изменения и сдвиги, происходящие в развитии феодализма, изучаются преимущественно в рамках проблемы периодизации, т.е. только как стадиальные сдвиги (по вертикали общественно-экономического развития). В самой постановке проблемы типологизации еще редко выделяют такие изменения, которые носят не стадиальный характер перехода от одной фазы развития к другой (т.е. по вертикали), а характер типологических сдвигов в рамках той же фазы развития феодализма. Речь идет о таких сдвигах, которые приводят к переходу отдельного региона или страны от одного типа феодализма к другому (по горизонтали общественно-экономического развития) без перехода в следующую новую стадию или фазу развития, что, впрочем, не исключает их одновременности (движения феодализма вглубь при изменении типологических путей его развития). В литературе иногда наблюдается стремление совместить эти принципиально различные сдвиги (по вертикали и горизонтали), которые могут и не совпадать. Тем самым проблемы периодизации и типологизации феодализма не взаимно обусловливаются, а иногда просто совмещаются или подменяются.

Актуальность постановки, учитывающей соотношение проблем периодизации и типологизации, чувствуется повсеместно, осо-

бенно для тех регионов, где в развитие феодализма по вертикали вмешивается внешний фактор (в частности, завоевание), смещающий это развитие в горизонтальном плане, т.е. там, где наблюдаются не только стадиальные, но и чисто типологические сдвиги. Такая постановка проблемы имеет решающее значение и для региона Юго-Восточной Европы периода турецкого завоевания и, в частности, для понимания типологических путей развития феодализма в Молдавском княжестве ХУ-ХУШ вв.

2. Марксистская историография выделяет обычно (по горизонтали типологического ряда) два наиболее универсально противоположных в смысле социологической модели типа феодализма: западный и восточный. Среди прочих критерии, первый характеризуется преимущественно как основанный на частновладельческих (сенюриально-вотчинных) отношениях собственности, второй – на феодально-государственных. Разумеется, такая типологизация может быть результатом только общего социологического подхода, а не конкретно-исторического исследования истории отдельной страны. Она не выражает точный сколок с каких-либо конкретных общественных отношений того или иного региона, тех или иных стран эпохи феодализма, позволяя воссоздать лишь наиболее универсальные социально-экономические системы. Это не исключает реально существующих многочисленных конкретно-исторических своеобразий, порожденных особенностями собственного исторического развития отдельных стран и регионов. Систематизация этих своеобразий является делом "вторичной" типологизации наиболее общих универсальных схем по более ограниченным регионам.

Кроме того, надо учитывать, что в той универсальной схеме, о которой мы говорим, речь идет лишь об одном направлении типологического ряда. Существуют и другие критерии его формирования. Общее построение всех возможных рядов не входит в нашу задачу (об этом см.доклад З.В.Удальцовой и Е.В.Гутновой). Наша цель – найти место молдавского феодализма в указанном типологическом ряду.

При универсальном подходе к этому типологическому ряду в целом надо иметь в виду, что К.Маркс вывел в "Капитале" в теоретическом отношении два "чистых" типа феодальных отношений собственности – частновладельческий (сенюриально-вот-

чинный) и государственный – и сопоставил их¹. Это выделение для теоретического познания двух "чистых" форм основывалось на научной абстракции. В данном случае абстракция имела место в отношении всех промежуточных и затушеванных форм, которые мешали видеть природу ренты как экономической реализации феодальной земельной собственности и вместе с тем были ее проявлениями². Вот почему, исходя из наличия двух "чистых" типов феодальных отношений собственности: частновладельческого (К.Маркс видел его преимущественно в Европе) и государственного (К.Маркс видел его преимущественно на Востоке, в Азии), мы не должны забывать при каждом конкретно-историческом исследовании (в данном случае молдавского феодализма) возможность существования многочисленных промежуточных "нечистых" форм. В последних могли причудливо сочетаться оба полярных типа под различными покровами и юридическими вывесками, затемняющими природу экономических отношений собственности³. Подобных сочетаний, отражающих отношения собственности при одной и той же общественно-экономической формации может быть множество, на что также обращал внимание К.Маркс⁴. Отсюда, при наличии двух крайних полюсов, типологизированных в социологическом плане, наблюдается большое число конкретно-исторических промежуточных вариантов в данном типологическом ряду феодальной формации. К.Маркс не исключал в этих

¹ К. М а р к с. Капитал, т.Ш. М., 1951, стр.804.

² Т а м ж е, стр.631, 637.

³ Общественные отношения собственности не могут быть поняты только на основе анализа прав данного частного землевладельца без общеклассовых отношений собственности феодалов и крестьян. Последние являются более всеобъемлющими, охватывая и отношения собственности между государством (как "коллективным феодалом", концентрированным собственником) и крестьянством как классом в целом. Следовательно, они включают централизованную систему феодальной эксплуатации крестьян, которая могла осуществляться не только в "чистом" виде (без всяких фетишей при государственной собственности на землю), но и в виде наслаждения поверх сеньориальной ренты (при частной собственности на землю). Наслаждение, зачастую скрываясь за публично-правовыми, политическими и юридическими вывесками, иногда многократно превосходило размер сеньориальной ренты.

⁴ К. М а р к с. Капитал, т.Ш, стр.804.

промежуточных вариантах типологического ряда наличия элементов феодально-государственных отношений собственности в Европе и частновладельческих на Востоке, в Азии¹. Отсюда условность понятий "западный" и "восточный" феодализм в смысле абсолютного противопоставления этих двух типов отношений собственности, вместо выяснения их относительного удельного веса². И, что самое главное, и в Европе и на Востоке, в Азии, конкретное сочетание этих двух типов феодальных отношений собственности (конституирующее данный вариант в этом типологическом ряду) не находилось в застывшем виде на всем протяжении феодальной истории той или иной страны или региона. Наоборот, наблюдается возможность различных типологических сдвигов в отношениях собственности (от феодально-государственных к частновладельческим и наоборот).

В проведенной недавно советскими историками дискуссии, посвященной развитию феодализма и капитализма в странах Востока (Азии), отмечалось, например, что "под вывеской верхушки государственной собственности на землю существовала (и развивалась... - П.С.) частная феодальная собственность". Типологические сдвиги внутри феодализма от государственной собственности на землю к частновладельческой были характерны для многих районов Азии (для Индии см. работы К.З. Ашрафян). И, наоборот, во многих странах Европы в определенные периоды феодализма "под вывеской" частной феодальной собственности на землю шел процесс роста прав государства по экономической реализации земельной собственности. Анализируя последний этап феодализма (до его разложения) в Западной Европе, М.А. Барг характеризовал его как период, когда "над сеньориальной формой ренты надстраивается централизованная ее форма, главным образом в виде государственных налогов, пошлин и сборов". Сеньориально-вотчинная форма феодальной собственности, которая раньше была если не единственной, то главной,

¹ К. М а р к с. Капитал, т.Ш, стр.810-811. Здесь К.Маркс упоминает (для Европы) "...ту часть этой ренты, которая взималась в виде государственного налога".

² Не случайно К.Маркс обратил внимание на приближение форм феодализма в Западной Европе XIV - XV вв. к восточному типу (К. М а р к с. Капитал, т.І. М., 1949, стр.722).

постепенно вынуждена была потесниться и дать простор новым формам и отношениям собственности¹. По мнению того же автора, эти сдвиги носили характер перехода от сеньориальной фазы феодализма к следующей фазе позднего средневековья, в которой значительно усилились феодально-государственные отношения собственности и ослабились сеньориально-вотчинные, частновладельческие.

В Молдавском княжестве (как и в соседнем Валашском) наблюдаются такие же процессы, но носят они, на наш взгляд, характер сдвигов не стадиальных (т.е. по вертикали перехода от одной фазы феодализма к другой), а типологических (по горизонтали). Характер подобных сдвигов по горизонтали типологического ряда определялся таким внешним фактором, как турецкое завоевание Юго-Восточной Европы, в том числе и Дунайских княжеств.

Если посмотреть сквозь эту призму развитие феодализма в Молдавском княжестве XV-XVII вв., мы будем наблюдать нижеследующую картину.

3. В период XIV – начала XVI в. развитие феодализма в Молдавии характеризуется тенденцией укрепления сеньориально-вотчинных отношений собственности. Частнофеодальное землевладение в конце XIV в. охватило свыше 90% населенных земель. Господарский домен в результате постоянных пожалований сократился до 6% земель, остатки общинной крестьянской собственности были совершенно незначительными. Процесс экстенсивного развития феодализма вширь был почти завершен. Но проникновение феодальных отношений вглубь было еще незначительным. Почти весь прибавочный продукт производился в крестьянском дворе, степень сеньориальной эксплуатации (особенно баршина)² была относительно невелика. Она была ниже, чем в дру-

¹ Автор следующим образом характеризует данные процессы в Западной Европе: "Если в сеньориальную фазу феодализма крупная собственность неизбежно содержала в себе больший или меньший элемент политического суверенитета, то в позднее средневековье отношение становится обратным: политический суверенитет неизбежно принимал характер верховной земельной собственности" (М.А. Б а р г. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. ВИ, 1963, № 3, стр.83-84).

² Низкий уровень баршины (несколько дней в году) определялся не только отсутствием или небольшими размерами вотчинного хозяйства. Здесь сказывалось также наследие пастушеского хозяйства волохов в генезисе волошского (см. доклад

гих странах Центральной, Восточной и даже Юго-Восточной Европы (до турецкого завоевания). Заметную роль играла централизованная рента, причем светская вотчина располагала довольно ограниченным иммунитетом. Этим объясняется сохранение в определенной мере непосредственных уз зависимости крестьян от феодального государства и замедленные темпы прикрепления к личности и владениям отдельных феодалов. Крестьянин долгое время имел формальное право жаловаться на своего землевладельца в государственные, особенно судебные органы. Крестьяне располагали реальной возможностью оказывать сопротивление владельцу вотчины, так как они еще не были отделены от военного дела, систематически участвовали в господарском войске и имели при себе оружие.

Подобная структура феодальных отношений собственности в значительной мере обусловила и соотношение классовых и внутриклассовых сил в области внеэкономического принуждения. Военно-служилое сословие феодалов-землевладельцев (как результат высокой концентрации частнофеодального землевладения - 81% в составе крупного и среднего) не достигало даже 2 тыс. человек. Поэтому из-за постоянной военной опасности (со стороны Венгрии, Польши и особенно Оттоманской империи) в армию призывались зависимые частновладельческие крестьяне (войско вырастало от 10 до 40 тысяч). Но все это ограничивало в типологических рамках сеньориально-вотчинных форм дальнейшее развитие феодализма вглубь (основная закономерность после завершения экстенсивного развития). Это противоречие, сдерживающее дальнейшее движение феодализма вглубь (т.е. в плане вертикального общественно-экономического развития), постепенно (в течение XVI в.) преодолевается за счет перестройки указанной крупновотчинной структуры собственности путем ее раздробления, преимущественно с сохранением наследственных связей владельцев. Появляется в огромном масштабе мелковотчинное землевладение как новообразование (рост с 19 до 55% всей структуры), формирующее земельную базу военно-служилого сословия (процесс, который при всем своеобразии соот-

Ю.В.Бромлея и В.Д.Королюка), а позже и молдавского феодализма. Скотоводство сохраняло в структуре сельского хозяйства важные позиции (особенно в товарном производстве) до очень позднего времени.

ветствует субинфеодации в Англии XI-XIII вв.; складыванию в масштабе рыцарского землевладения в континентальной части Западной Европы XII-XIV вв.; формированию поместичьего землевладения в России XV-XVI вв. и т.д.). В результате мощь и сила господствующего класса феодалов-землевладельцев выросла настолько, что зависимый крестьянин был отделен от военного дела. Движение феодальных отношений по вертикали общественно-экономического развития в рамках сеньориально-вотчинного типологического пути сделало в XVI в. скачок вперед в виде значительного роста сеньориальной эксплуатации и усиления внеэкономического принуждения в вотчине, превращения основной массы зависимых частновладельческих крестьян в крепостных – вечин.

Однако начавшееся в течение XVI в. укрепление сеньориально-вотчинного строя еще не достигло уровня его развития в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе (до турецкого захвата), когда этот процесс приостанавливается и видоизменяется под влиянием внешнего фактора – установления и постепенного усиления турецкого ига. Развитие феодализма вглубь в Молдавии (как и в соседнем Валашском княжестве) продолжается, но его типологические пути видоизменяются.

4. Действие внутриинформационной закономерности развития феодализма вглубь (в рамках сеньориально-вотчинных отношений собственности) в Молдавии полностью не завершилось, когда в конце XVI – начале XVII в. в феодальных отношениях в целом начинаются довольно интенсивные внутриинформационные сдвиги (ограничение сеньориальной ренты и огромный рост централизованной), которые в дальнейшем (XVII-XVIII вв.) принимают характер вполне очевидной тенденции перехода от господства одного типа феодальных отношений собственности (частнофеодальных, сеньориальных) к преимущественному развитию других (феодально-государственных). Помимо сдвигов стадиальных по вертикали общественно-экономического развития началось смещение молдавского феодализма и в горизонтальном плане по типологическому ряду.

Развитие молдавского феодализма вглубь при параллельном скольжении по горизонтали типологического ряда привело к тому, что интенсификация феодальных отношений произошла при резком ослаблении сеньориально-вотчинных отношений собственности и огромном укреплении феодально-государственных. Выразилось это в ряде аспектов видоизменения форм феодализма:

а) фиксация и ограничение сеньориальной ренты на уровне меньшей доли прибавочного продукта при огромном росте в то же время централизованной ренты;

б) почти полное ограничение иммунитета вотчины в области взыскания централизованной ренты;

в) когда централизованная рента заняла львиную долю прибавочного продукта и распространилась и на часть необходимого продукта, а рост совокупной ренты полностью исчерпал себя, доведя страну до экономического упадка (см.доклад Д.М.Драгнева), началась все более прогрессирующая прямая перекачка остатков сеньориальной ренты в русло централизованной за счет тяжелого налогообложения частнофеодального вотчинного землевладения;

г) сдвиги в отношениях собственности приводят и к сдвигам в системе внеэкономического принуждения.Происходит ослабление внеэкономического принуждения сеньориально-вотчинного типа, которое выливается в ослабление уз личной зависимости частновладельческих крестьян в вотчине и сопровождается укреплением феодально-государственного принуждения. В результате крепостное право вотчинного типа (прикрепление крестьян - вечнон к вотчине и личности землевладельца, доходившее до купли-продажи вечнона) отменяется законодательством К.Маврокордата в 40-х гг. XIX в., а взамен вводится прикрепление крестьян к месту несения централизованной ренты. Одновременно многие бывшие вечноны, частновладельческие крестьяне прикрепляются к различным представителям феодально-государственной иерархии в качестве обязанных денежной, натуральной и обработочной централизованной рентой, которая в 4-8 раз превосходила сеньориальные платежи своим землевладельцам.Личностные отношения имеют тенденцию постепенного переключения из сферы сеньориально-вотчинных отношений собственности в сферу феодально-государственных.

Изменение типологических путей развития феодализма в глубь имело в Молдавии вполне очевидную причину (которая, впрочем, привела и к консервации самой феодальной формации вплоть до второй половины XIX в. - см. доклад П.Г.Дмитриева). Турское владычество, выкачивавшее из Дунайских княжеств значительные доходы главным образом за счет централизованной ренты, было главным катализатором усиления феодально-государственных от-

ношений собственности. Если на Балканах (Византия, Болгария, Сербия и т.д.) после турецкого завоевания частнофеодальные отношения собственности были в определенной степени сломлены и заменены отношениями феодально-государственными (о степени этого слома в литературе идет дискуссия), то в Молдавии (как и в соседнем Валашском княжестве) обошлось без такой коренной ломки. Местное частнофеодальное землевладение не было сломлено, но оно было резко ограничено в экономической реализации этой собственности за счет многократного превосходства централизованной ренты над сеньориальной. В результате, если феодальная собственность на землю как категория юридическая стала исключительно частнофеодальной, то категория экономических отношений собственности на землю стала преимущественно феодально-государственной.

Модификация феодальных отношений собственности в конце XVI-XVII вв. проявлялась не только в том, что феодально-государственные отношения собственности все больше наслаждались поверх частновладельческих. Их сфера расширялась также за счет действия тенденции окрестьянивания все более значительной массы низших ступеней светского землевладения, которая прямо вытекала из этого наследования. Отстраненные от централизованной ренты (к получению доли этой ренты приобщилось в основном служилое боярство, многие из которых были выходцами из балканских районов Турецкой империи) и облагаемые тяжелыми налогами они опускались все ниже по лестнице феодального благосостояния. Владельцы мелких и мельчайших вотчин нередко вынуждены были переходить грань, отделявшую мелкую вотчину от владения крестьянского типа. Мелковотчинное владение из организации по присвоению частнофеодальной, сеньориальной ренты превращалось в организацию по производству централизованной ренты. Тенденция окрестьянивания мелкофеодального частного землевладения приближала отношения собственности на землю к государственному феодализму в "чистом" виде. Но этот процесс так и не был завершен, когда в отношениях собственности в конце XVIII – первой трети XIX в. наметился обратный внутриформационный сдвиг в недрах феодализма: восстановление и укрепление сеньориально-вотчинаных отношений в связи с ослаблением турецкого ига и вытекающим отсюда падением роли

централизованной ренты (об этом см. доклады В.Я.Гросула, Я.С.Гросула и П.В.Советова).

Итак, турецкое завоевание Юго-Восточной Европы изменило типологические пути развития в Молдавии феодализма вглубь (впрочем как и во всем этом регионе). Если после завершения периода сочетания экстенсивного и интенсивного развития феодализма его закономерное развитие исключительно вглубь происходит путем укрепления сеньориально-вотчинаных форм, то турецкое завоевание смещает дальнейшее развитие феодализма вглубь (т.е. развитие по вертикали), также и в горизонтальном плане типологического ряда. Происходит одновременно движение и по вертикали и по горизонтали. Причем если на Балканах (бывших владениях Византии, Болгарии, Сербии и т.д.) горизонтальный сдвиг принял более быстрые и чистые формы распространения феодально-государственных отношений собственности, разрушивших в той или иной степени (об этом идет дискуссия) частнофеодальное землевладение, то в Дунайских княжествах этот же процесс имел более затяжной характер и приобрел завуалированные формы наслоения поверх полностью юридически сохранившегося частнофеодального землевладения.

Помимо ряда других решающих причин (и в первую очередь военно-политического характера), здесь имело некоторое значение и то обстоятельство, что развитие сеньориально-вотчинных и ослабление феодально-государственных отношений на Балканах до турецкого завоевания шло гораздо дальше, нежели в Дунайских княжествах (см. доклады З.В.Удальцовой и Е.В.Гутновой, Г.Г.Литаврина, Е.П.Наумова). Этот строй на Балканах было труднее сохранить, приспособив его к росту феодально-государственных отношений собственности, и он подвергся поэтому гораздо более значительной ломке, нежели в Дунайских княжествах, где он сохранился в период турецкого ига в качестве придатка к господствующим феодально-государственным отношениям собственности (накрывших сверху глубоким слоем относительно тонкий слой сеньориальной эксплуатации).

Перед нами два различных варианта типологических сдвигов по горизонтали упомянутого ряда, в связи с турецким завоеванием Юго-Восточной Европы: один, более "чистый", на Балканах, другой, более завуалированный, в Дунайских княжествах. Но тенденция этих сдвигов в типологическом плане в основном тождественна.

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ
(Кишиневский государственный
университет им. В. И. Ленина)

К ВОПРОСУ О ТУРЕЦКОЙ МОНОПОЛИИ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КНЯЖЕСТВ (XVI-XVII вв.)

1. Проблема установления турецкой монополии на внешнюю торговлю Молдавии и Валахии в историографии специально не исследована. Только в монографиях или отдельных разделах работ, посвященных изучению внешней торговли и истории Молдавии и Валахии, советские историки и историки СРР высказали по данному вопросу ряд суждений. Мнения историков при этом разошлись. Одни исследователи предполагали, что монополия на внешнюю торговлю была почти полной (М.Берза). Но большинство авторов все же считают, что она никогда полностью не осуществлялась в период XVI-XVII вв. (Н.А.Мохов, Л.Лер, П.В.Советов). Причем П.В. Советов считает, что можно говорить лишь о попытках Турции монополизировать экспорт товаров, в первую очередь крупный и мелкий рогатый скот. Проведенное нами исследование фактического материала подтверждает эту точку зрения. Несмотря на проявляемую султанами тенденцию монополизировать молдавский экспорт, поставки скота и других сельскохозяйственных товаров из Молдавии на европейский рынок не прекращались на всем протяжении XVI-XVII вв.

2. Нет полной ясности и в вопросе возникновения тенденции к монополизации экспорта продуктов из княжеств. Румынский историк П.П.Панайеску считает, что турецкая монополия на внешнюю торговлю княжеств устанавливалась постепенно. Официальным документом, ее утвердившим, является фирманс Селима II от 6.У 1568 г. Указанным фирмансом, направленным молдавскому господарю Богдану Лапушину, запрещался, под угрозой наказания, экспорт овец и крупного рогатого скота в Польшу и другие страны. Р.Манолеску отмечает, что турецкая монополия на внешнюю торговлю Молдавии и Валахии была установлена в 70-х годах XVII в. Ее следствием, по мнению автора, был запрет

в 1568 г. экспорта в третью страны важнейших продуктов молдавско-валашского производства, в которых нуждалась Оттоманская Порта.

Наша задача - высказать (в порядке постановки вопроса) ряд положений, существенных, с нашей точки зрения, для разработки проблемы.

3. Нам представляется неправильным турецкие фирманы (в частности фирмам 1568 г.), адресованные султанами молдавским господарям, в одинаковой мере относить и к Валахии и на их основании делать категорические выводы об установлении монополии на внешнюю торговлю обоих княжеств. Можно лишь предположить, учитывая приблизительно одинаковые формы подчинения Молдавии и Валахии Порте, что последняя проявила подобные тенденции и по отношению к Валахии. Однако источников по этому вопросу пока в нашем распоряжении нет.

4. На наш взгляд, фирмам 1566 г., содержащий требование султана отправлять весь скот из Молдавии в Константинополь, нельзя считать начальным этапом установления турецкой монополии на внешнюю торговлю княжества. Инициатива в данном случае не исходила из Порты. Фирман был направлен в Молдавию в качестве ответа на повторяющиеся жалобы господаря Александра Лапушняну с просьбой оказать защиту молдавским купцам, терпящим убытки в Польше из-за валютных колебаний. Фирман, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в этот период Молдавское княжество, несмотря на обязанность поставлять в Константинополь ежегодно 12000 голов крупного рогатого скота, видимо, после выполнения обязательных поставок, располагало все же возможностями вести активную внешнюю торговлю, о которой Порта не только знала, но которой она и не противодействовала. Не будь этого, вряд ли молдавский господарь неоднократно обращался бы за помощью к султану.

Запрет экспорта скота из Молдавии в другие страны не является в этом фирманде категоричным. Он - как бы отражение заботы султана (пусть и мнимой) об интересах молдавских купцов, которых он старается прельстить перспективами выгодной реализации скота в Константинополе.

Если считать, что фирманд от 6 мая 1568 г. устанавливал действенную турецкую монополию, пусть не на всю внешнюю торговлю, но хотя бы на важнейшие отрасли производства Молдавии,

а угрозы наказания за его несоблюдение применялись на деле, то в таком случае внешняя торговля княжества после этого года, во-первых, должна была резко сократиться, во-вторых, превратиться в значительной степени в контрабандную, осуществляемую без ведома Порты.

Документальные данные о торговле XVI-XVII вв. свидетельствуют, однако, о значительном экспорте товаров из Молдавии в Польшу, Трансильванию и другие страны, причем экспортируется в первую очередь и главным образом запретный товар № I - скот и животноводческая продукция. В отдельные годы молдавский экспорт крупного рогатого скота превышал 50 000 голов, то есть столько же, сколько в этот период экспортировала за границу ежегодно Польша. А ведь, кроме скота, княжество в этот период отправляло в другие страны, в частности в Польшу, целые обозы подвод с рыбой, сотни бочек поташа, львовские винные погреба были забиты бочками воловьего вина и т.д. Следует отметить, что торговля Молдавии регулировалась господарями, которые заключали с соседними государствами торговые соглашения и предоставляли иностранным купцам различные льготы, что свидетельствует о том, что дальнеше угроз Порта не шла. В княжестве периодически проводились ярмарки, где закупали скот и др. товары не только турецкие купцы, но и торговые люди из Польши, Трансильвании, Германии и др. Сами же господари и другие представители феодальной знати и после получения фирмансов продолжают вести активную внешнюю торговлю "запретными" (!) товарами. Это - господарь Александр Лапушняну, Янку Сасул, Иеремия Могила и др.

О постоянных для этого периода внешнеторговых связях Молдавии с Польшей, Трансильванией и др. странами свидетельствует и сама организация торговли: система кредита и поручительства в торговых взаимоотношениях, контрактовое оформление обмена, организация купеческих товариществ и т.д.

Нельзя предположить, что такое всестороннее и систематическое нарушение закона о действенной торговой монополии на внешнюю торговлю княжеств не было бы известно султанам.

Исходя из всего сказанного, можно считать, что фирманы 1566 и 1568 гг. свидетельствуют скорее о тенденции наличия претензий Порты на установление турецкой монополии на внешнюю торговлю княжеств, чем о действующем введении полного

запрета на экспорт сельскохозяйственных товаров в третьи страны.

5. Стремлению султанов установить монополию на внешнюю торговлю Молдавии противодействовал ряд факторов. По-видимому, отсутствовало стремление Порты перепродавать самой сельскохозяйственную продукцию княжества на европейском рынке. Актовые записи книг городских учреждений Львова, Каменца Подольска XVI-XVII вв. несят данными о ввозе в Польшу турецкими купцами всевозможных восточных товаров, но совершенно отсутствуют данные о реализации там последними предметов традиционного молдавского экспорта.

Натуральные поставки интересовали турецких правителей в плане обеспечения продуктами питания крупных городов империи, в частности Константинона, а также удовлетворения армии провиантом. Для этой цели не нужна была решительно вся сельскохозяйственная и животноводческая продукция, производимая в княжествах для рынка. Кроме того, Порта облагала княжества и огромными денежными взносами, которые зачастую превышали стоимость натуральных поставок. Во 2-й половине XVI в. резко возросла сумма харака, уплачиваемого туркам Молдавией. Если господарь Богдан Лапушняну после 1568 г. платил 35 тыс. золотых, то в 1593 г. при Ароне Тиране харак достигал 65 тыс. золотых, не считая экстраординарной дани, подарков, взяток, которые часто превышали сумму харака. Существенную часть этих денежных взносов княжества покрывали доходы от внешней торговли, а также таможенные сборы. Например, в период правления Александра Лапушняну 50-60-е годы XVI в. харак достигал 30 тысяч золотых, а одна лишь Хотинская скотная ярмарка давала в это время ежегодный доход в 10 тыс. золотых, то есть 1/3 харака. В конце XVI в. черновицкий таможенный пункт приносил господарю доход в 100 тыс. флоринов.

Княжества трудно было исключить из сферы внешнеторговых операций еще и потому, что через их территорию пролегали торговые пути, по которым в этот период осуществлялась значительная транзитная торговля восточными товарами, часть которой находилась полностью в руках господарей. В торговле восточными товарами Порта была крайне заинтересована.

Можно предположить, что именно в силу вышеуказанных причин турецкие султаны не установили жесткую монополию на

внешнюю торговлю княжеств. Оттоманская Порта знала, что основные доходы от этой торговли, также как и значительная часть импортируемых Молдавией из-за границы товаров (меха, ткани), будут ей отданы в виде дани и подарков.

6. Правда, обязательные натуральные поставки играли для Порты важную роль. Когда по каким-то причинам экспорт из княжеств в Турцию прекращался, в крупных городах, в частности в Константинополе, наступал голод. Поэтому, очевидно, когда Молдавия нарушала свои обязательства, касающиеся натуральных поставок по отношению к Порте, и экспортировала слишком много товаров в другие страны, султаны издавали фирманы, содержащие требования о прекращении внешней торговли княжеств с другими государствами, угрожая господарям суровыми карами. Когда же снабжение осуществлялось бесперебойно, а это являлось нормой, ни о каких ограничительных, а тем более монопольных мерах султаны не помышляли. И все же подчинение княжеств Порте влияло крайне отрицательно на развитие их внешне-торговых связей и экономики вообще. Не будь турецкого господства, княжества могли бы в значительно больших масштабах и с большей для себя выгодой торговаться с заграницей. Обязательные поставки скота и других сельскохозяйственных продуктов в Оттоманскую Порту были значительными, грабили княжества и турецкие оптовики, приобретавшие скот и другие сельскохозяйственные продукты по заниженным ценам.

Внешняя торговля не могла в полной мере содействовать развитию экономики этих стран, так как значительная часть их доходов упивала в Порту в виде дани, подарков, взяток. Часто сменявшие султанами господари для своевременного погашения долгов, сделанных ими при покупке престола, и для личного обогащения, тезаврировали таможенные доходы в своей господарской казне, не пускали их в оборот. Подчинение княжеств Оттоманской Порте и связанные с этим обязательства сильно сокращали потенциальные возможности развития внешней торговли (и это в условиях неуклонного возрастания спроса на сельскохозяйственную продукцию на европейском рынке). Тем самым даже при отсутствии фактической монополии турецкое господство в княжествах сдерживало их экономическое развитие.

Д. М. ДРАГНЕВ

(Институт истории АН МССР)

ПРОГРЕСС, ЗАМЕДЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УПАДОК?

(об особенностях экономического развития

Дунайских княжеств в XVII — XVIII вв.)

I. Период ХУП—ХУШ вв. — время больших перемен в экономической жизни Европы. Их оценка вызвала широкую и длительную дискуссию, главным образом в связи с выдвинутой в 50-х годах в западноевропейской буржуазной историографии теорией "общевероятского кризиса ХУП века" (Р.Мунье, Р.Мандру, П.Шоню, Э.Хобсом, Г.Тревор-Рoper и др.). Благодаря исследованиям советских историков (М.А.Барга, А.Д.Люблинской, А.Н.Чистозвонова и др.) было доказано, что эта "теория" зиждется на изучении сферы обращения ограниченной территории Европы. Ее выводы не могут объяснить сдвиги в производстве этого времени, противоречат особенностям развития обмена ряда регионов континента.

В последние годы в марксистской историографии находит поддержку точка зрения, с позиций которой экономическая история Европы ХУП—ХУШ вв. рассматривается в рамках отдельных зон с определением особенностей развития каждой в отдельности. Однако на настоящем этапе исследования типологии феодализма Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы Дунайские княжества нередко обходятся или вовсе относятся к нетипичным для них регионам, что обусловлено слабым знакомством авторов с социально-экономической историей этих земель. Между тем, в исторической литературе уже ставился вопрос о необходимости выделения Дунайских княжеств в особую зону развития аграрных отношений в период перехода от феодализма к капитализму (Я.С.Гросул, Н.А.Мохов, П.В.Советов), отмечаются особенности политического развития этого региона (см. доклад В.Д.Королюка), исследуются вопросы типологии феодализма (П.В.Советов). На сегодняшний день можно считать доказанным, что в своем социально-экономическом развитии Дунайские княжества сочетали типологические признаки, характерные как для стран Балканского полуострова, так и для стран Восточной и Цент-

ральной Европы. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, каким образом изменения в соотношении этих типологических признаков сказывались на экономической эволюции княжеств в ХУП–ХУШ вв.

2. В исторической литературе было высказано несколько точек зрения на экономическое развитие Дунайских княжеств в ХУП–ХУШ вв. Согласно одной из них последствиями установления турецкого ига в Дунайских княжествах было сокращение на всем протяжении XVI–XУШ вв. численности народонаселения, падение уровня сельскохозяйственного производства и ремесла, упадок экономического и политического значения городов. Преодоление упадка увязывалось с ослаблением оттоманского гната в конце XУШ в. и его свержением в следующем столетии (румынские буржуазные историки А.Ксенопол, А.Голеску, советские историки Ф.А.Грекул, Н.К.Головко и др.). Существует и противоположная точка зрения, согласно которой турецкое завоевание вовсе не приостановило экономическое развитие завоеванных стран. В современной турецкой историографии было высказано мнение, что турецкое господство являлось здеоу условием прогресса, ибо оно обеспечивало спокойствие, справедливость и экономическую стабильность (Г.Гёкбилигин).

Самой распространенной оказалась третья точка зрения: турецкое иго затормозило, но полностью не остановило экономический прогресс в княжествах. Происходило замедленное экономическое развитие, причем его уровень в каждом столетии был выше предыдущего (История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951; История Румынии, т. III. Бухарест, 1964). Но и эта концепция, которая, казалось, учитывала слабые стороны предыдущих, не смогла определить место целого ряда явлений в экономической жизни княжеств. Так, экономическое развитие Молдавии в последней четверти ХУП – первой половине ХУШ в. и Валахии во второй трети ХУШ в. оказалось невозможным объяснить в рамках концепции замедленного развития. В результате такие специфические явления этого периода, как спад численности народонаселения, снижение уровня сельскохозяйственного и ремесленного производства, свертывание внутренней и внешней торговли обходило авторами указанной точки зрения. Некоторые румынские историки (В.Ханга, Н.Кориван, И.Грэмадэ и др.) выдавали за признаки первоначального накопления или за элементы капи-

тализма наблюдавшиеся в это время обеднение народных масс, обезземеливание мелких земельных собственников (резешей и мишнян), аренду феодальных вотчин, рост удельного веса наемного труда и денежной ренты.

Между тем, некоторые исследователи, изучившие отдельные отрасли народного хозяйства в их эволюции (сельское хозяйство, ремесло, города, внутренняя и внешняя торговля), стали приводить данные, свидетельствующие, что в Молдавии с последних десятилетий ХУП в. эти отрасли приходят в упадок или в состояние депрессии (Н.А.Мохов, Е.М.Подградская, Н.А.Демченко, Д.Чуря, К.Чиходару, М.Берза и др.). В результате появляется новая постановка вопроса, согласно которой период последних десятилетий ХУП – середины ХУШ в. был определен как время экономического упадка в Молдавии (П.В.Советов, Д.М.Драгнев). Были приведены также отдельные данные, свидетельствующие о застое и упадке некоторых отраслей хозяйства Валахии во второй трети ХУШ в. (М.Берза и др.).

Бесспорно, что в экономической истории Дунайских княжеств в ХУП–ХУШ вв. еще многое не исследовано. Однако уже теперь представляется правомерной новая постановка вопроса о зигзагообразном развитии их хозяйства в этот период: замедленное поступательное экономическое развитие прерывалось длительными периодами упадка и застоя, что нашло свое выражение в динамике численности народонаселения, состояния сферы производства и обмена.

3. Большие демографические потери в Дунайских княжествах в последних десятилетиях ХУП – середины ХУШ в. не могли не обратить на себя внимания исследователей. Сторонники концепции замедленного (но непрерывного) экономического развития княжеств в ХУП–ХУШ вв. обычно не объясняли причин этих потерь. Для сторонников же постоянного экономического упадка эти потери являлись показателем дальнейшего его углубления. Была выдвинута и третья точка зрения: демографические потери в Дунайских княжествах ХУШ в. были связаны с переселением в Трансильванию значительной части их населения (венгерские буржуазные историки Янчо Бенедек, Шекфью Гюла, советский историк В.П.Шушарин и др.). Это переселение рассматривалось некоторыми авторами как завершающий этап начавшегося в древности процесса расселения волохов в пределах Карпато-Дунай-

ских земель. Длительность этого процесса объяснялась пастушеским, полукочевым характером их хозяйства. Однако эта точка зрения явно несостоятельна. Она не учитывает степени сопоставимости между собой трансильванских переписей населения, значительного роста населения Молдавии (в процессе преодоления экономического упадка) между 1742-1772 гг., эмиграции валашского населения в других (кроме Трансильвании) направлениях, убыли населения этого княжества во время эпидемий, голода, войн. Возможно, что из Валахии в середине ХУП в. эмигрировало в Трансильванию около 15 тыс. семейств. Но, с другой стороны, известно, что из Трансильвании в Валахию переселилось в это же время около 10 тыс. семейств.

Отрицая наличие массового переселения жителей Дунайских княжеств в Трансильванию, мы не ставим, однако, под сомнение сам факт определенной убыли населения в княжествах. Источники зарегистрировали спад численности населения в Молдавии в последней четверти ХУП - 40-х годах ХУШ в. и в Валахии во второй трети ХУШ в., т.е. в тот период, который нами определяется как время экономического упадка. В Молдавии в 1742 г. по нашим подсчетам было 56 404 тягловых дворов, в то время как в 1591 г. на сопоставимой территории проживало около 45 тыс. семейств. Можно думать, что с 1592 г. и до начала упадка в Молдавии последней четверти ХУП в. численность народа населения заметно возросла, и затем она была отброшена почти к исходной точке. В Валахии по переписи 1739 г. числилось 147 тыс., а по оценке уездных исправников 1772 г. - лишь 90 тыс. семейств.

Значительные демографические потери были замечены не только в сельской местности, но и в городах. С 70-х гг. ХУП в. и до начала ХУШ в., по сообщению Д. Кантемира, в Яссах число домов сократилось с 12 до 4 тыс. Запустели молдавские города Лапушна, Байя, Котнары, Васлуй, Фалчиу и др., валашские города Гергица, Орашул де Флочь, Байя де Арамэ и др. В то же время в историографии отмечается, что за первые три четверти ХУШ в. как в Молдавии, так и в Валахии о появлении какого-либо нового важного ремесленно-торгового центра не могло быть и речи.

4. В исследованиях, изучивших эволюцию отдельных отраслей народного хозяйства Молдавии эпохи феодализма, их упадок

в последних десятилетиях ХУП – середине ХУШ в. объяснялся военными разрушениями, реквизициями (М.Берза, Д.Чурия, К.Чиходару, Е.Подградская и др.). Этим как бы переносилось на Молдавию объяснение, часто приводимое в работах об экономическом упадке в странах Восточной Европы второй половины ХУП в., в частности в Польше. Но типологические отличия феодализма в Молдавии и в странах Восточной Европы, изученные в последнее время, делали это объяснение недостаточным, особенно для периода после окончания польско-турецких войн.

Другой взгляд на экономический упадок в Молдавии того времени исходит из изучения эволюции тех типологических признаков феодализма в Молдавии, которые имели общие черты с феодализмом на Востоке (главным образом в Турецкой империи). Основная причина экономического упадка усматривается в том, что непомерный рост объема централизованной ренты стал обгонять развитие производительных сил, в то время как военные разрушения лишь усугубили упадок (Н.В.Советов).

Важно, конечно, выяснить причины столь значительного роста централизованной ренты, приведшего к упадку в последних десятилетиях ХУП в. Бессспорно, основной причиной было усиление оттоманского ига в связи с войнами, территориальными потерями. При этом существовал еще ряд неблагоприятных условий для развития производительных сил в княжествах того времени, которые, хотя и не были главной причиной экономического упадка, определили его глубину и длительность.

Известно, что основой хозяйственной жизни Молдавии ХУП–ХУШ вв. было феодальное сельскохозяйственное производство. Городская жизнь была развита слабо (см. доклад Л.Л.Полевого), и внутренний рынок потреблял небольшую долю продуктов сельского хозяйства. Значительная часть товарной продукции была ориентирована на внешний рынок. Но, как уже установлено в историографии, в отличие от других стран к востоку от Эльбы здесь не развилось зерновое барщинно-фольварочное хозяйство. Производство зерна было слабо развито и в крестьянском хозяйстве. Принудительная его закупка Портой по сниженной цене, отсутствие путей его экспорта на европейский рынок не вызывали стимулов к развитию земледелия в стране. Как вотчинное, так и крестьянское хозяйство свой основной доход получало от продажи скота и продуктов скотовод-

ства. Хотя Порта и закупала скот по сниженной цене, эти закупки не носили постоянного объема и чаще всего были ниже возможностей княжества. Известно, что Молдавия экспортировала несколько десятков тысяч голов скота на рынки Центральной и Западной Европы (см.доклад Е.М.Подградской). Однако с середины ХУП в. наступает период значительного обесценения восточноевропейского сельскохозяйственного экспорта. Континентальная торговля вступает в упадок: датские и фризские быки заменяют рогатый скот из Польши и Молдавии на рынках Центральной Европы.

До середины ХУП в. Молдавия была активным поставщиком скота и продуктов скотоводства для развивающихся городов Речи Посполитой. Однако упадок там городской жизни (уменьшение численности населения, аграризация городов) резко снизил их значение как потребителей молдавских сельскохозяйственных товаров. Вдобавок ко всему, молдавский торговый путь, связывавший Турцию о Речью Посполитой, с 1673 г. забрасывается, и его трасса начинает пролегать через Валахию и Трансильванию. Молдавия теряет доходы и от транзитной торговли. Торговые же связи с другими странами (Россия, немецкие земли, Трансильвания) были слабыми или даже спорадическими. Результат упадка сельскохозяйственного экспорта не замедлил сказаться: в стране наблюдается значительный денежный голод, усиливаются натуральные эквиваленты обмена. Все это происходило при застое цен на продукты сельского хозяйства.

Господари и служилое боярство попытались компенсировать потери доходов от сельскохозяйственного экспорта путем усиления налогового гнета в стране (это усиление обуславливалось также ростом экономического гнета Порты). Налоги накладывались даже на вотчинное хозяйство, что приводило к разорению или крайнему оскуднению землевладельцев, не имевших доступа к централизованной ренте, к массовой эмиграции податного населения. На оставшихся налогоплательщиков перекладывалось и бремя убежавших, что еще больше усугубляло их положение. В рассматриваемый период крестьяне вывозили на местный рынок даже часть необходимого продукта. На вырученные деньги они не покупали ремесленные изделия, а выплачивали их в счет многочисленных податей. Городские ремесленники-налогоплательщики, не находя сбыта своим товарам, обращались к

сельскому хозяйству или покидали города. Наблюдавшаяся в начале XVIII в. так называемая "революция моды" сопровождалась большим спросом господствующего класса на ремесленные изделия и предметы роскоши, привозимые из-за рубежа, что опять-таки ударило по местным ремесленникам. Иностранные купцы, имея большие привилегии, стали полностью господствовать в торговле княжества. Последние факторы наложили отпечаток на дальнейшее развитие промышленности и торговли в XVIII-XIX вв. Денежным голодом в стране воспользовались иностранные ростовщики. Они все больше закабалили мелковотчинное и крестьянское хозяйство.

Таким образом, на катастрофический рост централизованной ренты, явившейся главной причиной упадка в княжествах, кроме усиления экономического гнета Порты, дополнительно влияли такие факторы, как обесценение сельскохозяйственного экспорта, экономический упадок в странах-потребителях молдавских сельскохозяйственных товаров, изменение торговых путей, наплив в княжества иностранных купцов и ростовщиков и др. Частые пребывания иностранных войск на территории Молдавского княжества, ряд голодных лет и эпидемий также способствовали обездвижению страны, обнищанию непосредственных производителей материальных благ. Все это несомненно сказалось на степени и длительности экономического упадка. В целом экономический упадок в Молдавии наблюдается в условиях значительного сдвига в типологии феодализма, выразившемся в ослаблении доли вотчинно-сеньориальных черт в социально-экономическом строем княжества (см.доклад П.В.Советова).

В этом плане явления экономического упадка в Молдавии можно было бы сравнить с аналогичными явлениями в некоторых странах Западной Европы в XIV-XV вв., учитывая, конечно, принципиальные отличия эпох. Известно, что там явления упадка и застоя наблюдались в некоторых отраслях хозяйства в связи со сдвигом внутри феодальной формации. Они выражались в упадке так называемой "старой сеньории" и превращении мелкокрестьянского хозяйства в абсолютно господствующую форму феодального производства (М.А.Барг). Это явление сопровождалось усилением роли централизованной ренты.

В Молдавии со временем упадка не сложилась сеньория западного образца, и упадок охватил всю вотчинно-сеньориальную

систему эксплуатации. Итогом упадка в Молдавии была не замена одной системы феодальной эксплуатации другой, а регламентация, определение сферы действия каждой из них. При этом происходила по тем же причинам консервация феодальных отношений (см.доклад П.Г.Дмитриева). Надо также иметь в виду, что упадок в Молдавии не был следствием естественного изживания определенных форм феодальной эксплуатации, а происходил под влиянием извне: рост экономического гнета Порты, упадок в соседних странах, военные разорения и т.д. Еще меньше почвы для сравнения экономического упадка в Молдавии с явлениями упадка и застоя в ряде стран Европы XVII в., проходившего там в условиях кризиса феодальной формации. Можно говорить лишь о влиянии экономического упадка в Речи Посполитой на Молдавию, о внешне сходных его проявлениях. Причины же были разными и исходили из различия типологических особенностей феодализма в Молдавии и других странах (или регионах) Европы.

Процесс преодоления экономического упадка в Молдавии начинается в третьей четверти XVIII в. Он был связан с некоторым ослаблением экономического гнета Порты (после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.), с правительственной политикой по регламентации форм присвоения прибавочного продукта, заселению края, предоставлению податных льгот отдельным товаропроизводителям и др. Начинается развитие вотчинного хозяйства, которое воспользовалось как податными льготами, так и новым ростом спроса на молдавский сельскохозяйственный экспорт. Развитие барского хозяйства в период преодоления экономического упадка наметило новый типологический сдвиг: усиление вотчинно-сенiorиальных признаков в типологии молдавского феодализма, которые постепенно достигают превосходства над государственно-централизованными в первой половине XIX в. (см.доклад В.Я.Гросула). Но тогда шел и параллельный процесс генезис капитализма. Соотношение между этими процессами – особая тема (см.доклад Я.С.Гросула и П.В.Советова).

5. Составляя единый регион, экономическое развитие Молдавии и Валахии имело неоколько отличную эволюцию. Упадок в Валахии наступил несколько позже, чем в Молдавии, и имел менее длительный и глубокий характер, хотя экономический гнет Порты в конце XVII в. в Валахии был не менее жесток, чем в Молдавии. Следовательно, отсутствовали добавочные факторы,

которые ускорили процесс присвоения господствующим классом не только прибавочного, но и часть необходимого продукта трудаящихся масс. Они проявились в первой половине XVIII в. (военные разорения, изменение внешнеторговой конъюнктуры, наплыv иностранных купцов и ростовщиков и т.д.) и в сочетании с новым ростом требований Порты вызвали резкое увеличение централизованной ренты. В результате происходит значительное обездвижение страны, сокращение поголовья скота и посевных площадей, застой городской жизни. Правда, степень проявления экономического упадка в Валахии и его особенности нуждаются в дальнейшем изучении. Для нас важен вывод о том, что даже в пределах региона с единой типологией феодализма между входящими в его состав территориями не было экономического единства до той степени, чтобы упадок одних его частей вызвал упадок других. Бессспорно, что и другие территории Юго-Восточной Европы, находящиеся под оттоманским игом, при усилении гнета не всегда одновременно приходили в экономический упадок. Хотя процесс создания экономического единства внутри Балканского региона и наблюдался отдельными авторами (Н. Тодоров), все же оно не достигало той степени, при которой экономические сдвиги носили повсюду тождественный характер. В историографии уже приводились данные об упадке сельскохозяйственных районов вокруг Константинополя в XVII в. (М. Александреску-Дерска), об экономическом упадке в отдельных югославских землях в XVII-XVIII вв. (История Югославии, т. I. М., 1963), об упадке промышленности турецких городов в первой половине XVIII в. (А. Д. Новичев и др.).

Вероятно, периоды экономических упадков еще не везде выявлены историками (как это было до недавнего времени для Молдавии и Валахии) ввиду недостаточности источниковедческой базы для изучения экономической истории Юго-Восточной Европы в XVII-XVIII вв. Но видимо, экономический гнет Порты в Юго-Восточной Европе в XVII-XVIII вв. усилился до такой степени, что возникающие отдельные неблагоприятные для экономического развития факторы могли служить дополнительным толчком к экономическому упадку. Зигзагообразное экономическое развитие (сочетающее замедленное развитие и упадок) было характерной чертой социально-экономической эволюции ряда территорий, находящихся под оттоманским игом.

П. Г. ДМИТРИЕВ
(Институт истории АН МССР)

КОНСЕРВАЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛДАВИИ ТУРЕЦКО-ФАНАРИОТСКИМ ГНЕТОМ

Мнения большинства историков сходятся в том, что гнет Оттоманской Порты отрицательно влиял на социально-экономическое развитие народов Дунайских княжеств, что стало особенно заметным в последней четверти XУШ – начале XIX в., когда в Молдавии стали зарождаться первые элементы новых, капиталистических, отношений. В этот период реакционность оттоманского владычества выразилась прежде всего в том, что оно продолжало консервировать феодальные отношения, в сильной степени тормозило развитие новых, капиталистических, отношений. И хотя об этом известно давно, механизм отрицательного воздействия турецкого гнета еще далеко не раскрыт. В данном докладе предпринята попытка рассмотреть в самых общих чертах явления, порожденные господством Оттоманской Порты, которые в сильной степени сдерживали развитие зачатков капиталистических отношений и тем самым способствовали сохранению феодальной формации.

По определению В.И.Ленина, превращение натурального хозяйства в товарное является исходным моментом в историческом развитии капитализма. Поэтому анализ факторов, влиявших на разложение феодализма и генезис капитализма, будет правильнее всего начинать с тех, которые содействовали развитию товарного хозяйства или тормозили его.

Товарное производство развивалось на основе общественно-го разделения труда и обмена между городом и деревней, между различными областями княжества, а также внешней торговли.

Можно утверждать, что после экономического упадка (о нем см. доклад Д.М.Драгиева) во второй половине XУШ в. наблюдается незначительный сдвиг в специализации некоторых районов княжества в производстве определенных видов сельскохозяйственной и промысловый продукции. Некоторый прогресс по сравнению с первой половиной XУШ в. наблюдается и в области отделения промышленности от сельского хозяйства. Это выражи-

лось в умножении числа сельских жителей, которые специализировались на производстве определенного вида промышленных изделий, в появлении новых специальностей в некоторых отраслях промышленного производства. Шло и географическое разделение труда в области ремесла и промышленности. По данным переписи 1803 г. можно определить районы, жители которых занимались преимущественно определенным промыслом или ремеслом.

Основными центрами развития ремесел являлись города. В 1774 г. в городах княжества жили ремесленники около 100 специальностей. Рост населения некоторых городов и появление новых местечек является также свидетельством роста внутреннего рынка и товарности не только ремесла и промышленности, но и сельского хозяйства, так как с ростом городского населения увеличивается спрос на сельскохозяйственные продукты. Во второй половине ХVIII в. растет население таких городов, как Яссы, Ботошаны, Хуши, Хэрлэу.

Отмечая прогресс, достигнутый в области развития производительных сил, разделения труда и товарности сельского хозяйства во второй половине ХVIII в., следует подчеркнуть, что этот сдвиг был очень незначительным не только на общеевропейском фоне, но даже на фоне стран, расположенных к востоку от Эльбы.

Тормозящее влияние турецкого владычества на развитие товарного производства было многосторонним. Частые грабежи турецкой армии и крымских татар разрушали производительные силы, создавали неуверенность в возможности реализации производимого для продажи продукта, нарушили торговые связи, препятствовали капиталовложениям и т.д. Известны четыре крупных нашествия турок и татар на Молдавию во второй половине ХVIII в. - в 1758, 1769, 1786 и 1788 годах.

Другим фактором, тормозившим развитие товарного производства была монополия Порты на вывоз хлеба, сливочного масла, селитры, овец, леса и частичная монополия на вывоз крупного рогатого скота, лошадей, меда, воска и других продуктов (о монополии в предыдущий период до ХVIII в. см. доклад Е.И.Подградской). Молдавия была обязана продавать весь хлеб и часть скота, особенно овец, только представителям Порты или господаря по принудительной цене, которая была в 2-5 раз ниже рыночной. Причем заготовки сопровождались насилиями, превра-

щавшими их в ничем не прикрытый грабеж. Так как товарное производство регулируется законом стоимости, то принудительный, неэквивалентный обмен, введенный Портой, не только препятствовал развитию товарного производства, но и приводил к разорению производителей.

Развитие товарного хозяйства тормозилось также тяжелыми государственными повинностями. Молдавские крестьяне и горожане платили посемейную подать, подворный налог, налоги с оборота, с продуктов сельскохозяйственного производства (овец, свиней, пчел, вина), налоги в пользу местной администрации, многочисленные натуральные повинности (работы по ремонту турецких крепостей, мостов, дорог, сбор сена для нужд господарского дворца, перевозка военных материалов для турецкой армии, почтовая повинность и т.д.).

Известно, что при феодальном способе производства, в отличие от рабовладельческого и капиталистического, воспроизводство осуществлялось в основном за счет необходимого продукта, и чем больше была его величина, тем успешнее осуществлялось воспроизводство, особенно расширенное. Если же количество необходимого продукта было сведено до минимума посредством вотчинных и государственных повинностей или посредством монопольных цен и т.д. и непосредственный производитель очень часто был не в состоянии осуществить не только расширенное, но и простое воспроизводство, будучи вынужденным постепенно ограничивать сферу своей хозяйственной деятельности, то сокращался и объем товаров, поставляемых им на рынок.

Одним из главных моментов разложения феодализма и генезиса капиталистических отношений в городе и деревне является расслоение крестьян и ремесленников. Повинности, которые взимались централизованным путем, оказывали многостороннее воздействие на расслоение крестьян и ремесленников. Посемейная, подворная и другие повинности в пользу Порты, господаря и местной администрации (кроме налогов с производства и с оборота) составляли львиную долю (около 80%) всей централизованной ренты. При уплате этих повинностей все жители сел были связаны круговой порукой. Кроме того, сохранялся древний мирской способ раскладки повинностей по семьям и дворам. Согласно этому порядку господарское казначейство, получив от господаря приказ собирать очередную сумму, разверстывала ее по уездам,

принимая во внимание приблизительное количество жителей и состояние их хозяйства. Исправники уездов, придерживаясь тех же критериев, что и казначейство, разверстывали долю каждого уезда по селам, а жители сел на своих сходах распределяли долю каждого села по дворам или семьям. Распределение производилось прямо пропорционально доходу каждой семьи. Учитывали количество скота, размеры пашни и сенокосов, доходы от занятий промыслами, ремеслом и т.д.

Нет сомнения в том, что мирская раскладка повинностей и круговая порука всех жителей села за их выполнение приводили к нивелировке экономического положения крестьян. И так как, по признанию всех исследователей, повинности, взимавшиеся централизованным путем, были непомерно высоки, то и ликвидация различий в экономическом положении крестьянских дворов происходила на низком уровне, часто приводила к разорению крестьян.

Подобная система в очень сильной степени тормозила образование экономически сильной верхушки из крестьян, она лишала более состоятельных крестьян всякой возможности накопить достаточное количество средств производства, которые могли бы быть использованы в качестве капитала. Кроме того, она убивала у крестьян всякий стимул к вложению капитала в производство с применением наемного труда, так как от покушения сборщиков налогов не были гарантированы не только прибыль на вложенный капитал, но и весь капитал.

Другим свидетельством и одновременно следствием незначительного развития товарно-денежных отношений и патриархального во многом характера расслоения крестьянства была и обратимость этого явления. Она выражалась в том, что, например, разорившийся резеш не поступал на работу по найму, а садился на землю своих более богатых односельчан или чаще всего какого-либо феодала и, выполняя сравнительно нетяжелые вотчинные повинности, воспроизводил феодальный способ производства. Аналогично поступали и разорившиеся феодальнозависимые крестьяне. А разбогатевший резеш или же феодальнозависимый крестьянин не начинал вести хозяйство на предпринимательских началах, а поступал на государственную службу и при удачных обстоятельствах получал боярский чин и становился феодалом.

Остается проблема превращения торгового, ростовщического, а также денежного капитала феодалов в промышленный капитал. Общеизвестно, что, будучи вложенными в производство, при определенных условиях эти капиталы сыграли во многих странах немаловажную роль при переходе от феодального способа производства к капиталистическому.

Турецко-фанариотский гнет наложил свой отпечаток и на формирование торгового и ростовщического капиталов в Молдавии. Местные купцы платили большие налоги (посемейный, подворный, налоги с оборота и т.д.). Кроме того, господари размечтали среди них принудительные займы и только в редких случаях возвращали суммы, взятые "взаймы". Наконец, они терпели большие убытки от злоупотреблений местных властей, от частых нападений турок и татар.

Иным было положение иностранного купечества. Известно, что на основе договоров, заключенных в разное время между Османской империей, с одной стороны, и Францией, Австрией, Россией, Пруссией и Англией, с другой, купцы этих держав получали значительные преимущества перед местным купечеством. Во-первых, они были освобождены от посемейного, подворного и других налогов в пользу администрации. Во-вторых, будучи освобожденными от других пошлин и налогов, они платили только 3%-ную пошлину при ввозе или вывозе товаров, в то время как местные купцы платили 10%-ную пошлину и многочисленные другие пошлины, которые поднимали цену товаров иногда на 25-40%. В-третьих, иностранные купцы были изъяты из юрисдикции господарей и их представителей на местах и судились только у консулов соответствующих держав, что позволяло иностранным купцам избегать уплаты непомерно высоких судебных пошлин и штрафов. Наконец, они находились под покровительством консулов иностранных держав, которые имели возможность пресечь злоупотребления господарей и местной администрации.

Привилегированное положение иностранных купцов способствовало некоторому ограничению турецкой монополии на экспорт продуктов сельского хозяйства и других товаров из Молдавии, втягивало княжество в орбиту международной торговли, и это имело положительное значение для развития экономики княжества. Но, с другой стороны, тормозя развитие буржуазии в княжестве, оно привело к отчуждению большого количества денег,

которые могли бы содействовать формированию и развитию местного торгового и промышленного капиталов. Однако этим не исчерпывается отрицательное влияние статуса иностранных купцов на развитие экономики княжества. Неравноправные договоры, заключенные Портой с великими европейскими державами, превратили территорию княжества в открытый рынок для других, более развитых в промышленном отношении стран, сделали его предметом эксплуатации не только Порты, но и буржуазии этих стран. Договоры исключали возможность ведения протекционистской политики с целью поощрения местной промышленности. Кроме того, привилегированное положение иностранных купцов в княжестве поддерживало для них высокий уровень торговой прибыли, так как они играли не только на разнице цен производства в Молдавии и в других странах с более развитой промышленностью, но и на разнице цен производства внутри княжества. Это в значительной степени препятствовало переходу торгового капитала в промышленность.

Во второй половине XVIII в. в руках боярства находились крупные денежные суммы, однако эти капиталы тратились не производительно. Попытки некоторых бояр заниматься предпринимательской деятельностью кончились для них неудачно. Мануфактуры, открытые ими, действовали недолго и закрывались, не будучи в состоянии победить в конкурентной борьбе с иностранными товарами. Это позволяет утверждать, что турецко-фанариотский гнет, препятствуя образованию и развитию промышленного капитала, являлся одним из основных причин обратимости процесса расслоения молдавского крестьянства.

Вышесказанное позволяет нам прийти к выводу о том, что турецко-фанариотский гнет консервировал феодальные отношения в Молдавском княжестве, искусственно препятствовал развитию новых более прогрессивных производственных отношений.

В. Я. ГРОСУЛ

(Институт истории СССР АН СССР)

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ (первая треть XIX в.)

I. Своеобразие развития феодальных отношений в различных странах, их зависимость от конкретных исторических условий позволяют выделить ряд общих черт, характерных для феодальной формации в целом. Вместе с тем, можно выделить и отдельные типы феодальных моделей — или ярко выраженные со свойственными им устойчивыми чертами, или переходные, отразившие в той или иной степени особенности полярных моделей.

Современная историография при определении общих и специфических черт развития феодализма в различных странах отражает значительную работу, явившуюся следствием как разработки обширного исторического материала, так и интенсивной теоретической мысли. В настоящее время многие историки-марксисты, занимавшиеся общими вопросами истории феодальной формации, выделяют западный и восточный (или по-другому частный и государственный) типы феодальных отношений, а также ряд переходных, имевших, с одной стороны, черты, свойственные для обоих указанных типов, с другой — особенности, характерные только для данного района, страны, региона.

Своеобразие Юго-Восточной Европы заключается в том, что здесь в один и тот же период разные ее районы не только находились на разных ступенях феодального развития, но и представляли собой разные типы или формы феодальных отношений. Словения и Хорватия — страны с ярко выраженным развитием феодализма западного типа; Европейская Турция — один из харак-

тернейших районов восточного феодализма; Молдавия и Валахия – переходная модель между двумя этими типами, а Греция занимала промежуточное положение между Европейской Турцией и Молдавией и Валахией.

2. Выявление особенностей развития феодальных отношений в Молдавии и Валахии в плане определения свойственной им феодальной модели особенно характерно для последнего десятилетия. Проведенные раньше отдельные интересные наблюдения не решили проблемы в целом¹.

Значительный прогресс заметен в 60-е годы. Прежде всего историки обратили внимание на соотношение в те годы централизованного присвоения прибавочного продукта и частного, которое показало, что налоги и повинности, платимые крестьянами государству значительно превосходили обязанности крестьян боярину. В 1961 г. на подобное соотношение в Валахии начала XIX в. обратил частичное внимание румынский историк С. Колумбяну, затем оно детально было изучено молдавскими историками П. Советовым, П. Дмитриевым, М. Мунтяном, В. Гросулом и др. на примере Молдавии, Бессарабии и Дунайских княжеств в целом. Выявление подобного состояния дало толчок к пересмотру бытавшего до этого представления о характере феодальных отношений в Молдавии и Валахии, что совпало с пересмотром ряда других вопросов истории княжеств на грани феодализма и капитализма (соотношение животноводства и земледелия, положения отдельных категорий крестьян и т.д.), в свою очередь также оказавших воздействие на разработку общей концепции истории развития феодализма в княжествах. Эта концеп-

¹ В 1944 г. румынские историки права П. Негулеску и Г. Алексиану отмечали: "У нас феодальный строй не был подобием феодализма в Западной Европе, поскольку не был связан с землей, как на Западе; он был схож с феодализмом византийским, феодализмом административным, связанным с должностями, предоставляемыми тем, кто их занимал, значительные привилегии (*Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei*, vol. I, *București*, 1944, p. XXXIII). Это во многом верное (впрочем, лишь для определенного периода развития феодализма в Дунайских княжествах), но неаргументированное замечание, возможно даже догадка, не повлекло за собой разработки научной основы феодальной модели в княжествах, поскольку буржуазная наука этого сделать была не в силах. Буржуазные историки так и не поняли сущности феодальных отношений в Молдавии и Валахии.

ция разработана в трудах молдавских историков и была во многом обусловлена наличием объективных причин. Система государственного феодализма, хотя и в другом плане, уже была объектом внимания советских исследователей. Специально занимался ею на примере российской истории академик Н.М.Дружинин, обративший внимание на соотношение государственных налогов и повинностей, с одной стороны, и поступления частнофеодального характера – с другой. Центральным моментом сентябрьского симпозиума 1963 г., состоявшегося в МОПИ, было выявление особой роли государства в генезисе феодализма в Западной Европе. Определение своеобразия в развитии стран Востока по сравнению с западноевропейскими странами было характерной особенностью возникшей в начале 60-х годов дискуссии об азиатском способе производства, имевшей место еще в 1926–1931 гг. Все это, а также и ряд работ, вышедших в СССР в начале 60-х гг., способствовало складыванию особого теоретического климата, повлиявшего на работы молдавских историков.

3. Феодальные отношения в Молдавии и Валахии в своем развитии познали ряд этапов с характерными для них особенностями, которые уже нашли свое отражение в литературе, и мы лишь обратим внимание на соотношение внешних и внутренних, экономических и политических факторов. Развитие феодализма в княжествах было, конечно, результатом прежде всего внутреннего социально-экономического развития, но соответствующая форма их, по нашему мнению, на всем протяжении истории феодализма в Молдавии и Валахии менялась в значительной, а чаще всего в определяющей степени под воздействием внешних факторов. На развитие феодальных отношений в Валахии оказали влияние Венгрия, Болгария, Сербия и в меньшей степени Польша и Галицко-Волынское княжество. Соответственно в Молдавии усматривается воздействие Венгрии, Польши, Галицко-Волынского княжества и, в меньшей мере, чем в Валахии, Болгарии и Сербии. На оба княжества на первом этапе их складывания оказала воздействие и Византия, которая занимала промежуточное положение (в плане развития феодальных отношений) между Востоком и Западом¹, но с тенденцией в сторону Запада. Это особенно хорошо

¹ К.В. Х в о с т о в а. Социологические модели "западные и восточные типы общественных отношений". – В кн.: "Общее и особенное в историческом развитии стран Востока". М., 1966, стр. 207–211.

заметно в XII-XIV вв., когда в Византии начинается период феодальной раздробленности с характерным для него ослаблением или полным уничтожением центральной власти, дальнейшим распространением феодального поместья, сохранением общины и т.д. Более того, на значительной части территории Византии с 1204 по 1261 г. существует Латинская империя - феодальное государство западноевропейского типа.

Все эти государства, с которыми Дунайские княжества были связаны в большей или меньшей степени, повлияли на то, что Молдавия и Валахия пошли по западному пути развития феодализма, сохраняя и ряд местных особенностей. Пример княжеств подтверждает вывод, сделанный недавно в советской исторической литературе о том, что "на тип феодализма влияют внешнеполитические условия"¹. Для таких небольших государств, как Молдавия и Валахия, выделившихся первоначально как вассальные княжества, это внешнеполитическое влияние было особенно сильным.

Идя первоначально по тому же феодальному пути, который был характерен для большинства стран Западной и Восточной Европы, Дунайские княжества вскоре встретились с новым, все более усилившимся внешним воздействием, которое хотя и постепенно, но непрестанно начинает оказывать влияние на социально-экономические сдвиги в княжествах.

4. В молдавской литературе 60-х годов хорошо показано, как установление власти султанской Турции определило изменение формы феодальных отношений в Молдавии и Валахии, которая стала приобретать все более восточные черты. Новая форма феодальных отношений нашла свое юридическое оформление в реформах Маврокордата. Несмотря на сильное увеличение роли централизованного пути присвоения прибавочного продукта, эта форма не приобрела сугубо восточного облика и носила переходный характер. Реформы К.Маврокордата привели к уничтожению личной зависимости крестьян от бояр, значительному сокращению барщины и, вместе с тем, сильному увеличению налогов и повинностей.

В этот период тип феодальных отношений в Молдавии и Валахии больше всего напоминает византийский (до времени феодальной раздробленности). Действительно, с одной стороны, отме-

¹ А.П. Новосельцев, В.Т. Пашут о, Л.В. Черепин и др. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М., 1972, стр.5.

чается сильное влияние государственной власти (власть фанариотов неразрывно связана с Портой) во всех сферах жизни княжества (политической, экономической, юридической) и, особенно, его фискальная роль, с другой – сохраняется частная собственность на землю, баршина, довольно значительный процент свободных крестьян, община (хотя и о довольно своеобразными чертами) и т.д. Более того, нахождение фанариотов у власти привело к сильнейшему распространению в княжествах византийских законов и правил и даже греческого языка. Имелись и значительные отличия между княжествами и Византией. Прежде всего бросается в глаза подчиненность Молдавии и Валахии Порте и своеобразное положение господарей, которые были беспрекословными хозяевами в княжествах и вместе с тем полностью зависели от султана. Этот момент повлек за собой больший уклон в сторону восточного феодального типа, нежели в сторону западного.

Таким образом, изменение формы феодальных отношений произошло постепенно, но под влиянием внешнего фактора. Оно объяснялось все большим усилением власти Порты и ее порождением – фанариотским режимом. Кратковременное правление каждого из фанариотских господарей не позволило им заниматься собственным хозяйством и повлекло за собой создание особого аппарата и способа выкакки прибавочного и нередко необходимого продукта. Это немедленно вызвало резкое падение доходности имений и ослабление роли землевладельческого боярства. Отныне сила боярина определялась не земельными владениями и даже не количеством сидящих на них крестьян, а государственными должностями, что ставило бояр в полную от господаря зависимость, усиливавшуюся с распространением института скутельников и послушников.

Борьба между местным преимущественно землевладельческим боярством и фанариотами, подогреваемая Портой, была одной из причин реформ Маврокордата. Эта борьба не прекращалась во все время фанариотского режима и завершилась лишь в 20-х гг. XIX в. (впрочем, вопрос о преклоненных монастырях стоял еще несколько десятилетий). Часть местных бояр сроднилась с фанариотами и перешла на их сторону, в свою очередь некоторые фанариоты осели на местной почве, но принципиальная борьба, являвшаяся отражением разных тенденций социально-экономического развития, никогда не прекращалась.

5. Новая форма феодальных отношений в княжествах не была результатом естественного хода исторического развития, она была следствием насилиственного турецко-фанариотского вмешательства и шла вразрез с тенденциями экономического развития в Молдавии и Валахии. Не случайно все сто с лишним лет господства фанариотов сохранилась сильная болгарская прослойка, представленная прежде всего землевладельческим боярством, требовавшая отмены реформ Маврокордата и режима фанариотов в целом. Они хорошо осознавали значение этих реформ^I и направляли против них свой основной удар. Вместе с тем, сложилось очень причудливое сочетание различных условий социально-экономического характера, в которых очутилось молдаво-валашское население, проживавшее не только в княжествах, но и на землях, некогда в них входивших, а также в некоторых других, близких к ним территориях. На землях турецких рай (Хотин, Аккерман, Измаил, Бреила, Джурджу), основанных на бывших молдаво-валашских территориях, в Добрудже и т.д. молдаво-валашское население проживало в условиях ярко выраженного восточного феодализма. В подавляющем большинстве это население было крестьянским; в турецкой администрации молдаване и валахи если и занимали кое-какие административные должности, то чрезвычайно редко.

В других условиях социально-экономического развития находилось молдавское и валашское население, обитавшее на землях, входивших в состав Польши (особенно в Подолии), Австрии (Трансильвания, Буковина), России (Заднестровье, Бессарабия после 1812 г.). Здесь господствовал западный тип феодализма, с которым были знакомы и крестьяне и молдаво-валашский господствующий класс, особенно молдавские бояре. В течение нескольких столетий в Молдавии существовала пропольская партия, многие представители которой имели поместья в Польше. Земли в России имели бояре – сторонники русского правительства (Слободская Украина, Правобережная Украина, Заднестровье и особенно Бессарабия); большинство земельных владений на Буковине принадлежало молдавским боярам. В Трансильвании, где наряду с местным романизованным населением было много

^I См. *Essai sur la Valachie*. АВИР, ф. Политотдел, д.6 (б/г), л.46-47.

переселенцев из Молдавии и Валахии, подавляющее число представителей господствующего класса было венграми, но зато сюда очень часто переселялись валашские бояре и в период русско-турецких войн и в связи с турецкими набегами (Пазвандоглу, вторжение 1821 г. и т.п.). Переселялись на время или навсегда и молдавские бояре, но преимущественно в Бессарабию и Буковину. Они имели прекрасную возможность убедиться в преимуществах, которыми пользовались местные помещики и, сравнивая их положение с положением в районах и княжествах, стремились добиться тех же преимуществ. Это желание совпадало с тенденцией социально-экономического развития, которая пробивала себе дорогу с большим трудом, и ускорить ее развитие можно было только при ликвидации господства Порты.

Если ознакомиться с проектами реформ, предложенных господствующим классом княжеств на грани XVIII–XIX вв., то хорошо можно убедиться в сокровенном его желании. Однако боярство прекрасно понимало, что уничтожить власть Порты или даже чувствительно ослабить ее можно только при вмешательстве извне. Из 208 проектов реформ, отмеченных в 1769–1830 гг., 93 было направлено России, 36 – Турции, 14 – Австрии и т.д. Важнейшим требованием реформ было предоставление свободы торговли, в которой прежде всего было заинтересовано землевладельческое боярство. В период австро-турецких войн оно прямо заявляло о своем желании увеличить барщину и пользоваться в полной мере трулом своих крестьян. Так, например, во время войны 1787–1792 гг. валашский диван обратился к австрийскому главнокомандующему Кобургу, изъявляя желание бояр владеть целями селами, как некогда, и восстановить личную зависимость крестьян. Одновременно бояре все чаще требуют увеличения барщины, лишь иногда превышавшей в Валахии 12 дней в год. Острая борьба между местным боярством и фанариотами тем временем не прекращалась. Бояре использовали все средства для свержения фанариотов (любопытно, например, прошение, направленное Порте, по случаю бегства господаря Караджи в 1818 г., в котором критикуется фанариотская администрация и требуется соблюдение старых привилегий страны) и занятия всех государственных постов.

6. Свержение фанариотского режима произошло лишь в 1822 г. и было вызвано событиями 1821 г. Однако смешение фа-

нариотских господарей и их окружения не означало еще уничтожения фанариотской системы управления княжествами, поддерживаемой Портой. Местные господари – И. Стурдза и Г. Гика – были ее ставленниками и не желали, да и не могли существенно изменить сложившегося положения вещей. В результате восстаний 1821 г. и последующей оккупации княжеств турецкими войсками значительное число крупных бояр на длительный срок выехало в Бессарабию, Буковину и Трансильванию. В связи с этим господари назначили на административные и судебные должности (нередко крупные) средних и даже мелких бояр, не имевших значительных земельных владений и потому особенно не заинтересованных в радикальном изменении фанариотской системы управления.

Все это чрезвычайно обострило борьбу между крупным боярством, с одной стороны, и значительными слоями среднего и мелкого – с другой. Крупные бояре, находившиеся по преимуществу в эмиграции, представляют зарубежным правительствам ряд проектов реформ в княжествах. Больше всего подобных проектов было представлено России, отношения которой с Турцией все обострялись. Ряд проектов совершенно отчетливо отражал желание крупного землевладельческого боярства перенести центр эксплуатации крестьянства с государственных налогов на имения бояр. Особенno характерна в этом отношении обширная докладная записка Б. Штирбя – будущего господаря Валахии, предоставленная русскому консулу в Галаце в декабре 1827 г., где подробно раскрываются причины реформы Маврокордата, их последствия и излагаются пожелания крупного боярства. Хорошо зная об этих требованиях крупного боярства, правительство России включило часть их, в том числе требование о представлении свободы торговли (по существу требование общенациональное), в Аккерманскую конвенцию 1826 г., но реализовать их удалось лишь после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

7. Адрианопольский мир 1829 г. был не только важным этапом политического развития Дунайских княжеств, сильно ослабившим их зависимость от Порты и давшим толчок их политическому возрождению, но повлек за собой значительную перестройку их социально-экономической жизни. Органические регламенты Молдавии и Валахии 1831–1832 гг. были, по существу, детищем Адрианопольского мира и означали не только изменение преж-

ней системы управления, но и прежней формы феодальных отношений в княжествах.

Трансформация социально-экономической оболочки в княжествах, произошедшая в результате серии реформ, проведенных под руководством русской администрации, действовавшей в 1828-1829 гг., не изменила существа феодальных отношений. По-прежнему продолжалась борьба двух основных антагонистических классов феодального общества - класса крестьян и класса феодалов, использовавшего методы как экономического, так и, особенно, внеэкономического принуждения. Однако центр эксплуатации феодально зависимого крестьянства был перенесен с государственных налогов на имения бояр. Конкретные нормы крестьянских обязанностей в процессе подготовки органических регламентов несколько раз менялись, что было отражением борьбы как отдельных боярских группировок, так и острой классовой борьбы между боярами и крестьянами.

Русская администрация в княжествах, как и прежде, поддерживала крупное землевладельческое боярство, заинтересованное в увеличении доходности своих обширных имений и, вместе с тем, занятии наиболее важных государственных постов. Это вызвало, в свою очередь, волнения среди мелкого боярства, особенно в Молдавии, где состояние сельского хозяйства было более благоприятным, чем в Валахии (влияние Кючук-Кайнарджийского мира), и где барщина уже была довольно в্�ывоока. Дальнейшее ее увеличение не сулило мелким и средним боярам таких прибылей, как государственные должности, которые многие из них занимали после событий 1821 г. Русская администрация, пытаясь укрепить свое влияние в княжествах, стремилась соизмерить требования различных слоев населения, однако опора на крупное боярство сохранилась. В этих условиях снова происходит изменение типа феодальных отношений в княжествах. Они вновь приобретают больше черт, свойственных для западного пути развития феодализма, но простого возвращения к тому положению, которое имело место до фанариотского господства, не происходит. Новые условия, прежде всего рост буржуазных элементов, наложили неизгладимый отпечаток на социально-экономическое развитие княжеств и не позволили возродить систему крепостного права.

8. Новая форма феодальных отношений в Молдавии и Валахии, сложившаяся после 1829 г. (до этого она уже стала характерной на Буковине и в Бессарабии), отличалась рядом прогрессивных изменений в области как производительных сил, так и производственных отношений.

Провозглашение свободы торговли и ее реализация путем укрепления и расширения экономических связей с капиталистическим Западом привела к быстрому росту в княжествах сельского хозяйства, прежде всего земледелия, которое в скором времени оттесняет на второй план животноводство, некогда наиболее важное занятие местного населения. Происходит заметный рост посевных площадей и значительное увеличение экспорта как продуктов животноводства, так и продуктов земледелия особенно. Рост производства достигался прежде всего путем эксплуатации феодальнозависимого крестьянства, увеличения барщины, оброка, сокращения крестьянских наделов и т.д. Однако значительные экономические сдвиги в княжествах после Адрианопольского мира, вызванные использованием в первую очередь феодальных рычагов эксплуатации, свидетельствовали о том, что феодальная формация имела еще определенные возможности развития в условиях Молдавии и Валахии.

Новая форма феодальных отношений не была простым возвращением к состоянию до реформы Маврокордата, хотя между ними имелось много сходного. Быстрый рост капитализма в Европе, приобщение Молдавии и Валахии к западному капиталистическому рынку, сильное сопротивление крестьянства крепостническим устремлениям феодалов (например, выступления 1821, 1826, 1831 гг.) и т.д. – все это не позволило восстановить систему крепостного права. Крепостными остались только цыгане, значительная часть крестьян была свободной, большинство же находилось на положении феодальной зависимости, сохранив право перехода, право покупки земли и пр. Заметно упрощается социальная структура крестьянства, упраздняется целый ряд их категорий, например такие многочисленные, как скутельники, послушники, в результате чего феодальнозависимое крестьянство в социальном плане становится более однородным, чем прежде.

Расширение внешней и внутренней торговли усиливает предпринимательские тенденции как среди бояр, так и среди кре-

стян, что способствовало имущественной и затем социальной дифференциации. Обуржуазившийся боярин, буржуа-арендатор, как и деревенский кулак, в середине XIX в. стали характерными фигурами молдаво-валашского общества.

К этому времени можно уже говорить о кризисе феодальных отношений в целом. Не удивительно, что новая форма феодализма, которая господствовала в княжествах до 1864 г., то есть примерно 35 лет, уже через 20 лет показала необходимость слома феодальных порядков в целом. За эти 20 лет и в Молдавии, и в Валахии прогресс в экономике был более быстрым, чем за многие предыдущие десятилетия, и в середине XIX в. возможности как экспансивного, так и интенсивного путей развития в рамках феодального способа производства в целом были уже исчерпаны.

9. Характерной особенностью новой формы феодализма в Молдавии и Валахии было перенесение центра феодальной эксплуатации крестьян с государственных налогов на имения бояр. По официальным данным, в Валахии в 1827 г. налоги и повинности со средней крестьянской семьи составляли 71 лев 30 пар, обязанности перед боярами - 17 левов 20 пар. В 1832 г. соответственно 33 и 35 левов. По этим же данным, материальное положение крестьян улучшилось, ибо в 1827 г. обязанности средней семьи перед боярами и государством составляли 89 левов 10 пар, в 1832 - 68 левов. Значительное повышение цен на сельскохозяйственные продукты на внутреннем рынке в определенной степени способствовали улучшению материального положения крестьянства, на чем не могло не отразиться ограждение княжеств от турецких и татарских набегов; длительный период мирного времени, сокращение обязанностей перед Портой и т.п. Однако сохранение феодальной зависимости крестьянства, усиление их противоречий с боярством при все большем сокращении крестьянских наделов повлекло за собой дальнейшее усиление классовых противоречий, отразившееся и на материальном положении крестьян. Государственный аппарат по-прежнему оставался в руках бояр, прежде всего крупных земельных собственников, и хотя государственные налоги уже не играли прежней роли, государство как таковое усиливается. Воссоздается регулярная национальная армия, укрепляются административные и

судебные инстанции, появляются после 1829 г. и государственные земли, более значительные в Валахии (Брэила, Джурджу и т.д.) и почти незаметные в Молдавии. В 1852 г. русский офицер Чемерзин, специально изучавший положение в Молдавии, заметил, что там "нет земель, принадлежащих правительству".

Несмотря на то, что во главе государственного аппарата находилось землевладельческое боярство, по мере развития буржуазных отношений в него все больше проникают буржуазные элементы. Вместе с чиновниками, не имевшими собственных имений, с обуржуазившимся боярством они создают новую бюрократическую прослойку, которая способствует определенной самостоятельности государства и нарастанию его противоречий с боярами-консерваторами, что проявилось в период аграрной реформы 1864 г. Однако эта определенная самостоятельность государства в условиях усилившейся борьбы между крестьянами и феодалами была во многом отличной от тех условий, которые сложились во времена фанариотов, когда имело место противоречие не только между землевладельческим боярством и государственным аппаратом, но и между большинством местного боярства и фанариотами, то есть противоречие носило и социальный и национальный характер.

10. Таким образом, если развитие феодальных отношений в Молдавии и Валахии происходило как следствие хода внутренних социально-экономических сдвигов, то соответствующий их тип изменялся под сильнейшим влиянием внешнего фактора. В отличие от фанариотской системы, новая форма феодализма в первое время соответствовала ходу социально-экономического развития княжеств, и здесь внешнее вмешательство на определенном этапе сыграло в целом положительную роль. Интересно отметить, что каждая из форм феодальных отношений, последовательно сменивших одна другую, была менее продолжительной, чем предыдущая. Первая насчитывала несколько веков, вторая (мы ее условно можем назвать фанариотской) – более 100 лет, третья (также условно можно назвать регламентской) – 35 лет. Следовательно, одной из особенностей последней формы феодализма была также ее сравнительная кратковременность, что объяснялось ускорением хода социально-экономического развития и рядом других внутренних и внешних факторов.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА И ПЕРЕХОДНОГО К КАПИТАЛИЗМУ ПЕРИОДА В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ

I. Общие социологические законы смены общественно-экономических формаций (в том числе перехода от феодализма к капитализму) раскрыты марксистско-ленинской теорией. Конкретно-историческое изучение переходного периода от феодализма к капитализму установило многочисленные варианты этого процесса, которые обобщены в двух крайних и противоположных путях генезиса капитализма в сельском хозяйстве: прусского и американского. В последнее время делались неоднократные попытки (коллоквиум в Неаполе 1969 г., Московский международный конгресс историков 1970 г. и др.) построить универсальный (для всех континентов) типологический ряд между этими двумя путями.

Но при изучении типологии переходного от феодализма к капитализму периода выделяются, как правило, только критерии типологии генезиса капитализма и мало рассматривается вопрос о типологических путях старой, начинающей отмирать формации. Типологические пути позднего феодализма (в смысле сдвигов не стадиальных, а по горизонтали типологического ряда)² изучаются в историографии довольно слабо. Основные усилия историков, изучающих период перехода от феодализма к капитализму, обычно сосредотачивались на проблеме генезиса капитализма³, что привело к такому состоянию, при котором

¹ См., например, "Исследования крестьянских движений в современном мире (с конца XVIII в. до наших дней)". XV Международный конгресс историков. М., 1970 г.; Z.S t a n k i e - w i c z. O typologii przejścia od feudalizmu do kapitalizmu w rolnictwie. "Kwartalnik Historyczny". Warszawa, 1972, N 1.

² О понимании стадиальных сдвигов по вертикали общественно-экономического развития и сдвигов по горизонтали типологического ряда феодальной формации см. доклад П. В. Советова.

³ На эту сторону вопроса давно обратила внимание М. В. Нечкина (см. "Вопросы истории", 1963, № 12).

внутриформационные типологические сдвиги в недрах, пусть уже и начавшего разлагаться феодализма (составляющие неотъемлемую часть переходного от феодализма к капитализму периода) либо обходятся, либо выдаются за нечто "новое", капиталистическое, и включаются в особенности генезиса капитализма. Отсюда нередко наблюдается удревнение и преувеличение процессов генезиса капитализма или их смешенное представление, ибо за всеми крупными переменами в эпоху позднего феодализма историки видят одни лишь межформационные сдвиги. В период перехода от феодализма к капитализму за всеми переменами принято искать своеобразные или даже деформированные признаки зарождения капитализма, в то время как господствующие еще вначале феодальные недра представляются в застывшем и неизменном виде в смысле своих типологических признаков. Речь прежде всего идет о таких сдвигах, которые носят "чисто" типологический характер, т.е. приводят к перемещению по горизонтали типологического ряда и не обязательно сопровождаются переходом к новой стадиальной фазе по вертикали общественно-экономического развития (об этом различии см.доклад П.В.Советова).

Собственно говоря, исследовательский поиск слабо направлен на то, чтобы показать, как типология феодальных недр, тем более если там происходят внутренние сдвиги, оказывается на последующем типологическом варианте перехода от феодализма к капитализму. Это тем более важно установить, если в период перехода происходят одновременно и внутриформационные сдвиги в старой феодальной формации и зарождение новых капиталистических отношений, т.е. происходят сдвиги как в вертикальном плане общественно-экономического развития (в смысле перехода от феодализма к капитализму), так и в горизонтальном плане смещения по типологическому ряду феодальных недр. Несомненно, что эти внутриформационные сдвиги в структуре позднего феодализма не могли не сказаться и на типологии перехода к капитализму. К.Маркс подчеркивал, что "экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества"¹. И действительно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.23, стр.727

процессы первоначального накопления уходят нередко вглубь феодальной формации. Отсюда чрезвычайно важно узнать, каким образом типологизация самих феодальных недр в период первоначального накопления и зарождения капитализма оказывается на различных аспектах течения самого процесса первоначального накопления и генезиса капитализма, содействуя формированию определенных типологических своеобразий в целом для переходного от феодализма к капитализму периода.

2. Задача настоящего доклада – определить какое место в исследовательском поиске могут занять проблемы типологизации позднего феодализма и переходного к капитализму периода на территории Дунайских княжеств (Валахии и Молдавии).

В основе этого исследовательского поиска лежит региональная классификация типологического различия феодальных недр накануне и в период зарождения капитализма в Европе, намечаемая в современной советской историографии (с учетом различий как по горизонтали типологического ряда феодальных недр, так и по вертикали, в смысле различий стадиальных и хронологических). В этом отношении в наиболее общем виде мы можем выделить три основных региона, краткую характеристику которых в интересующих нас аспектах мы попытаемся дать ниже.

Первый регион – западноевропейский. В советской историографии в последнее время обращалось внимание на то, что зарождению капитализма во многих странах Западной Европы предшествовал особый двухсотлетний период ослабления сеньориального строя, который наступил еще до разложения феодализма, но который долгое время рассматривался как проявление последнего (например, Д.Петрушевский, см. по этому вопросу длительную диокуссию в советской и зарубежной литературе, были ли XIV-XV вв. временем кризиса феодализма в Западной Европе, в которой участвовали Е.А.Косминский, М.А.Барг, А.Н.Чистозвонов, П.Свизи, М.Добб, Н.Такахаси, Р.Хилтон, С.Хилл и др.). Большинство советских авторов теперь склонны считать, что в действительности речь шла о сдвигах внутриинформационных, ибо по мере ослабления сеньориального строя над ним почти адекватно наславались феодально-государственные отношения собственности, централизованные формы ренты. Центр хозяйственной деятельности и особенно производство прибавоч-

ного продукта перемещались из поместья в крестьянское хозяйство, отчего формы личной сеньориальной зависимости становились все более мягкими (отмирание личной крепостной зависимости), но зато пресс феодального государства усиливался и в области внеэкономического принуждения.

Если сейчас, пожалуй, можно признать, что эти перемены не отражали еще начала перехода от феодализма к капитализму, а только предшествовали ему, не совсем ясно, как их характеризовать в плане внутриформационном – то ли это переход к особой высшей фазе феодализма (от сеньориальной к парцеллярно-крестьянской фазе, как ее условно именует М.А.Барг), или это сдвиги по горизонтали типологического ряда, усиливающие централизованные формы феодального присвоения и принуждения в условиях обострения классовых противоречий и действительно более развитых товарно-денежных отношений Западной Европы XIУ–ХV вв.? Последняя трактовка напрашивается в связи с тем, что такая фаза закономерно высшая в развитии феодализма в Европе нигде больше не встречается. Рассматривая же эти перемены в плане типологических сдвигов (по горизонтали ряда), мы должны вспомнить, что именно в этом аспекте К.Маркс видел типологическое приближение позднего западноевропейского феодализма к восточному^I.

Как бы то ни было, сами эти сдвиги не подлежат в настоящее время сомнению. Именно они подготовили тот тип феодальных недр, сквозь которые стали пробиваться ростки капиталистических отношений, наложив свой отпечаток и на типологию перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе. В этом смысле слабость сеньориального строя, подготовленная внутриформационным сдвигом XIУ–ХV вв., облегчила впоследствии так называемый французский путь генезиса капитализма в сельском хозяйстве. Утверждавшаяся частная капиталистическая собственность относительно легко вытесняла ослабленные позиции частнофеодальных отношений собственности, изыскивая (за отдельными исключениями) больше компромиссов с более крепкими феодально-государственными отношениями собственности

^I Анализ этих точек зрения см.: М.А. Б а р г. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. "Вопросы истории", 1963, № 3.

(в период абсолютных монархий), пока, наконец, старый феодальный режим не был сокрушен снизу.

Второй регион - Центральная и Восточная Европа. Здесь на кануне и в период зарождения капитализма такого ослабления сеньориального строя и превращения мелкокрестьянского хозяйства в абсолютно господствующую форму феодального производства не наблюдается. Наоборот, сеньориально-вотчинный строй усиливается. Соотношение между сеньориальными, частнофеодальными отношениями собственности, с одной стороны, и феодально-государственными, с другой, приобретают иной, нежели в Западной Европе, характер. Хозяйственная деятельность все больше сосредотачивается в поместье (т.е. противоположно тому, что имело место в период позднего феодализма в Западной Европе), отчего усиливалась сеньориальная зависимость (особенно в районах "второго крепостничества").

Таким образом, первоначальное накопление и зарождение капитализма начинают пробивать себе дорогу во втором - восточноевропейском - регионе в иных условиях типологического состояния феодальных недр по сравнению с первым - западноевропейским. Это, наряду с другими факторами, содействует формированию иного типологического пути перехода от феодализма к капитализму. В области сельского хозяйства особое значение имеет так называемый прусский путь развития, который требовал гораздо больше компромиссов с частнофеодальными отношениями собственности (нежели в Западной Европе, где они были до этого значительно ослаблены). В результате этого в переходе от феодализма к капитализму играют большую роль проведенные "сверху" реформы, носящие большие (Пруссия, Россия) или меньшие отпечатки этих компромиссов (Австро-Венгрия).

Третий регион - Юго-Восточная Европа, Балканы, где в период турецкого ига старые частнофеодальные, сеньориальные отношения собственности и личной зависимости были в заметной степени заменены феодально-государственными отношениями собственности (о степени этой замены идет дискуссия). Центром хозяйствования стал почти исключительно мелкий крестьянский двор. Но причины типологических сдвигов внутри феодализма были совершенно отличными от тех, которые привели к ослаблению сеньориального строя и частнофеодальных отношений в Западной

Европе XIУ-XУ вв. В Юго-Восточной Европе они были вызваны таким внешним фактором, как турецкое завоевание, и, следовательно, не вытекают непосредственно из закономерностей внутреннего развития феодальных процессов (не случайно эти процессы наблюдаются на разных стадиях развития феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе). Здесь, на Юго-Востоке Европы, накануне турецкого завоевания наоборот шло, как выражение внутреннего развития, укрепление сеньориального строя — процесс, который был сорван в результате завоевания.

Впоследствии в период турецкого владычества вновь проявилась тенденция возрождения (нередко в завуалированных формах) частнофеодальных отношений собственности, но они не успели укрепиться до освобождения от турецкого ига и в целом оказались очень слабо выраженным в период генезиса капитализма (особенно по сравнению с Центральной и Восточной Европой). Именно феодально-государственные отношения собственности оказались наиболее существенным препятствием для генезиса капитализма. Их ограничение или ликвидация (в результате ослабления или ликвидации турецкого ига) при относительной слабости частнофеодальных отношений (которые не восполняли адекватно убыль первых, когда она имело место) способствовали тому, что здесь прусский путь развития капитализма получил очень слабое развитие (а по мнению ряда историков, и вовсе не наблюдается). В целом на Юго-Востоке Европы в период турецкого ига генезис капитализма задерживается, протекает в мучительно медленных темпах и в значительной степени принимает деформированный характер (не только по сравнению с так называемыми классическими формами первого западноевропейского региона, но и в сопоставлении с тем, что наблюдалось во втором — восточноевропейском — регионе).

Нужно, конечно, учесть, что классификация на три региона хотя и носит довольно общий характер, все равно не включает полностью все страны и районы Европы. Причем нередко те страны, которые полностью не вмещаются в эти рамки, либо представляют собой промежуточные районы, охватывая своей территорией одновременно разные регионы, либо на всем протяжении позднего феодализма и перехода от феодализма к капитализму переживают эволюцию отдаления от одного региона и приближе-

ния к другому. Среди таких районов нужно назвать в первую очередь Дунайские княжества (Валахия и Молдавия)^I.

3. В Дунайских княжествах ХVI – середины ХVIII в. под воздействием турецкого завоевания произошли сдвиги по горизонтали типологического ряда феодальной формации, во многом тождественные с теми, которые наблюдаются на Юго-Востоке Европы в балканских районах Османской империи. Но представляют они своеобразный вариант сдвигов, отличный от тех, которые наблюдаются в большинстве балканских районов Турецкой империи. На Балканах эти сдвиги приняли формы ликвидации старых сеньориальных отношений собственности и распространения взамен феодально-государственных. В Дунайских княжествах этот же процесс имел более затяжной характер и приобрел завуалированные формы наследования феодально-государственных отношений собственности поверх полностью юридически сохранившегося частнофеодального землевладения. Перед нами два различных варианта типологических сдвигов по горизонтали упомянутого ряда феодальной формации в связи с турецким завоеванием Юго-Восточной Европы: один, более "чистый", на Балканах, другой, более завуалированный, в Дунайских княжествах (см. подробнее доклад П.В.Советова).

Этот более завуалированный характер сдвигов по горизонтали типологического ряда проявился в том, что сеньориальные отношения собственности не были ликвидированы, а лишь значительно ослаблены, и поверх них стали все больше наслаждаться и укрепляться феодально-государственные отношения собственности, которые за счет централизованных форм ренты становятся господствующими (многократно превосходя сеньориальные) задолго до зарождения капитализма. Положение это сохраняется до периода генезиса капитализма.

Вызванное иноzemным турецким игом, которое таким путем выкачивало из страны львиную долю прибавочного продукта, гос-

^I Сюда можно отнести также скандинавские страны, Пиренейский полуостров и др. В Норвегии, например, сеньориальный строй был слабым на всем протяжении средневековья, однако не в результате тех причин, которые привели к его ослаблению в Западной Европе.

подство централизованных форм ренты имело под собой в Дунайских княжествах, как и в других балканских районах Турецкой империи, другую почву, нежели в Западной Европе накануне зарождения капитализма. Правда, в свою очередь в Дунайских княжествах и остальных районах Турецкой империи на Балканах положение не было идентичным (в смысле сохранения частнофеодального землевладения).

Именно это последнее обстоятельство отличало княжества от балканских районов Оттоманской империи, сближая их с регионом Центральной и Восточной Европы (хотя экономическая реализация частнофеодального землевладения была в княжествах несравненно ниже). В этом смысле Дунайские княжества, занимая промежуточное место между регионами, в отношении тенденции укрепления черт государственного феодализма были в начале эпохи позднего феодализма ближе к региону Юго-Восточной Европы.

4. Таковы различия между тремя указанными регионами Европы в рассматриваемом типологическом ряду феодализма накануне и в период генезиса капитализма, а также то промежуточное место, которое занимали в нем Дунайские княжества. Разумеется, в данном случае речь идет о различиях по горизонтали типологического ряда феодальных недр. Это горизонтальное обозрение следует дополнить расхождением между регионами (а иногда внутри каждого из них) и по вертикали общественно-экономического развития не только в смысле различий стадиальных, но и хронологических рамок этих процессов: более раннее разложение феодализма и зарождение капитализма в первом регионе (западноевропейском), более позднее во втором (Центральная и Восточная Европа) и особенно третьем (Юго-Восточная Европа), в том числе на территории Дунайских княжеств.

Последний аспект различий (по вертикали в хронологическом плане) приводит к тому, что переход от феодализма к капитализму в княжествах начинает разворачиваться, когда уже сложился мировой капиталистический рынок, система капиталистических государств в Европе и в результате промышленного переворота происходил, а в некоторых странах даже завершался переход от мануфактурной стадии капитализма к фабричной.

Проблема типологизации переходного от феодализма к капи-

тализму периода требует учета всех обозначенных аспектов (различий как по горизонтали типологического ряда, так и стадиальных и хронологических по вертикали общественно-экономического развития).

В плане такого исследования выясняется, что в Дунайских княжествах первоначальное накопление протекает почти одновременно с процессом генезиса капитализма и имеет своеобразные черты, явно деформированные не только по сравнению с так называемыми классическими, которые выросли на основе изучения преимущественно первого западноевропейского региона, но и по отношению к тем, которые наблюдаются в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, где также была определенная деформация (А.Н.Чистозвонов). Степень этой деформации представляется на Юго-Востоке вообще и в Дунайских княжествах в частности еще более значительной, нежели во втором восточноевропейском регионе. В этом смысле в Дунайских княжествах наблюдаем особый характер двух главных полюсов первоначального накопления: аккумуляция капитала, его превращение в организатора производства, с одной стороны, и отделение непосредственных производителей от средств производства и образование рынка рабочей силы – с другой.

В отношении первого полюса мы наблюдаем весьма слабый заторможенный процесс накопления капитала и тем более его превращения из ростовщического и купеческого в промышленный. Дело в том, что по сути дела Дунайские княжества испытали на себе разрушительные последствия колониального грабежа методами первоначального накопления. Материальные средства, которые могли служить основой для первоначального накопления в Дунайских княжествах, упливали в Турцию, в страну, которая сама в XУШ – середине XIX в. попала в экономическую зависимость от западноевропейских держав. Многоступенчатая утечка капиталов из княжеств принимала разный характер, но самой значительной была прямая утечка денежных средств и материальных ценностей. Согласно нашим подсчетам для 90-х годов XУШ в., весь прибавочный продукт распределялся примерно следующим образом: в Турцию уходило до 50%, господарю и казне – до 20%, боярству и церкви – до 30%.

Не меньшему влиянию подвергся и второй полюс первоначального накопления – образование рынка рабочей силы. В резуль-

тате огромного роста феодально-государственных и ослабления сеньориальных отношений собственности произошел существенный сдвиг в системе внеэкономического принуждения. В 40-х годах XVIII в. была отменена личная крепостная зависимость крестьян от сеньора-землевладельца в Дунайских княжествах. Она была отменена не в результате перехода от феодализма к капитализму, а в результате типологических сдвигов внутри самой феодальной формации. Но зато не менее существенным тормозом генезиса капитализма была господствующая в княжествах централизованная система феодальной эксплуатации и связанная с ней система внеэкономического принуждения (прикрепление к месту уплаты налогов и необходимость получать разрешение государственных властей для перехода). Это обстоятельство в условиях Дунайских княжеств, где главными получателями доходов от этой системы были иноземные угнетатели, приобретает особое значение в плане процессов первоначального накопления. Чрезвычайно высокий удельный вес централизованного пути феодальной эксплуатации в княжествах создавал серьезные препятствия в деле превращения свободных рабочих рук в товар. Даже оторванные от средств производства (либо мало с ними связанные) люди должны были платить высокие денежные подати. Заработка плата наемного рабочего или батрака с трудом покрывала одни лишь государственные повинности. Предпринимателям, накопившим капитал даже в этих невероятно трудных условиях, было невыгодно оплачивать столь высокие подати, помимо расходов, необходимых для простого воспроизводства рабочей силы. В этих условиях при отсутствии протекционистской политики те немногие мануфактуры, которые возникали, после недолгого существования, закрывались. Не случайно в современной литературе (Л.Бойко) отмечалось, что Дунайские княжества в значительной степени миновали мануфактурный период, перескочив позже в большинстве отраслей от ремесла к фабричному производству.

В сельском хозяйстве складывалась примерно тождественная картина: господское хозяйство было чрезвычайно слабое, мелкое крестьянское хозяйство, задавленное высокими размерами централизованных форм ренты, при круговой поруке не столько дифференцировалось, сколько беднело в целом (см. доклад П.Г.Дмитриева).

Таким образом, в плане региональной типологизации (как по горизонтали, так и по вертикали) начало переходного периода от феодализма к капитализму на территории Дунайских княжеств было ближе по многим своим чертам к региону Юго-Восточной Европы, хотя полностью с ним не совпадало. Однако в первой трети XIX в. типологические пути позднего феодализма и перехода к капитализму в Дунайских княжествах начинают меняться.

5. В первой половине XIX в. (особенно после 30-х годов) типологические пути перехода от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах стали быстро удаляться от того положения, которое сложилось в Юго-Восточной Европе, приближаясь к тому состоянию, которое наблюдалось в Центральной и Восточной Европе. И подготовили эти перемены внутриформационные сдвиги по горизонтали типологического ряда феодальной формации: резкое падение удельного веса феодально-государственных отношений собственности и некоторый рост взамен сеньориальных, рост удельного веса вотчинного хозяйства и сокращение крестьянского. Катализатором всех этих сдвигов (как и ранее в период противоположной тенденции в конце XVI-XVIII вв.) был такой внешний фактор, как значительное ослабление турецкого ига, отсюда заметное сокращение централизованных форм ренты и отмена турецкой монополии в 1829 г. (о роли монополии см. доклады Е.П.Подградской и Д.М.Драгнева).

Княжества стали стремительно втягиваться в сферу мировой торговли. Наблюдается заметный рост производительных сил, особенно товарного земледелия. Но все это не только ускоряет разворачивающийся до этого очень медленно переход от феодализма к капитализму, но и приводит к заметному росту вотчин-

но-сеньориального хозяйства, причем в немалой степени за счет феодального принудительного труда и усиления внеэкономического принуждения в вотчине. Таким образом, ускорились замедленные до этого межформационные сдвиги перехода к капитализму, но одновременно происходили и довольно ускоренные сдвиги внутри самой феодальной еще пока господствующей формации.

Такого рода сдвиг в сторону укрепления сеньориального строя и частнофеодальных отношений собственности в условиях перехода от феодализма к капитализму был замечен в современной литературе. Но он был полностью отождествлен рядом историков (особенно академиком А.Оцетя) с процессами второго крепостного права в Восточной Европе, которые протекают, по мнению этих ученых, в Дунайских княжествах с опозданием -- в первой половине XIX в. Причем при анализе этих сдвигов не различались параллельно вырисовывающиеся внутриформационные и межформационные перемены. Они были совмещены, и внутриформационные сдвиги по горизонтали типологического ряда феодализма рассматривались как особый путь перехода к капитализму. Характеристику эту, как особого регионального "пути проникновения капитализма в сельское хозяйство", А.Оцетя распространил на всю систему второго крепостничества в Центральной и Восточной Европе.

В действительности эти сдвиги "открыли путь" не к развитию капитализма, а привели к тому, что в Дунайских княжествах изменились типологические пути позднего феодализма, в недрах которого зарождались новые капиталистические отношения, а это содействовало также изменению путей перехода от феодализма к капитализму -- преимущественно по так называемому прусскому

пути^I. Если в апогее ослабления сеньориального строя в середине XIX в. подавляющая часть земель находилась в пользовании крестьян, то в результате его укрепления и роста барского хозяйства в конце XIX – середине XIX в. землепользование крестьян в вотчине настолько сократилось, что к буржуазной реформе 1864 г. в собственности крестьян было оставлено фактически немногим более 30% земель, которыми они пользовались в середине XIX в.

Внутриформационные сдвиги укрепления частнофеодальных отношений собственности приблизили Дунайские княжества к такому типу перехода от феодализма к капитализму, который был больше известен в Центральной и Восточной Европе и удалили от того типа, который прослеживается в Ито-Восточной (где, как известно, черты прусского пути развития были выражены слабо и вовсе оспариваются рядом историков. – Н. Тодоров).

Те историки, которые не видели этих сдвигов, все без исключения перенесли (как внутриформационные, так и межформационные) выдавали за проявление генезиса капитализма, значительно удревняя и искусственно интенсифицируя весь процесс перехода от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах. В этом смысле при изучении проблемы перехода от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах наблюдается то же смешение внутриформационных и межформационных сдвигов, которое выяснилось в отношении первого региона во время дискуссии, были ли XI–XV вв. временем кризиса и разложения западноевропейского феодализма. Разница лишь в различиях по верти-

^I Мы, конечно, не должны упускать возможность революционных перемен "снизу", которые могли бы изменить пути развития капитализма, но соотношение классовых сил и степень развития капитализма внутри страны исключили этот революционный путь.

кали: переход от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах происходил в условиях, когда уже сложился мировой капиталистический рынок, во многих государствах Европы уже существовали гораздо более высокие фазы капиталистического развития, шла, или даже завершалась, промышленная революция. Это влияние сказалось на типологии перехода от феодализма и в сельском хозяйстве, и в промышленности, т.е. в целом при формировании капиталистического уклада в Дунайских княжествах. В результате этого влияния в структуре формирующегося капитализма в целом наблюдаем более заметное развитие аграрных черт при чрезвычайной слабости мануфактурного периода, который не успел выкристаллизоваться в Дунайских княжествах, что из-за отсутствия должного протекционизма привело к внешнему давлению фабричной промышленности. Попытка перейти позднее внутри к фабричному производству, минуя зачастую мануфактурный период (в условиях действия мировых цен, не защищенных должным образом и при малой эффективности первоначального накопления в стране), приводила к необходимости обращаться к иностранному капиталу, который занял во второй половине XIX в. очень сильные позиции. Все эти вопросы выходят уже за рамки доклада.

Подводя общие итоги, можно отметить два основных этапа развития типологических путей перехода от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах. На первом из них до конца XVIII в. Дунайские княжества имели больше общего с регионом Юго-Восточной Европы, дальнейшее же развитие находящей стадии феодализма и генезиса капитализма (особенно в сельском хозяйстве) в княжествах пошло по таким путям развития, которые постепенно оказывались все более сходными с регионом

Восточной Европы. Эта типологическая эволюция подтверждает наблюдение, к которому подводит общеевропейская региональная классификация: имеется определенная, до сих пор малоосвещенная взаимосвязь между типологией позднего феодализма и типологическими путями перехода от феодализма к капитализму. Эту мало изученную взаимосвязь следует выдвинуть в качестве проблемы, требующей дальнейшего исследовательского поиска и более детального обсуждения.

**ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА**

В. Д. КОРОЛЮК
*(Институт славяноведения
и балканстики АН СССР)*

ТУРЕЦКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ДУНАЙСКОЙ МОНАРХИИ (XVI-XVII вв.)

I. Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа ХV-
ХХП вв. типологически не была единым однородным регионом. По-
пытка типологически дифференцировать этот огромный территори-
альный комплекс на достаточно крупные зоны с учетом принци-
пиальных различий в их политическом, экономическом и культур-
ном развитии представляется научно очень перспективной.
Существующие научные разработки позволяют уже сейчас предло-
жить разделение этого территориального комплекса на три сле-
дующих больших региона:

- а) восточноевропейский регион, охватывающий территорию,
населенную главным образом народами восточнославянского
корня;
- б) центральноевропейский, в который, помимо немецких зе-
мель к востоку от Эльбы (Лабы), вошли бы Австрия, Чехия со
Словакией, по-видимому, Польша;
- в) юго-восточноевропейский, представленный прежде всего
балканскими странами.

Между названными большими регионами есть основания выде-
лить, в свою очередь, достаточно крупные промежуточные пере-
ходные зоны. В одну из таких зон попало бы на востоке Европы
Великое княжество Литовское. Венгрия и Хорватия в ХV-ХХП вв.
тяготели сразу к двум - центральноевропейскому и юго-восточ-
ноевропейскому регионам. Такое регионирование может помочь по-
нять и специфику и общие черты восточноевропейского, цент-
ральноевропейского и балканского политического развития в
рассматриваемый период.

2. XVI–ХУП вв. были временем ускоренного формирования общеевропейской политической системы, исключающей перспективы изолированного политического развития отдельных европейских стран. Конечно, подчеркивая это обстоятельство, нельзя предположить полного отсутствия взаимосвязи и взаимовлияния различных политических, экономических и культурных факторов в Европе предшествующего периода. По-видимому, практически в Европе никогда не существовало государств, развивавшихся совершенно изолированно. ХУI–ХУП вв. являются важной гранью прежде всего потому, что именно в это время стали выкристаллизовываться контуры той конstellации великих держав, которая впоследствии, в ХУШ–ХІХ вв., во многом определяла общеполитическое развитие европейского континента.

3. Вместе с тем, в ХУI–ХУП вв. процесс формирования такой общеевропейской политической системы не завершился. Окончательно она сложилась только в течение ХУШ в., причем активную роль в ее формировании сыграла Россия. Русское государство выступило в качестве великой европейской державы уже в ХУI в., но решительно оно сумело закрепить это свое положение в общеевропейском концерте держав только после воссоединения Украины с Россией и прочного укрепления на берегах Балтийского моря.

4. Последнее обстоятельство крайне важно учитывать при оценке Габсбургской монархии в качестве инструмента борьбы с турецкой феодальной агрессией ХУI–ХУП вв. в Центральной и отчасти Юго–Восточной Европе.

5. Вопрос о развитии в течение ХУ, ХУI и ХУП вв. в Юго–Восточной и Центральной Европе общей тенденции к образованию многонациональных государств возник в нашей литературе довольно давно, однако скорее в плане постановки, чем монографических исследований. Указывалось, что процесс этот неоднократно начинался, развиваясь в разных вариантах, которые характеризуют и попытки польско–чешской, польско–чешско–венгерской и венгерско–польской унии. Подчеркивалось, что, в конце концов, решающая роль в процессе образования многонациональной державы в Дунайском бассейне перешла в руки Габсбургов.

6. Вполне вероятно, что не только внешнеполитические обстоятельства определили здесь формирование многонациональных

и межнациональных государства. К сожалению, вопрос о тех или иных внутренних причинах процесса еще не изучен. Зато совершенно очевидна та внешнеполитическая обстановка, которая толкала страны Дунайского бассейна к государственной консолидации. Это было вое нараставшее давление и агрессия со стороны Турции сначала на Юго-Восточную, а затем и на Центральную Европу.

7. Но был ли габсбургский вариант решения вопроса о многонациональном государстве в Дунайском бассейне единственным реальным? Может, были реальны другие межгосударственные комбинации в Центральной Европе? Тут следует обратиться к проблемам внешнеполитического развития Польши ХУ–ХVI вв. На первый взгляд может показаться, что формирование центральноевропейского многонационального государства в рассматриваемый период действительно могло произойти путем союза из сильную Польшу, к тому же связанный унию с Литвой. Попытки польско-литовско-чешско-венгерской унии даже реально предпринимались в ХУ – начале XVI в. Но попытки эти оказались исторически обречеными, и главной причиной обреченности была восточная политика Литвы и Польши, решительно препятствовавшая польской политической активности в центре Европы.

8. Но если отбросить неудавшийся польско-литовский вариант, то, может быть, хотя бы в чисто предположительном плане допустима вероятность добровольного и равноправного союза народов Центральной Европы и Балкан, союза, противостоящего турецкому наискусу. Ведь попытки антитурецких восстаний на Балканах и в XVI и в ХУП вв. предпринимались, были и попытки со стороны балканских народов, Дунайских княжеств опереться на вооруженную помощь Габсбургов, Польши, России. Однако, оценивая перспективы всеобщего антитурецкого восстания народов Центральной и Юго-Восточной Европы, нельзя упускать из виду, что речь идет о ситуации, возникшей на грани средних веков и нового времени и о перспективах длительной, тянувшейся десятилетиями борьбы с могучей империей османов. В условиях ХУ–ХУП вв. такая ситуация требовала соответствующих времени форм организации борьбы. Этой формой могло быть только более или менее добровольное объединение государств под властью одной династии или принудительное включение более слабых государств в состав более сильного. Династическая уния не

обязательно предполагала насилиственное и жестокое подчинение. Она могла при известных условиях принять форму своеобразной федерации. Важно, однако, что в конкретной обстановке ХУ-ХУП вв. необходимая консолидация сил могла произойти только в виде формирования крупной монархической державы.

Но тем самым оказывается, что в системе политических реальностей ХУ-ХУП вв. практически альтернативой габсбургского варианта для народов Центральной Европы был только турецкий. Не требует особых доказательств тезис, что этот последний вариант был действительно самым худшим, губительным вариантом для стран Дунайского бассейна. Полное включение Венгрии, как и Словакии и Хорватии, в состав Турецкой империи сулило этим странам лишь огромные бедствия. Оно неизбежно должно было затормозить их экономическое, культурное, не говоря уже о политическом, развитие, как оно на много веков затормозило развитие балканских стран, вызывая порой не только застой, но и прямой социально-экономический и национально-культурный регресс, даже в том случае, если они входили в состав империи османов на правах вассальных княжеств.

10. Если габсбургский вариант в конкретных условиях ХУ-ХУП вв. практически был единственным выходом для подвергшейся турецкому нашествию Центральной Европы, то следовало бы сразу же подчеркнуть, что это был далеко не идеальный вариант образования многонационального государства в Дунайском бассейне. При разработке проблематики формирования Габсбургской державы важно особое внимание обратить на те тяжкие регressive моменты, которые принесло с собой господство Габсбургов для экономического, политического и культурного развития включенных в Дунайскую монархию народов.

Регressive моменты эти глубоко коренились как в особенностях габсбургского абсолютизма, так и в особенностях самого процесса формирования многонациональной габсбургской державы.

Габсбургский абсолютизм, в отличие от абсолютизма в странах Западной Европы, не предполагал полного экономического и политического подавления крупных феодалов – знати. Магната в Центральной Европе не была так сильно ущемлена в своих правах и привилегиях, как на западе или востоке Европы.

Особенностью процесса образования Дунайской монархии было и то обстоятельство, что менее развитым странам оказались подчинены экономически более развитые, такие, как Чехия и Силезия. Укрепление Габсбургской монархии происходило за счет беспощадной эксплуатации этих высокоразвитых регионов, прогрессивное общественное развитие которых тормозилось.

Необходимо отметить еще один фактор: в результате предшествующего исторического развития Центральная Европа оказалась регионом, состоящим из стран, в которых была заметно нарушена этническая однородность населения. Включение их в состав монархии Габсбургов только увеличивало эту неоднородность, ухудшало положение коренного населения, усиливало национальный гнет, прежде всего со стороны немецкого меньшинства. Одновременно усиливался и культурный гнет. Недаром в истории Чехии XVI в. и значительная часть XVII в. именуются "эпохой тьмы".

Короче говоря, оценивая роль Габсбургской монархии в борьбе с турецкой опасностью, необходимо тщательное исследование и всех негативных оторон габсбургского режима, памятуя о том, что именно они впоследствии в большой мере определили то тяжелое положение, в котором оказались в конце XVII-XIX в. народы Центральной Европы. Что касается народов Юго-Восточной Европы, то Габсбургская монархия фактически никогда и не смогла стать для них действительным оплотом в их освободительной антитурецкой борьбе.

II. Если невозможность борьбы в одиночку с Турецкой империей какой-нибудь одной европейской страны в описываемое время была очевидной, если Турция XVI-XVII вв. признавалась в качестве первой европейской военной державы, то не следует ли из этого, что традиционный взгляд на турецкий XVI век как на век начала упадка турецкого могущества нуждается в пересмотре? Тем более, что взгляд этот, в сущности говоря, основывается только на факте начавшегося тогда разложения спахийской системы. Военные возможности Турции при такой оценке обычно недостаточно учитывались. Между тем, именно они дают основание полагать, что настоящий упадок турецкого могущества в Европе наступил значительно позже. Не только в XVI-XVII вв., но и в XVIII в. Турция все еще была сильным и опасным противником европейских держав, о чем свидетельст-

вуют русско-турецкие войны эпохи Екатерины II. Даже в XIX в. войны с Турцией для России были отнюдь не легкой военной прогулкой. Они имели тяжелый, затяжной и кровопролитный характер.

12. Из факта невозможности ни для одного из государств Центральной и Юго-Восточной Европы борьбы с Турцией один на один, видимо, проистекали те конкретные варианты решения внешнеполитических проблем, которые наблюдались в XVI-XVII вв. на Балканах и в Дунайском бассейне. Наряду с попытками прямого отпора турецкой агрессии имели место в это время и тенденции сохраняться, вступив в вассальные отношения с Турцией. Примерами такого пути развития, помимо Трансильвании, являются Дунайские княжества. К сожалению, все еще недостаточно изучены внешнеполитические планы империи османов и их эволюция. Поэтому не всегда ясно, какими мотивами руководствовалось султанское правительство, создавая в Центральной и Восточной Европе систему христианских вассальных княжеств.

Вместе с тем нельзя не отметить, что огромные военные ресурсы Турции побуждали восточноевропейские державы воздерживаться от соблазнительных предложений вступить в антитурецкую лигу. В течение XVI и до половины XVII в. Россия сознательно стремилась избежать конфликтов с Турцией. Для этого, впрочем, у нее были и другие, достаточно веские основания – конфликт с Литвой и Польшей, затем с Речью Посполитой, нерешенность балтийского вопроса. Крайне осторожной была и турецкая политика Литвы и Польши в XVI – первой половине XVII в. Хотя периоды сближения с Турцией и сменялись периодами острых столкновений, преобладало опасение пойти на решительный конфликт.

13. В связи с разработкой вопросов турецкой феодальной экспансии в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и образования многонационального государства в Дунайском бассейне возникает прямая необходимость дать общую картину турецкой военно-политической активности в XVI-XVII вв., определить место во внешнеполитических планах Стамбула того или иного театра военных действий. К сожалению, вопросы эти в совокупности еще очень плохо изучены. Поэтому всякая попытка установить по важности градацию основных направлений турецкой агрессии в настоящий момент может быть только предваритель-

ной. Постоянным театром военных действий для Турции на протяжении всего рассматриваемого времени был персидский. Конфликт между Турцией и Ираном был длительным, можно сказать даже унаследованным от прошлого конфликтом, который прошел через всю историю Турции. С этим нельзя не считаться, тем более что с турецко-персидским конфликтом считались в XVI-XVII вв. и в Европе, его имели в виду тогдашние европейские политические деятели.

Турецкое могущество в Европе зиждилось на факте завоевания Балкан. В дальнейшем прежде всего болгарские земли оказались главной жизненной экономической базой Турецкой империи. Так было в XVI, XVII, XVIII и даже XIX вв. Поэтому всякое обострение дел на Балканах должно было привлекать к себе самое пристальное внимание Порты, уязвлять ее самые больные нервные узлы. На Балканах всегда решалась и наконец в XIX в. решилась судьба империи османов. В XVI в. на третье место в турецкой политике выдвинулось Средиземноморье. Речь идет о попытке Турции превратить Средиземное море в Турецкое озеро. Средиземноморский конфликт в плане глобальном был проигран турками в битве при Лепанто, но он не прекратился. Он сковывал турецкие силы и позже в XVII и XVIII вв. В XVI и XVII вв. в турецких военно-политических планах нашествие на Центральную Европу занимало, вероятно, только четвертое место, и на пятом были попытки турок продвинуться в Восточную Европу. Само собой разумеется, что обрисованная таким образом картина турецкой экспансии еще достаточно схематична. В отдельные периоды соотношение театров военных действий по их важности для Турецкой империи менялось. Важно, однако, исследуя турецкий натиск в Центральной Европе, постоянно иметь в виду необходимость соответствующих сопоставлений.

14. Прежде чем перейти к последнему вопросу, который естественно возникает по ходу настоящего доклада, необходимо сделать еще одно замечание. Выше уже отмечалось, что Габсбургская монархия оказалась неспособной изменить судьбу народов Юго-Восточной Европы. В этом сказалась ограниченность ее военных ресурсов, ее внутренняя слабость разрываемой национальными противоречиями державы. Но быть может именно эти обстоятельства и помогут понять своеобразие внешнеполитиче-

ских тенденций развития Дунайских княжеств в XVI–XVII вв. Помимо серьезных отличий в социально-экономическом, политическом и национально-культурном развитии, помимо религиозного фактора, в пассивности Молдавии и Валахии по отношению к процессу формирования в Дунайском бассейне многонационального государства существенную роль могла играть и реальная оценка возможностей Габсбургов. Ни Габсбурги, ни Польша не могли защитить их от турецкого гнета. Положение коренным образом изменилось только с вступлением в антитурецкую борьбу России.

15. Следует теперь ответить на вопрос, когда пришло время России выступить в качестве решающего фактора на юго-востоке Европы? При этом необходимо учитывать национальные интересы Русского государства. До завершения единоборства с Речью Посполитой в Восточной Европе, до воссоединения Украины с Россией и до решения в пользу России балтийского вопроса, следовательно, до второй Северной войны начала XVIII в. турецкий вопрос в ее политике неизбежно должен был отходить на второй план. Чтобы выиграть борьбу с Турцией, Россия должна была стать первой военной державой на востоке Европы, располагающей регулярной армией и флотом. Борьба с Турцией в конечном счете решалась пехотой и артиллерией. Только коренные изменения в расстановке сил на севере и востоке Европы, коренные перемены, произшедшие во внутреннем развитии России в XVIII в., привели к коренным переменам в перспективах освободительной антитурецкой борьбы народов Юго-Восточной Европы. Реальной стала перспектива их самостоятельного национально-государственного развития. Роль Габсбургов как орудия антитурецкой борьбы стала падать.

И. Б. ГРЕКОВ

(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТУРЕЦКО-КРЫМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КОНЦА XV—XVI ВВ.

Цель данного сообщения — во-первых, показать в самых общих чертах место восточноевропейских стран конца XV — начала XVI в. в экспансионистских планах Османской империи, во-вторых, подчеркнуть значительную роль самих восточноевропейских государств в противодействии этим планам, в сдерживании турецкой экспансии в Европу.

Такая постановка вопроса представляется оправданной потому, что несмотря на значительные достижения историков-турковедов XIX и первой половины XX в., все же в изучении истории внешней политики Турции еще остаются неисследованные проблемы, некоторые невыясненные специфические черты и особые тенденции.

Для выяснения места и роли восточноевропейской политики Стамбула во всей внешнеполитической системе Османской империи XV—XVI вв., как мне представляется, необходимо учитывать два момента: наличие определенной социально-политической основы завоевательных устремлений Порты и представление о характере сложившихся тогда взаимоотношений султанской Турции с ее вассалом — Крымским ханством.

Социально-политические основы турецкой завоевательной политики довольно хорошо раскрыты в исследованиях советских историков. Поэтому в сущности на этом останавливаться нет смысла.

Что касается характера отношений Турции и Крыма, то эта проблема требует специального внимания хотя бы потому, что она до сих пор остается дискуссионной в историографии. Одни историки придерживались того мнения, что Крымское ханство с 70-х годов XV в. оказалось послушным вассалом султанской Турции, и, находясь под ее контролем, являлось важным орудием политики Стамбула в Восточной Европе. Другие исследователи

видели в политике Крыма две тенденции: одну, связанную с выполнением вассальных обязательств перед Портой, другую – вытекающую из стремления крымских феодалов противопоставить себя Турции, встать на путь самостоятельной политики и даже борьбы с Портой.

Автор придерживается того мнения, что Крымское ханство после событий 70-х гг. ХУ в. попало в полное подчинение султанской Турции, оказалось послушным инструментом ее политики в Восточной Европе. Подобный статус турецко-крымских отношений позволял Порте, игнорируя такие препятствия, как Черное море и безводные степи Северного Причерноморья, активно воздействовать на политическую жизнь Восточной Европы с помощью своего вассала – Крымского хана.

Анализируя политическую жизнь Восточной Европы последней трети ХУ в., автор пришел к выводу, что крымский хан Менгли-Гирей и стоявшие за ним правители Порты, обеспокоенные усилением влияния Ягеллонов в Чехии и Венгрии, а также установлением контактов польского короля Казимира с правящим домом Большой Орды, встали, с одной стороны, на путь прямых атак на Польско-Литовское государство, с другой – на путь политического сближения с Московской Русью, рассчитывая в ее лице найти союзника как в борьбе с Ягеллонами, так и с правителями Волжской Орды – ханом Ахматом и его сыновьями.

Следует признать, что данная позиция крымско-турецкой дипломатии в 80–90-х гг. ХУ в., наряду с другими важными факторами внутренней политической и международной жизни восточноевропейских государств, сыграла свою роль как в борьбе Ивана III с волжской ордой, так и в соперничестве "государя всей Руси" с главой польско-литовского государства Казимиром, а потом и Александром.

Как это ни парадоксально, в результате совместных усилий Крыма, Порты и Московской Руси был ускорен процесс распада Большой Орды – в самом начале XVI в. она фактически прекратила свое существование. Тогда же, в 1487 г., было значительно ослаблено и Казанское ханство. В ходе кратковременного сотрудничества Крыма с Москвой пошатнулись и позиции Ягеллонов в Восточной Европе. Потеряв еще в начале 70-х годов перспективы на овладение Великим Новгородом, Ягеллоны вынуждены

были в последующие годы занимать весьма "пассивную" позицию в отношении других "спорных" русских земель.

Соперничество с Москвой за гегемонию в Восточной Европе, напряженные отношения с Крымом вынуждали Ягеллонов сдерживать свою активность в отношении Венгрии и Чехии. Ослабление политических контактов между Ягеллонами и правителями Венгрии, Чехии, Империи Габсбургов создавали благоприятные условия для форсирования турецкого натиска в сторону придунайских стран. Не случайно уже в 1484 г. турецкий султан Баязед перешел Дунай и совместно с татарами загонами овладел молдавскими крепостями Килией и Белгородом (Днестровским).

Изменившееся на рубеже ХУ-ХҮI вв. соотношение сил в Восточной Европе (ликвидация Большой Орды в 1502 г., резкое усиление Московской Руси) привело к тому, что крымско-турецкая дипломатия постепенно стала менять свои политические установки по отношению к восточноевропейским странам.

Стремясь остановить рост Московской Руси, а также ослабить влияние Ягеллонов в Венгрии, Чехии и на Балканах, турецко-крымская дипломатия встала на путь поощрения велико-державных устремлений польско-литовской династии в Восточной Европе, а вместе с тем и на путь столкновения Кракова с Москвой.

Это сталкивание осуществлялось в различных формах: здесь применялась тактика заключения дипломатических соглашений Порты и Крыма о восточноевропейскими государствами, а также допускалась практика их бесцеремонного вмешательства во внутриполитическую жизнь как Польско-Литовского государства, так и Московской Руси.

В этих настойчивых попытках столкновения Москвы с польско-литовской государственной системой крымско-турецкая дипломатия широко использовала не только политические планы правящих верхов обоих государств, но и такие важные факторы тогдашней политической жизни Восточной Европы, как национальное движение, церковно-политическая борьба в этих странах и т.д. Представляется бесспорным использование движения Михаила Глинского в целях развязывания конфликта между Ягеллонами и Василием Ш, кажется весьма вероятным и продуманное вмешательство константинопольского патриарха в жизнь право-

славной державы как Московского государства, так и Великого княжества Литовского.

Эта политика Стамбула стала давать свои реальные результаты уже в первое десятилетие XVI в.

Конфликты между Москвой и Польско-Литовским государством становились все более частыми, а возможности активного вмешательства Ягеллонов в политическую жизнь Балкан и Центральной Европы все более ограниченными.

После того как борьба Сигизмунда с Василием III завершилась присоединением к Москве Смоленска и Северщины, после того как в результате битвы у Мохача (1526) обнаружился полный провал планов польско-венгерско-чешской лиги, турецко-крымская дипломатия стала, с одной стороны, чаще устанавливать связи с ослабленными Ягеллонами, а с другой - активизировать борьбу против окрепшего Русского государства, а вместе с тем и против усилившейся тогда империи Габсбургов.

Если султайская Турция, осуществляя свои завоевательские замыслы на Дунае, не только хорошо учитывала наличие австро-польских противоречий в Венгрии, но и сотрудничала с определенными группировками венгерских феодалов (в частности, с правителем Трансильванского княжества Яношем Запольи), то в своей восточноевропейской политике Сулейман Великолепный не только широко использовал антагонизм Польши и Москвы, но также пытался опереться на тесные связи Крымского ханства с Астраханью и Казанью.

В связи с этим следует подчеркнуть, что восточноевропейская политика Стамбула первой половины XVI в. не ограничивалась только попытками установления равновесия между Москвой и Польско-Литовским государством.

Необходимо иметь в виду, что крымско-турецкая дипломатия вынашивала "максималистские" планы прямого утверждения своих позиций в Восточной Европе, в частности планы подчинения своей власти Астрахани, а может быть и самой Москвы (20-30 гг. XVI в.). Весьма характерно, что эта активизация турецкой политики в отношении Московской Руси (конец 30-х - начало 40-х гг. XVI в.), осуществлявшаяся, кстати сказать, в контакте с Ягеллонами, совпала по времени с наступлением войск Сулеймана на Дунае: именно летом 1541 г. турецкий султан, как известно, захватил Буду, обеспечив себе тем самым дли-

тельный контроль над Центральной Венгрией. Не случайно Порта тогда же позволила Ягеллонам установить тесные контакты со своим венгерским союзником – правителем Трансильванского княжества Яном Запольи. Синхронность всех этих акций Стамбула не кажется случайной.

Что касается положения дел на правом фланге турецкого наступления в Восточной Европе, то оно характеризовалось энергичными попытками Московской Руси противодействовать крымско-турецкому натиску, а в 50-х годах борьба Русского государства с планами непосредственного подчинения Стамбулу Астрахани и Казани, как известно, увенчалась успехом, когда Среднее и Нижнее Поволжье оказались в сфере политического влияния Ивана IV.

Тем самым Русское государство внесло определенный вклад в общую борьбу против турецкой экспансии на территории Европы: противоположный вариант развития событий в Поволжье, в частности установление стабильного контроля султанской Турции над Астраханью и Казанью, должен был бы привести к резкому ухудшению политического положения не только Московской Руси, но и других стран Восточной и Центральной Европы, ибо в этом случае прямая турецкая экспансия с юга, со стороны Балкан, была бы, видимо, дополнена турецко-крымским наступлением с юго-востока.

Неудачи крымско-турецкой дипломатии 50-х годов XVI в. в Поволжье не блокировали намерений Сулеймана Великолепного форсировать свои наступательные планы на Дунае.. Действуя в соответствии со сложившейся традицией, Порта стала проявлять еще большую активность в провоцировании конфликтов между Польско-Литовским и Московским государствами, встав, с одной стороны, на путь поощрения гегемонистских устремлений Ягеллонов в Восточной Европе, с другой – на путь санкционирования наступательных действий Москвы в западном направлении, в частности, в Ливонии (что косвенно задевало интересы Империи Габсбургов, как известно).

Весьма характерно, что успехи Русского государства в первый период Ливонской войны, также как и активность Габсбургов в борьбе против султанской Турции содействовали установлению еще более тесного сотрудничества Стамбула с Ягеллонами. Порта не только стала содействовать появлению на вен-

герском престоле в Трансильвании сына Изабеллы Ягеллон Яна Запольи, не только поощрять планы польско-литовской унии, но и санкционировать все более частое появление крымских войск на московских "украинах".

Неудивительно, что в этих условиях стало намечаться политическое сближение между Империей Габсбургов и Московской Русью, а борьба Ивана IV за Ливонию, сопровождавшаяся организацией русских военных диверсий против Крыма, становилась все более настойчивой и результативной.

Успехи Ивана Грозного в Ливонской войне способствовали углублению сотрудничества Польско-Литовского государства с Портой и активизации прямой экспансии Крыма и Порты в сторону Московской Руси. Поддержка Люблинской унии (1569 г.), организация похода турецких войск под Астрахань (1569 г.), а также наступление крымских войск на Москву (1571 г.) – все это были тесно связанные между собой акции крымско-турецкой дипломатии, нацеленные на усиление Ягеллонов и ослабление Русского государства, а также на создание благоприятных условий для турецкого натиска на Среднем Дунае.

Все эти мероприятия Порты конца 60-х – начала 70-х гг. XVI в. дали свои результаты.

Московская Русь оказалась ослабленной, а Речь Посполитая окрепла настолько, что стала тяготиться своими турецкими партнерами и даже попыталась встать на путь сближения с Габсбургами. В этих условиях крымско-турецкая дипломатия стала добиваться ослабления австрийского влияния на правителей Польши, восстановления равновесия между Речью Посполитой и Москвой.

Когда же польский престол оказался вакантным, Порта сделала все, чтобы польским королем стал не австрийский или московский кандидаты, а "турецкий вассал" Стефан Баторий. Это обстоятельство, однако, не помешало Порте организовать два больших татарских похода в сторону Польско-Литовского государства в 1577–1578 гг.

Охлаждение отношений крымско-турецкой дипломатии и Польско-литовского государства в конце 70-х гг., естественно, ослабило в какой-то мере Польшу, оказало влияние на ход мирных польско-московских переговоров в Яме Запольском и спо-

составляло сохранению благоприятных условий для продолжения турецкой экспансии в Среднем Дунае.

Таким образом, умелая игра Османской империи на реально существовавших противоречиях между Габсбургами, Ягеллонами и Рюриковичами предотвращала создание антитурецкой коалиции и тем самым обеспечивала условия для расширения ее влияния не только в придунайских странах, но и в Восточной Европе.

Но как бы далеко ни шли стратегические цели Османской империи, сколь бы изощренными ни были ее тактические приемы, основанные на принципе "разделяй и властвуй", турецкой дипломатии хотя и удалось на время предотвратить создание крупных политических комбинаций в Европе, тем не менее она не смогла осуществить своей программы-максимум, не смогла продвинуться в Европу дальше Венгрии, не смогла укрепиться и в Восточной Европе. И все это произошло не только и не столько из-за недостаточных возможностей турецкого феодального государства, сколько из-за активного противодействия турецкой экспансии многих стран Центральной и Восточной Европы, противодействия, осуществлявшегося изолированными, а не совместными и согласованными усилиями этих стран.

И. С. ДОСТЯН

(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII в.

К началу XVI в. почти весь Балканский полуостров, исключая прилегающие к Адриатическому побережью районы Далмации и Хорватии, оказался под властью Турции, и она приступила к дальнейшей экспансии в глубь Европы, угрожая Австрии, Венгрии, Польше. В середине XVI в. во время правления Сулеймана Кануни, расцвет и территориальное расширение Османской империи достигли своего апогея. Вслед за тем начался медленный, но неуклонный процесс ослабления турецкого государства, разложение его военно-феодального внутреннего строя.

Этот процесс с самого начала сопровождался вспышками крестьянского движения и антитурецких выступлений, возникавших под воздействием ухудшения положения населения в Османской империи. Восстания и выступления антифеодального и национально-освободительного характера на Балканах в XVI-XVII вв. возникали неоднократно. При этом ясно обозначились периоды значительно усиления и последующего затем спада революционной активности народов, подчиненных Турции.

Впервые резкое усиление освободительного движения в балканских владениях Османской империи, совпавшее со вспышкой антифеодального крестьянского движения в Анатолии (восстание Кара-Языджидели Хасана), наблюдалось в конце XVI - начале XVII в. Это было время войны Турции с Австрией, ареной которой служила Венгрия и балканские территории.

Основой международных противоречий в Юго-Восточной Европе в XVI-XVII вв. была австро-турецкая борьба за страны среднедунайского бассейна. Габсбургская империя с ее югославянским фронтом на Балканах была главным заслоном против продвижения турок в Центральной Европе. Но Австрия была недостаточно сильным государством, чтобы один на один противостоять мощным силам военно-феодальной Турции. Поэтому Габсбурги проявили большую заинтересованность не только в создании коалиции европейских государств против Турции, но и в использовании в войнах помощи со стороны балканского населения, находящегося под турецкой властью.

В начале 90-х годов XVI в. венский двор при активной поддержке римского папы Климента VIII пытался склонить к участию в войне с Турцией различных европейских правителей, а также побуждал к выступлению против Порты ее вассалов - трансильванского князя Сигизмунда Батория и господарей Молдавии и Валахии.

Австрийцам не пришлось тратить больших усилий для подстрекательства подданных султана к вооруженной борьбе. Антитурецкое движение на Балканах во время австро-турецкой войны 1593-1606 гг. приобрело более широкий размах, чем могли предполагать в Вене. Уже в 1594 г. на борьбу за свое освобождение поднялись банатские сербы, надеявшиеся, что наступление австрийских войск в Венгрии и участие в войне Трансильвании поможет им освободиться от турецкой власти. Вожди повстанцев

поддерживали связь с Сигизмундом Баторием, которому предлагали принять титул сербского деспота, просили помочь у австрийского военного командования. Однако австрийцы, с трудом сдерживавшие наступление турецких войск в северо-западной Венгрии, не смогли послать подкрепления сербам, а трансильванский князь медлил с выступлением против турок. После упорного сопротивления банатские повстанцы были разбиты турецкими и татарами частями.

Вскоре после подавления восстания в Банате против султана выступили трансильванский князь Сигизмунд Баторий, валахский господарь Михаил Храбрый и молдавский - Арон Воевода, заключившие союз с австрийским императором Рудольфом II. Когда осенью 1594 г. войска под командованием Михаила Храброго начали военные действия против турок в Северной Болгарии, напав на придунайские крепости, вместе с ними действовала добровольческая конница из валахов, венгров, сербов и болгар, совершившая смелые налеты на турецкие села и города.

Все эти события, развивавшиеся в Венгрии, Трансильвании и Дунайских княжествах, оказывали сильное воздействие на северную часть болгарских земель, где также готовилось массовое восстание против турецкой власти. Сохранившиеся свидетельства позволяют заключить, что подготовка такого восстания велась заблаговременно и достаточно активно, при этом был разработан план военных операций. Руководители болгар заручились обещанием поддержки со стороны Михаила Храброго, Сигизмунда Батория и Габсбургов. Восстание началось в 1598 г. в связи с новым наступлением Михаила Храброго на правобережье Дуная, во время которого был захвачен ряд болгарских городов. Центром его стало Тырново - старая столица Болгарии, где был провозглашен царем Шишман III - потомок (вероятно, мнимый) последней болгарской династии. Одновременно восстания вспыхнули в других местах Северной Болгарии, но все они были быстро подавлены.

Во второй половине 90-х гг. XVI в. резко увеличилось число антитурецких выступлений в западной части Балканского полуострова: в Южной Сербии, Далмации, Черногории, Герцеговине. Наиболее крупным из них было движение, возглавленное никшичским воеводой Грданом в Герцеговине. В этих областях антитурецкие выступления продолжались и в начале XVII в., когда

возникла надежда на военную помощь со стороны Испании, предполагавшей вступить в войну с Турцией, и некоторых итальянских владетелей. Но расчеты на войну Испании с Турцией не оправдались. Ввиду неблагоприятной внешнеполитической обстановки освободительное движение в западной части Балкан во втором десятилетии ХУП в. стало ослабевать.

Одновременно с локальными восстаниями в конце ХVI – начале ХУП в. на Балканах наблюдалось расширение гайдукского движения. Четы народных мстителей в это время стали более многочисленными и действовали организованно. Некоторые из них совершили крупные военные операции, нападали на большие города. Так, например, в Болгарии в 1595 г. четы гайдуков совершили нападение на Софию. В 1596 г. далматинские ускоки временно овладели г. Клисом.

Если собрать воедино все факты освободительных восстаний на Балканах в конце ХVI – начале ХУП в., можно заметить, что они имели локальный характер, распространялись как бы по цепной реакции, и при этом возникали главным образом в окраинных областях, в горных и лесистых районах, везде, где не упала в полной мере утвердиться власть турецкого правительства и феодалов. В этом отношении примечательно, например, что в южной части Болгарии, расположенной близко к центру Османской империи, где турецкий военно-феодальный строй утвердился достаточноочно прочно, не было попыток антитурецких выступлений, а восстания вспыхивали в северных районах, в предгорьях Старой Планины, где власть Турции оставалась слабой.

С другой стороны, возникли как бы два крупных очага антитурецких выступлений. Один из них сосредотачивался в дунайском бассейне (Банат, Трансильвания, Валахия, Славония, Северная Болгария), а другой – в горных районах западной части Балкан, экономически и политически тяготевших к Средиземноморскому бассейну.

Рассматривая освободительное движение балканских областей, населенных южными славянами, областей, которые в отличие от вакоальных Трансильвании и Дунайских княжеств, находились в полной политической власти сultанского правительства, можно заметить его определенную общность в отношении социального состава, движущих сил и общественно-политической программы.

Хотя неполнота сведений, которые имеются в распоряжении историков, не позволяет воспроизвести во всех случаях ясной картины, можно заключить, что в антитурецких восстаниях и выступлениях сравнительно мало участвовало сельское население, находившееся в феодально-крепостнической зависимости от турецких феодалов-спахиев. В движениях иногда активно участвовало городское население. Так было, например, в Тырновском восстании 1598 г. Но главной движущей силой восстаний обычно выступало крестьянство, пользовавшееся личной свободой, жившее общинами, имевшими права самоуправления.

После турецкого завоевания на Балканах имелись очень многочисленные группы крестьян такого рода. Это была так называемая привилегированная рапя – крестьяне, которые несли какие-либо трудовые и военные повинности в пользу турецкого государства (войники, дербенджеи, сокольники и др.), освобождались за это от налогов и имели свои наследственные наделы. Так, например, в Банате было много поселений крестьян, неоших военную или сторожевую службу. Привыкшие к свободной жизни, они не хотели сносить всевозможные притеснения от турецких военных и гражданских властей, активно отстаивали свои привилегии. В Болгарии вожди движения ориентировались на участие в нем крестьян предгорий Старой Планины, имевших оружие, то есть, по-видимому, войников и дербенджеев.

В Герцеговине, Черногории, Албании организация антитурецких выступлений в значительной мере облегчалась наличием военно-политических объединений – племен. Общинное крестьянство выступало здесь, предводительствуемое племенными вождями, князьями, воеводами. Этот слой руководителей антитурецкого движения являлся в социальном отношении прослойкой мелких феодалов-христиан, сохранивших свои позиции после установления турецкой власти и в то же время тесно связанных с крестьянскими массами.

Всякого рода "нотабли", "благородные люди", руководители местного самоуправления, войнук-беи, то есть слой людей, выделявшихся среди остального населения своей зажиточностью, служебными функциями, полученными от турецкого правительства правами, играл руководящую роль в антитурецких выступлениях на Балканах в конце XVI – начале XVII в.

Активное участие в освободительном движении принимало православное духовенство, экономические и политические позиции которого были сильно подорваны после установления турецкой власти. Так, известно, что в подготовке Тырновского восстания 1598 г. принимало участие несколько болгарских и греческих митрополитов и епископов. Большую организационную деятельность развивало высшее духовенство Печской патриархии во главе с патриархом Иованном.

Характерно, что все перечисленные восстания поднимались в расчете на военную помощь со стороны государств, враждебных Турции – Австрии, Испании, Папского государства. Через дубровчан, балканских эмигрантов, католических миссионеров, среди которых были и авантюристы, устанавливались связи с иностранными дворами, заинтересованными в борьбе против империи османов.

Конкретной задачей некоторых из подготавливаемых антитурецких выступлений было присоединение освобожденных от власти Турции земель к соседним европейским государствам. Политической программой некоторых восстаний было и стремление к восстановлению на Балканах самостоятельных феодальных государств. Таковыми были цели руководителей болгарского восстания. В первые годы ХУП в. среди предводителей освободительного движения в западной части Балканского полуострова получили распространение проекты создания в этом регионе большого христианского государства во главе с герцогом Савойским Карлом Эммануилом или каким-либо другим владельцем.

В целом можно считать, что освободительное движение южнославянских народов в конце ХVI – начале ХУП в. по своей социальной направленности и политической программе являлось продолжением борьбы с Турцией, проводимой феодальными владельцами Юго-Восточной Европы в течение двух предшествующих столетий. После установления турецкой власти очень скоро определились социальные силы, наиболее активно противостоящие иноземному владычеству: свободное крестьянство, феодалы-христиане, православное духовенство.

В условиях экономической, политической и национальной разобщенности антитурецкие выступления на Балканах в какой-то мере согласовывались и объединялись во временном отноше-

нии под влиянием внешних факторов. Наибольшее значение в этом отношении имели австро-турецкие войны. Первым примером этого являлась война 1593-1606 гг.

Е. М. РУССЕВ

(Институт языка
и литературы АН МССР)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БОЯРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ МОЛДАВИИ

I. Памятники феодальной идеологии, творения летописцев Григория Уреке (90-е гг. XVI в. - 1647), Мирона Костица (1633-1691) и Иона Некулче (1672-1745) представляют собой ценнейший нарративный источник по истории Молдавии от образования самостоятельного государства до середины XVII в., содержит интересный материал о летописном этапе эволюции общественно-политической мысли княжества, являются наиболее оригинальными произведениями древнемолдавской литературы и знаменуют значительную веху на ранней стадии развития национального литературного языка, пришедшего на смену господствовавшему дотоле старославянскому.

Принадлежа перу видных государственных деятелей средневековой Молдавии, молдавские летописи цепни и как достоверные свидетельства внешнеполитической ориентации, которой придерживались правящие верхи господствующего класса, чьими идеологиями и являются названные хронисты.

Бояре-летописцы отнюдь не выступают бесстрастными регистраторами событий. На страницах их творений бушуют политические страсти, их волнуют государственные дела, их тревожат судьбы отчизны не только в том, что касается идеологического обоснования целесообразности и правомочности боярского олигархического режима, но и в том жизненно важном вопросе, каковым являлась задача завоевания свободы и независимости Молдавии.

Этот животрепещущий вопрос постоянно находился на повестке дня на всем протяжении многовекового оттоманского ига, не-

посильным бременем лежавшего на плечах молдавского народа. Не могли обойти его и выдающиеся молдавские летописцы.

Бичевание произвала поработителей, овещение тяжких последствий их грабительской политики, сетования на горькую участь, уготованную Молдавии, желание обрести вновь утраченную независимость, поиски путей к достижению этой заветной цели, обеспечение молдаван верными и сильными союзниками, без действенной поддержки которых немыслимо было и мечтать о положительном исходе освободительной борьбы, - все эти вопросы в своей совокупности и составляли ту внешнеполитическую концепцию, которую не только исповедовали, но и отработано проповедовали молдавские бояре-хронисты. И делали они это о большом воодушевлением, глубоко веря в воспитательную роль летописного слова.

В целом внешнеполитическая концепция молдавских летописцев окладывалась под влиянием двух основных факторов: социально-экономического положения крупного боярства Молдавии и положения княжества в системе окружающих его государств.

2. Для Григория Уреке история феодальной Молдавии делилась на два четких периода - славная эпоха независимости (1359-1504) и лихолетие турецкого рабства, наступившее после смерти Стефана Великого. С болью душевной пишет он, что "под рукою их (турок. - Е.Р.) и под игом их есьми холопами их"¹. Все чаще молдавские господари упоминаются им с унизительным эпитетом султанских рабов. Летописец беспощадно разоблачает грабительство, чинимое в княжестве иноземными поработителями, образно уподобляя их "бездонной бочке, в которую околько воды ни лей, невозможно ее наполнить" (185).

Мрачному, унизительному настоящему летописец противопоставляет светлое героическое прошлое, когда молдавские воины одерживали блестящие победы над вражескими войсками, в том числе и над турками, которые "как туманом весь мир обволакивали" и которых, не без гордости отмечает Уреке, молдаване "многажды побеждали" (65).

¹ Григоре Уреке. Летописецул Цэрий Молдовей. Студиу интродуктив де Е. Руссов, Кишинеу, 1971, пат. 121. В дальнейшем стр. указана в скобках в самом тексте.

Трезвый политик-реалист и опытный воин, Уреке прекрасно понимал, что собственными силами молдаванам не одолеть турецкого колосса.

В сложившейся международной обстановке этого периода из соседних стран наиболее активную борьбу с Оттоманской империей вела Речь Посполитая. Часть молдавского боярства, стремившаяся освободиться от турецкого ига с помощью Польши, со-ставила так называемую пропольскую партию. Будучи одним из видных представителей пропольской ориентации внешнеполитического курса страны, Гр.Уреке горячо ратовал за союз с магнатско-шляхетской Польшей. Вот почему и клеймит он тех, кто не только не помогал молдаванам в их единоборстве с Оттоманской империей, но и не прочь был поживиться за счет обескровленного княжества. Молдавский летописец считал, что уловием победы над Портой является тесный союз христианских держав, а не рознь между ними.

Таким образом, Григорий Уреке предстает перед нами стра-стным обличителем турецких захватчиков, решительным сторон-ником христианской солидарности, направленной против невер-ных, убежденным глашатаем освободительной борьбы, рьяным по-борником военно-политического союза с Польшей, в каковом усматривал он реальную возможность ликвидации османского гос-подства в Молдавии.

Свою внешнеполитическую концепцию он не только излагал умозрительно на страницах созданной им летописи, но и неуклонно проводил в жизнь в качестве думного боярина Молдав-ского феодального государства и одного из столпов влиятель-ной в ХУП в. пропольской партии.

З. Единомышленник и преемник Григория Уреке, летописец Мирон Костин – один из высокопоставленнейших сановников Молдавского феодального государства и признанный вождь пропольской партии в последней четверти ХУП в. – в многочисленных трудах четко формулирует свою внешнеполитическую концепцию и предпринимает шаги для проведения ее в жизнь при исполнении государственных и дипломатических функций, которыми был он облечен на протяжении нескольких десятилетий.

Усилившийся в последней четверти ХУП в. турецкий гнет и наступивший в стране экономический упадок оказали свое влия-ние на формирование политических взглядов М.Костина. Горько

сетуя на тяжкую долю Молдавии, он неоднократно пишет о "страшных временах нынешних"¹ и восклицает: "О, господи! Кто смог бы выразить страдания, претерпленные нашими со стороны поганных?" (I, 247).

Летописец обличает поработителей за их двуличие и неверность (I, 26), за ненасытность (I, 73, 20) и горячо желает, чтобы всеевший "уготовал стране этой иную долю" (I, 224) и "когда-либо даровал после сих страшных времен... и более свободные века" (II, 13). Касается летописец и бесправного положения господарей-ставленников Порты, один лишь титул которых - доминь - (от латинского *domini*) "остался под жестокой тиранией турецкой" (I, 246), называемой также и "нероновой" (I, 245).

Идеолог пропольской партии, Костин связывает грядущее освобождение Родины с совместными действиями союзных Молдавии и Польши. Прозорливый политик, он рекомендует тщательное взвешивание шансов на успех освободительных акций, проповедует осмотрительность при выборе момента для антитурецкого выступления и предупреждает, что беспечность в столь серьезном деле "вместо пользы принести может гибель страны, как и произошло это несколько раз в наше время" (I, 37).

Насущная необходимость в такой предосторожности значительно возрастает после захвата турками в 1672 г. Каменец-Подольска, который, наряду с турецкими раями на молдавской земле и татарскими ордами - вассалами султана, стоял на страже османских интересов в этой части Европы. Трезво оценивая создавшуюся обстановку, Костин, вообще не падкий на военно-политические авантюры, не прельстился и временными польскими успехами под Хотином в следующем году и не последовал примеру господаря Стефана Петричейку, перешедшего на сторону Польши.

Однако после восшествия на польский престол Яна III Собесского, политика которого внушала большую уверенность в возможность разгрома Турции, Костин все решительнее выражает

¹ M i g o n C o s t i n . Opere . Ediție critică îngrijită de P. P. Panaitescu , I. București , 1965 , p.122. В дальнейшем страница указана в скобках в самом тексте.

свою крепнущую веру в освободительную миссию овеянного славой короля.

Уже в 1677 г. в предисловии к "Польской хронике о Молдавской и Мултянской странах" он выражает пожелание, чтобы "счастье (Яна Собесского. - Е.Р.) волею всевышнего защитило бы и нас от гибели" (I, 218).

Блестящая победа польского оружия под стенами осажденной турками Вены в 1683 г. еще больше укрепила эту веру летописца. В "Польской поэме", написанной в Дашибе в 1684 г. и посвященной королю-победителю "милостивому моему господину и благодетелю" (I, 241), Костин торжественно заявляет, что "господь доверил спасение наше деснице твоей, великий король Иоанн" (I, 247). Одновременно он сообщает о нависшей над Молдавией угрозе превращения ее в турецкий пашалык, предостерегая Польшу о пагубных для нее последствиях вынашиваемых Портой планов: "Тогда увидишь ты, поляк, каких соседей добудешь на рубежах своих, какой напастью является проживание с такого рода союзами. Если утратишь нынешний случай, каковой господь являет тебе карающей рукой твоего великого короля, то вокоре иного такого (случая. - Е.Р.) не представится" (I, 262).

Итак, и возбуждение сострадания к Молдавии, и восхваление короля-победителя турок, и подчеркивание угрозы превращения страны в турецкий пашалык, как и указание на турецкую опасность для самой Польши - все это имело одну цель: направить военную мощь Польши на освобождение Молдавии. Заключительный аккорд той гаммы чувств, которые испытывал патриот-летописец, звучит оптимистически: "Не теряй надежды, страна, и ты, Подolia! Вызовут вас из пропасти Иоанн Великий, король польский" (I, 262).

Как и Гр.Уреке, М.Костин и его единомышленники из пропольской партии упирали не только на освобождение родины при помощи Польши, но и на уравнение молдавских бояр с магнатами и шляхтой королевства и Литвы, о чем свидетельствует меморандум от 25 июля 1684 г., представленный ими Яну Собесскому. Магнатско-шляхетская Польша - эта, по определению Ф.Энгельса, дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, - представлялась молдавским феодалам страной с идеальным общественно-политическим строем, достойным, по их убеждению, перенесения его и в Молдавию. Мирон Костин не

только формулирует свою точку зрения на внешнеполитическую ориентацию Молдавии на Польшу, но и активнейшим способом участвует в претворении ее в жизнь в ходе реализации военно-политических акций Яна Собесского в нижнем Подунавье в последние десятилетия ХУП в.¹ Расхождения в среде молдавского боярства по вопросам внешнеполитической ориентации, ухудшение международного положения Молдавии в условиях углубления польско-австрийско-турецких противоречий оказались фатальными для видного книжника и государственного деятеля.

4. Летописец Ион Некулче² – влиятельный общественно-политический деятель феодальной Молдавии, жил и творил в период наивысшего усиления национального гнета, в эпоху фанариотского режима, в пору неуклонного упадка былого могущества Речи Посполитой и явственного утверждения России как великой европейской державы. Эти обстоятельства и порождают его отношение к поработителям Родины, определяют его внешнеполитическую ориентацию, претворение в жизнь которой, по глубокому убеждению нашего хрониста, должно было увенчаться вызволением его соотечественников из тяжкой османской неволи.

Пламенный патриот, Некулче рисует мрачную картину Молдавии, стонущей под пытою захватчиков, страстью обличает турецких поработителей и их верных слуг – греков-фанариотов, утвердившихся на господарском престоле и захвативших все ключевые позиции в экономической, общественно-политической и культурной жизни княжества.

Причину всех бед любимой Отчизны хронист усматривает в господстве турок и греков-фанариотов, которых он и бичует со всей страстью патриота и решительного сторонника борьбы за свободу и независимость Молдавии.

Некулче обличает турок за их продажность (69), непостоянство (156), неблагодарность (188), неверность (189), произвол, чинимый ими в Молдавии (296), "собачий норов" их (360), за бесчинства, допускаемые ими в захваченной стране (369),

¹ Подробнее об этом см. Е.М. Р у с с е в. Мирон Костин – кроникарул-поэт ал Молдовей феудале.–В кн.: "Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовей де ла Арон-водэ ынкоаче". Кишинэу, 1972, паж., 9–22.

² Ион Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1969.

Еще большую ненависть вызывает у хрониста засилье греков-фанариотов, оттеснивших местных родовитых бояр от прибыльных административных должностей. Некулче с удовлетворением пишет о питаемой молдаванами "ненависти к грекам" (89), изобличает господаря Дмитрия Кантакузино, "коварного и трусливого грека, не испытывавшего никакого сострадания к стране" (103), летописец образно уподобляет фанариотов ржавчине, разъедающей железо (134), бичует их за преднамеренное ограбление страны путем непомерного ее налогообложения (337), сетует на оттеснение местных родовитых бояр от прибыльных административных должностей и взывает к милосердию всевышнего, дабы избавил их от фанариотского произвола (339).

Прекрасно понимая, что одними лишь призывами к божественному милосердию не свергнуть опостылевшего оттоманского ига, Некулче ищет и иных путей к достижению этой благородной цели. Друг и соратник просвещенного господаря Дмитрия Кантемира, хронист всецело разделяет внешнеполитическую ориентацию последнего на военно-политический союз с петровской Россией, чья слава после Полтавской победы гремела по всей Европе, питая надежду христианских подданных султана на их грядущее освобождение при братской помощи победоносного русского оружия.

Образно выражая думы и чаяния балканских народов, летописец отмечает, что в начале XVIII столетия видели они "мощь Москала и полагали, что в скором времени наступит победа и радость христианства" (218). Он твердо стоит на позициях молдавско-русского военно-политического союза, ибо "тогда все христиане с надеждой и радостью уповали... на москалей" (237).

Действия Д.Кантемира получили поддержку подавляющего большинства молдавских бояр, в том числе и ближайшего соратника его - гетмана Иона Некулче, который так передает настроения верхушки господствующего класса: "Он (господарь. - Е.Р.) поведал им (боярам. - Е.Р.) о том, что призвал москалей, которые прибыли и переходят Прут у Загаранчи. Тогда бояре все, услышав об этом, возрадовались и с ликованием ответствовали господарю, моля: "Правильно поступило твое величество, ибо мы опасались, что уйдешь ты к туркам, и так помышляли мы, что, ежели увидим, что переходишь ты к туркам, то

тогда покинем тебя и пойдем да поклонимся москалям". И рады были. Только Йордаки Русет, ворник, молвил тогда: "Поторопилось твое величество с приглашением москалей. Лучше было твоему величеству повременить малость, доколь выявились бы сила их и везение" (246).

Хронист широко и благожелательно освещает всенародный политический подъем, охвативший молдаван при вступлении русской армии (247-249), живописует торжественную встречу, устроенную яссскими жителями Петру I, которые "поклонились ему как христианскому императору, вознося хвалу господу, что призрит их милостью своей и вызволит их из-под ярма турецкого рабства" (251).

Ни неудача Прутского похода, ни репрессии, которым подвергли его фанариоты, не поколебали русофильства Некулче, продолжавшего верить в освободительную миссию России на Балканах. Об этом, в частности, свидетельствует участие нашего хрониста во встрече фельдмаршала Миниха в 1739 г. в Яссах, где ему вручены были "ключи страны" (378), за что Некулче пришлось дорого расплачиваться после возвращения господаря-фанариота на престол.

Русская направленность внешнеполитической концепции летописца Иона Некулче отвечала насущным интересам Молдавии и порождена была своеобразной обстановкой, царившей в Юго-Восточной Европе, зависимой от Османской Порты. Как на это со всей определенностью указывал Ф. Энгельс, "...русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета"^I.

Итак, внешнеполитические концепции корифеев боярского летописания Молдавии вырабатывались в соответствии с внутренним и международным положением их Родины, отвечали коренным интересам молдавского общества, идеологически готовы его к широкому участию в освободительной борьбе, которая с особой силой запылает в Молдавии в XVI - начале XIX столетий в условиях победоносных русско-турецких войн, объективно способствовавших избавлению балканских народов от многовекового османского рабства.

^I К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 32.

Н. А. МОХОВ

(Отдел этнографии АН МССР)

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ФЕОДАЛЬНЫХ СОСЛОВИЙ МОЛДАВИИ (отношение к народам соседних стран)

В истории Молдавии эпохи феодализма, как небольшого государства, особенно значительную роль играли многосторонние связи с соседними народами, в первую очередь со славянскими, а также с Венгрией, Турцией, Крымскими татарами. Эти связи наложили глубокий отпечаток не только на политическую историю, но и на язык, культуру, быт и обряды молдавского народа, получили отражение в его идеологии. Историки много раз избирали для своих исследований темы из этой области, изучали вопросы политических, экономических и культурных связей, но почти не обращали внимания на социально-психологическую сторону этой проблемы. Даже в тех немногих случаях, когда заходила об этом речь, историки писали только об умонастроениях видных политических и культурных деятелей, умонастроение же народных масс полностью оставалось вне поля их зрения.

I. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах при рассмотрении проблем истории неоднократно говорили о важности знания настроения народа в целом и отдельных его слоев, проявления их симпатий и антипатий, роли настроения масс в революционной борьбе¹. Более того из их трудов мы можем получить указания и о том, как изучать социальные чувства и настроения общества. В.И.Ленин писал: "...по каким признакам судить нам о реальных "помыслах и чувствах" реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей,-а так как речь идет только об общественных "помыслах и чувствах", то следует добавить еще: общественные действия личностей, т.е. социальные факты"².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.2, стр.561, т.7, стр.86, т.8, стр.69; т.20, стр.158; В.И. Ленин. Полн.собр.соч., т.1, стр.416, т.34, стр.411-412; т. 41, стр. 79-81 и др.

² В.И. Ленин. Полн.собр.соч., т.1, стр.423-424.

2. Социальная психология как проявление настроения отдельных классов общества в конечном счете базируется на развитии производительных сил. Но эта зависимость осуществляется через такие опосредствованные звенья, что по внешнему проявлению она иногда начинает действовать как независимый фактор истории. Именно поэтому она требует специального изучения как одно из явлений исторического процесса.

Изучение чувств, мнений, умонастроений отдельных сословий и классов эпохи, т.е. всего того, что составляет содержание социальной психологии, совершенно необходимо, ибо картина событий будет неполной, если дать анализ экономических и социальных предпосылок и описание самого события и не рассказать, каким было умонастроение масс, как оно формировалось и проявлялось в действиях. В.И.Ленин при изучении революционных событий в России в начале XX века считал необходимым знать, как идет "подготовка социально-психических условий восстания"¹.

3. Изучение явлений социальной психологии связано с трудностями источниковедческого характера. Только социологические обследования ХХ в. начали давать объективную статистическую информацию о мнениях отдельных групп населения. Для более ранних периодов надежные источники редки. Трудности делаются почти непреодолимыми, когда ставится вопрос об умонастроении отдельных классов, сословий и их прослоек в ранние периоды истории.

Источниками для изучения умонастроения господствующих сословий могут служить как письменные, так и некоторые иные исторические источники, а также политические акции этих сословий. Об умонастроении угнетенных сословий письменные источники незначительны. Ценный материал в этом случае дает изучение фольклора.

4. Социально-психологические факторы проявляются разными путями и могут быть как кратковременными, вызванными конкретной ситуацией, так и более длительно действующими и устойчивыми умонастроениями, когда они начинают действовать как характерная для народа черта. Примером может служить веками существовавшее у молдаван отношение к ремеслам и тор-

¹ В.И. Ленин. Полн.собр.соч., т.II, стр. 60.

говле, как к занятиям, не достойным уважающего себя человека, и уважительное отношение к занятиям животноводством и земледелием¹.

Отмеченное явление социальной психологии, возникшее в годы владычества Оттоманской Порты, к XIX в. стало вредным пережитком и мешало росту молдавского населения в городах, тормозило переход молдавского общества к капитализму.

5. Бывают случаи, когда отдельные социально-психологические черты народа под влиянием определенных причин значительно меняются. В истории Молдавии можно проследить, как в процессе политического развития у народа "менялись" такие качества, как верность и преданность государственному долгу, храбрость и т.д. В XV-XVI вв. в оборонительных войнах от иноземных агрессоров проявились лучшие качества молдавского народа: стойкость и мужество. Авторы XV-XVI вв. многократно говорили о военной доблести молдаван, о том, что они "дерутся храбро", "воинственны", "искусны в военном деле", "мастерски владеют копьем и щитом", "они грозны и храбры"² и т.д.

1 Традицию пренебрежительного отношения к городским занятиям отметил Д.Кантемир: "Редкий из молдаван купец, всякий род торговли считают они за унижение" (Д. Кантемир. Историческое, географическое и политическое описание Молдавии. М., 1789, стр.302-303). Через сто лет на это же обратил внимание П.Кунцкий, который писал, что у молдаван "...даже за некоторый стыд почтается быть ремесленником...Пахарь или пастух в большем уважении нежели всякий художник (ремесленник. - Н.М.)" (П. Кунцкий. Краткое статистическое описание земестровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портой Оттоманской в 1812 году. СПб., 1813, стр.30). Молдавский писатель и государственный деятель Г.Асаки в 1841 г. отмечал, что молдаване не хотели обучаться в ремесленных школах, ибо "брать в руки молоток - цыганское дело" (цыгане в Молдавии находились на самой низкой ступени социальной лестницы). Пережитки этой психологии сохранились до XX в. В Кишиневской молдавской газете "Кувынт молдовенеек" от 24 августа 1914 г. была помещена статья "Молдаване, занимайтесь торговлей и ремеслами". Автор, обращаясь к читателям, писал: "Мы, молдаване, не должны избегать занятия ремеслами, не должны относиться безразлично к этому труду".

2 См. об этом: Д. Кантемир. Описание Молдавии. М., 1789, стр.12-13; Б.П. Хаждеу. Ион воевода Лютый. Кишинев, 1959, стр.72-74 и др.

Положение меняется к ХУЛ в. В источниках этого времени уже не говорится о преданности, стойкости и храбрости молдаван, напротив, много раз пишется об отсутствии воинственности, о "склонности к измене, к бегству", что было, как пишет молдавский летописец М. Костин, "в наших обычаях"¹. И. Некулче мимоходом замечает, что молдавские солдаты "всегда готовы к грабежу и бегству"², об этом же писал П. Алепский³. Такое поведение молдавских солдат, отмеченное как иностранными, так и молдавскими авторами, выдавалось за проявление истинных свойств народа. Отсутствие патриотизма, храбрости у солдат молдавского войска в ХУЛ в. было закономерным, ибо в это время Молдавия находилась под властью Османской Порты и молдавским солдатам приходилось воевать за чуждые им интересы. Разумеется, у них не было стимулов к проявлению воинской доблести. О воинской доблести молдаван начинают затем вновь говорить источники периода русско-турецких войн ХУШ в., когда молдавские добровольцы в русской армии боролись за лучшее будущее своего народа.

6. Уже после первого знакомства с вопросом об отношении молдаван в феодальную эпоху к соседним народам, можем заметить антипатии к туркам, крымским татарам и к исполнителям воли султана грекам-фанариотам.

Неприязненное отношение к турецким феодалам было всеобщим и постоянным, отголоски его сохранились до наших дней в молдавских поговорках. Русскую пословицу "Что спешишь, как на пожар" молдаване передают словами "Май ынчет кэ ну дау турчий" (Спокойнее, ведь не напали турки), о незаконных действиях говорят "дрептатя турчаска" (турецкая справедливость), выражение "Кто палку взял, тот и прав" молдаване передают словами "Туркул те бате, туркул те жудекэ" (Турок тебя бьет, он же и судит) и т.д. У господствующих классов к этим чувствам примешивается преклонение перед силой и властью. Молдавский летописец Азарий, описав поражение восстания против турок 1574 г., сочувственно цитирует слова мол-

¹ М. Костин. Опере алесе. Кишинев, 1957, стр. 94.

² И. Некулче. Летописецул Цэрий Молдовей, стр. 127.

³ Путешествие антиохийского патриарха в Россию в половине ХУШ в. Вып. I, М., 1891, стр. 95.

давского боярина-предателя: "Выбирай лучшее из двух: или склони перед султаном голову, или уходи в другие страны, но с султаном не борись".

Татар ненавидели за разбойничий набеги, грабежи и убийства. Ненавистью к татарам пронизан богатырский молдавский эпос. Народные герои мстят грабителям-татарам, освобождают из плена и т.д. И.Некулче сравнивает поведение татар в Молдавии с поведением "волка в стаде овец".

Более сложным было отношение к грекам. Греки так же, как и молдаване, были православными, они угнетались турецкими феодалами, но фанариоты в Оттоманской империи поставляли главную массу чиновников-сборщиков налогов, кандидатов для занятия в княжествах высших церковных и светских постов. В Молдавии они иногда занимали господарский престол. Как жестокие исполнители воли султана, они завоевали плохую репутацию. В оценке их деятельности и личных качеств единодушны и народное творчество и боярские летописцы¹.

7. Отношение молдавского населения к полякам также отражено в источниках, хотя и более скучно. Господствующие классы Молдавии и Польши в ХУ-ХУП вв. за относительно редким исключением поддерживали дружеские отношения. Молдавские господа-ри много раз приносили вассальную присягу польским королям. Многие молдавские бояре подолгу проживали в Польше, владели там землями, заключали брачные союзы и т.д. Отношение угнетенных сословий к полякам выявляется менее четко, польско-молдавские контакты теснее связаны с украинско-польско-молдавскими взаимоотношениями.

8. В истории взаимоотношений молдавского народа с русским и украинским в средние века немалую роль играла общая религия. В Молдавии, на Украине и в России господствующим было христианство православного толка, в богослужении этих стран употреблялись книги на церковно-славянском языке, а вер-

¹ В пословице о них говорится "Tot греку а трекут прин чур ши прин ситэ, прин алэ ши пэмънт" (Каждый грек прошел сквозь решето и сито, сквозь воду и землю). На отрицательные черты греков-фанариотов обратил внимание и главнокомандующий русской армии в Молдавии А.П.Румянцев. Во время войны 1768-1774 гг. Екатерина II он писал о боярах из греков: "Они, подобно Янусу, имеют два лица и оба лукавые".

ховным иерархом был константинопольский патриарх. Бывали случаи, когда церковные деятели переезжали на жительство из одной страны в другую. Религиозная общность играла большую роль в социальной психологии, но только как форма, в которую облекались истинные причины. Ссылки на общность религий и обязанность защищать религию от "бусурман" во внешнеполитических документах Молдавии часты и хорошо известны. Так, молдавский господарь Стефан Ш в 1475 г. просил у венгерского короля помощи для борьбы с агрессией османов, при этом он называл Молдавию "воротами христианства" и призывал бороться за "христианскую веру". Это, однако, не мешало ему, в интересах государства, воевать с христианскими странами, с самой Венгрией, Польшей, Литвой и даже в союзе с мусульманами.

9. Большая часть украинских земель в ХУ-ХУП вв. была владением польско-литовских королей, на юге долгое время хозяйничали крымские татары. Главной исторической общенациональной задачей украинского населения была борьба против иноземных поработителей, крымских, турецких и польских феодалов. Начиная с ХVI в. главной общенациональной задачей Молдавии стало избавление от турецкого ига. Борьба против общих врагов неизбежно должна была породить и породила взаимные симпатии, которые много раз проявлялись в ХУ-ХУШ вв. Этому благоприятствовала и общая религия.

На севере Молдавии и в соседних западноукраинских землях молдавское и украинское население веками проживало по-соседству, часто вперемешку. Крестьяне этих земель страдали от феодального гнета молдавских бояр и польских магнатов. В ходе классовой борьбы сформировалась классовая солидарность угнетенных слоев молдаван и украинцев. В этих случаях источником для изучения настроений участников движения служит сама деятельность борцов¹.

¹ В 1457 г. молдавские и польские пограничные воеводы договорились о расправах над "лихими людьми", действующими то в Польше, то в Молдавии. В западной Украине в отряде опришков нередко действовали молдаване. Герой украинского народа Алекса Довбуш временами действовал совместно с молдавскими гайдуками.

Большое восстание молдавских и украинских крестьян в 1490-1492 гг. против молдавских бояр и украинских магнатов - яркое свидетельство классовой солидарности крестьян Молдавии и Украины.

10. Интереснейшей областью для исследования социальной психологии масс является история украинского казачества и в частности история его связей с молдаванами. Для молдавских крестьян Украина была одним из мест, куда они бежали от феодального гнета молдавских бояр. По подсчетам украинских и молдавских историков, молдаване среди запорожских казаков составляли не менее 2-3%. Общая борьба породила союз, который в молдавской советской исторической литературе получил название "боевое содружество"¹.

В начале XVI в. в среде украинского крестьянства Покутья, закабаленного польскими феодалами, были распространены симпатии к единоверной Молдавии. Когда в 1530 г. молдавские войска вступили в Покутье, то польские феодалы укрывались в крепостях или бежали в Польшу, а украинское население "...с радостью приветствовало нового господина (молдавского господаря. - Н.М.) и охотно приносило ему присягу" (Е. Нигматзаки. Documente..., vol. II, p.2, p.499-500).

I О чувстве солидарности казаков и молдаван, ведущих борьбу против турок и молдавских феодалов, свидетельствует общая военная борьба. Так было в 1541, 1577-78, 1648 гг. и в другие годы. Дух солидарности хорошо передает цикл украинских исторических песен, в которых идет речь о молдаванах:

Як прийшли до нас всі волошени
Всі волошени та воі хороши,
В козаки вони записалися,
З нами набраталися.

Когда в 1577 г. казак Иван Подкова, начав борьбу с турецким ставленником на молдавском престоле господарем Петром Хромым, вступил со своим отрядом в город Сороки, то, как сообщает польский летописец М.Бельский, "...чернь признала его за господина".

Во время восстания в 1648-1654 гг. украинского народа под руководством Б.Хмельницкого против гнета польских феодалов, симпатии молдавских бояр и господаря были на стороне королевской Польши, симпатии же социальных низов - на стороне восставшего украинского народа. В 1648 г. в осаде Львова принимали участие два дакийских (молдавских) полка.

В 1654 г. польские магнаты отмечали, что "волохи люди шаткой верности" (разумеется, по отношению к польским феодалам).

II. Непосредственные контакты народных масс молдаван и русских в XVI-XVII вв. были редкими, политические связи государств поддерживались непостоянно. Постоянными были церковные связи, они создавали социально-психологическое настроение братства.

Тяжелое положение Молдавии под игом феодальной Турции порождало в народе надежду на избавление от ига мусульман при помощи единоверного царя. В 1654 г., когда в Молдавии было получено известие о воссоединении на Переяславской раде Украины с Россией, в Яссах находился русский старец Арсений Суханов, он писал царю: "А тому, государь, гораздо ради все с великой радостью не токмо воевода и бояре его, но и поселяне все, что казаки поклонились под твою высокую царскую руку".

Пример Украины открыл новую перспективу и перед Молдавией. Уже через несколько месяцев после Переяславской рады молдавский господарь Георгий Штефан начал переговоры с царем Алексеем Михайловичем об избавлении Молдавии от турецкого ига путем перехода ее в русское подданство. На протяжении последующих полтораста лет таких обращений вначале в Москву, а позже в Петербург было более десяти, они составили целый этап в истории молдавско-русских связей. И хотя в этих обращениях в качестве мотивов обычно выдвигались религиозные соображения, за ними скрывались реальные интересы, отражающие настроение и желание населения Молдавии.

II. В XVII в., в ходе русско-турецких войн русские войска четыре раза вступали в Молдавию и каждый раз их встречали как освободителей. Они получали от населения всемерную поддержку, в русскую армию вступало большое количество добро-

вольцев, их число каждый раз превышало 10 тысяч человек. Для страны, которая никогда в своей истории не выставляла более 40 тысяч солдат, 10 тысяч и более добровольцев - исключительно высокий показатель, свидетельствующий о том, что симпатии к России были распространены в широких народных массах^I.

Таким образом, в Молдавии XV-XVIII вв. можно отметить относительно устойчивые выражения симпатий и антипатий по отношению к соседним народам, причем они были разными у разных сословий. В политической жизни страны тех веков этот социально-психологический фактор играл особую самостоятельную роль.

^I Особенno ярко настроение народных масс проявилось летом 1711 г., когда русские войска в соответствии с тайным договором, заключенным господарем Д.Кантемиром и Петром I о переходе Молдавии в русское подданство, впервые в истории вступили в Молдавию. Толпы народа встречали их как освободителей с колокольным звоном. Летописец Н.Муся писал о большой радости "с приходом русских войск". А когда Д.Кантемир в соответствии с договором между ним и Петром I начал запись в войско, то, как писал молдавский летописец И.Некулче, "...в солдаты записывались не только служилые, но и сапожники, портные, меховщики, лавочники. Боярские дворовые оставляли своих господ и отправлялись записываться в стяги". Такая же демонстрация симпатий к России проявлялась во время всех последующих русско-турецких войн, когда русская армия вступала в Молдавию.

А. И. РОГОВ

(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Турецкая опасность – одна из основных ведущих тем польской литературы, историографии и публицистики XVI–XVII вв. Исключительное внимание к ней определялось внешнеполитической ситуацией в Центральной и Восточной Европе в рассматриваемый период. Польские авторы самым живейшим образом откликались на общеевропейский интерес к турецкой теме и нередко выступали как авторитетные ее знатоки не только в Западной Европе, но и в Русском государстве.

2. Зачинателем турецкой темы в польской литературе является видный писатель эпохи Возрождения Филипп Каллимах Буанаккорси (конец XVI в.), итальянец, некоторое время живший в Польше и принимавший самое активное участие в ее политической жизни. Его труд "О нравах татар" содержал подробные и конкретные сведения о Турции, а похвальное сочинение "О действиях, совершенных Владиславом" не только воспевало подвиги знаменитого героя битвы под Варной 1444 г., но и было наполнено призывом следовать его славному примеру. Варненскую тему разрабатывал впоследствии и великий поэт польского Возрождения Ян Кохановский, о чем свидетельствуют изданные посмертно фрагменты неоконченных его сочинений. Сходные мотивы можно найти и в творчестве популярного в Западной Европе польского латиноязычного поэта Яна Дантышека (конец XVI – начало XVII в.), тон сочинений которого сообразовывался о конкретными внешнеполитическими задачами Польского государства, и потому он был более сдержан в своих призывах.

3. В литературе и публицистике второй половины XVI – первой половины XVII в. антитурецкая тематика достигает особенно большой остроты. Ею проникнуты сочинения С. Ожеховского "Турчики" и "Верноподданный" и особенно творчество Х. Варшевицкого. Наибольший отклик нашли 14 его речей о Турции, изданные в Кракове в 1595 г. В них турецкая тема звучит в неразрывной связи с идеей славянского единства и взаимности.

Угнетение славян Турцией, в частности рекрутование из славян янычарского войска, воспринималось Варшевицким как угнетение самих поляков, как их позор и бесчестие. Те же мотивы звучат в творчестве Б.Папроцкого, упрекавшего поляков в равнодушии к защите своих братьев. П.Грабовский в одной из речей в сейме ставит борьбу московитов с татарами в пример Польше, призывая ее так же бороться с турками.

4. Борьба с турецкой агрессией, таким образом, вызывает в Польше живейший интерес к истории южных славян. Не случайно исключительную популярность и распространение в Польше в это время получает знаменитая сербская хроника Константина Янычара. В ней, в отличие от западноевропейских сочинений, посвященных Турции, мотивы защиты христианства от иноверных вытесняются призывом к объединению славян против врагов. В хронике звучит обращение к чешскому королю Владиславу и польскому королю Яну Ольбрахту возглавить эту борьбу славянских народов. Польские хронисты XVI в., в особенности М.Бельский и М.Стрыковский, вводят в свои сочинения сведения о сербах и болгарах. М.Стрыковский, сам путешествовавший по Балканскому полуострову, изучает памятники исторического прошлого, фиксирует исторический эпос сербов, в первую очередь обращая внимание на темы борьбы с Турцией.

5. В связи с турецкой и татарской опасностью в польской исторической литературе и публицистике усиливается интерес к истории борьбы Руси с татаро-монгольским игом и ее войны с турками. В хрониках М.Бельского и М.Стрыковского этим вопросам удалено особое внимание, и сведения о них нередко оригинальны. Таковы известия о набегах татар на Москву 1521 г. (М.Бельский) и 1571 г. (М.Стрыковский), рассказ последнего о турецко-татарском походе на Астрахань в 1569 г. или сообщение П.Писецкого об азовском сидении (1637 г.). Некоторые из этих сведений явно заимствованы из письменных реалий или устных сообщений современников. Симпатии польских хронистов при изложении этих событий всегда на русской стороне, хотя по ряду других вопросов мы этого не найдем.

6. В своих сочинениях Стрыковский уделяет внимание также истории, современному устройству и положению Турции. Для этого он изучает турецкие хроники, занимается турецкой карто-

графией. Его продолжателем в известной мере был С.Старовольский, автор столь популярного на Руси сочинения (известны 3 варианта его перевода) "Двор цесаря Турецкого" (издано в Кракове в 1649 г.). Эти сочинения по праву считаются серьезным вкладом в мировое востоковедение.

Б. Н. ФЛОРЯ
(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

РОССИЯ И ПОХОДЫ ЗАПОРОЖЦЕВ В МОЛДАВИЮ В 70-Х ГОДАХ XVI В.

Походы запорожцев в Молдавию и их самоотверженная борьба на протяжении целого ряда лет совместно с молдаванами против турок неоднократно привлекали к себе внимание как дореволюционных, так в особенности советских исследователей. Однако до сих пор остаются не совсем ясными те международные условия, которые позволили запорожцам и молдаванам так долго противостоять наступлению Османской империи.

Автор приходит к заключению, что успехам запорожцев весьма способствовала внешнеполитическая позиция России.

Во-первых, к середине 70-х гг. XVI в. русское правительство развернуло по разным направлениям активные военные действия против Крыма. Результатами этой активности были временный уход татарских улусов из приднепровских степей на Крымский полуостров и разрушение татарских крепостей, лежавших на пути из Запорожской Сечи в Молдавию. Таким образом, на этом пути запорожцы не ожидали серьезной опасности со стороны татар и могли легче войти в контакт с украинскими землями.

Во-вторых, военные действия против Крыма способствовали непосредственной связи запорожцев с русским правительством, которое в 70-х годах XVI в. неоднократно высылало в Запорожскую Сечь военное снаряжение и продовольствие. Сотрудничавшие с Россией и получившие от нее вооружение запорожцы затем приняли участие в походах в Молдавию. Но если позиция России оказалась существенное влияние на ход борьбы за Молдавию, то го-

ворить о прямом ее участии в этой борьбе оснований нет: такая акция не соответствовала общим планам русского правительства, направленным в это время на завершение борьбы за Прибалтику.

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ
(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

РУССКАЯ И ПОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И „ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС“ НАКАНУНЕ И НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ (1653 г. — начало 1655 г.)

Восточному аспекту русско-польской войны 1654—1667 гг., а также в рассматриваемый отрезок времени посвящена довольно обширная историческая литература, в частности, немало сделали в этом направлении молдавские, венгерские и румынские авторы. Тем не менее, этот вопрос еще весьма далек от своего разрешения, особенно в рамках не двусторонних, а более широких международных проблем. Представленное сообщение освещает ту роль, которую в дипломатической борьбе между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, играли их взаимоотношения с такими государствами, как Крымское ханство, Молдавия, Валахия и Трансильвания. Меньшее значение имели тогда контакты с Турцией, поскольку Порта, занятая тяжелой, длительной и долгое время неудачно протекавшей Кандийской войной с Венецией, не могла активно вмешаться в данный конфликт. Сообщение ограничено и хронологически — временем до того момента, когда стала ясной неизбежность нападения Швеции на Польшу.

В расстановке основных политических сил в данном районе к началу русско-польской войны, т.е. в 1653 г., можно отметить два кардинальных факта. Первый — это существование еще с 1648 г. крымско-украинского союза, ставшего базой для совместных военных действий обеих сторон против Речи Посполитой

в 1648–1653 гг. Но это не был прочный альянс. Для Б.Хмельницкого главным было получить помощь от татар в то время, когда переговоры о воссоединении с Россией оставались еще безрезультатными. Для Крыма союз с Украиной был важен во внутриполитическом смысле, ибо возможность успешных грабительских походов на соседние земли была одним из главных элементов, позволивших хану Ислам-Гирею обеспечить относительную стабилизацию в стране. Однако основным для руководящей верхушки Крымского ханства было стремление организовать широкую коалицию (с привлечением Польши), направленную против Московского государства. Именно этот пункт и делал крымско-украинский альянс весьма непрочным. Ближайшей целью крымских политиков было желание сорвать русско-украинское обложение, и в этом направлении хан на протяжении 1653 г. предпринял ряд мер, но невыполнимость польско-крымских отношений заставляла его маневрировать.

Второй существенный для данного региона политический факт – это возникновение в течение 1653 г. оного рода общего фронта Польши, Трансильвании, Молдавии и Валахии. Но эта лига отличалась непрочностью, поскольку интересы ее членов совпадали лишь до определенной степени. Их связывало прежде всего стремление ликвидировать последствия сближения Б.Хмельницкого с В.Лупу, но и только. Для польского правительства со второй половины 1652 г. важнейшей проблемой стала все более реальная опасность вторжения России в войну. Поэтому оно добивалось от своих союзников возможно более широкой поддержки, прежде всего войсками. Но если Г.Стешан и частично М.Басараб готовы были оказать полякам такую поддержку, то Дьердь II Ракоци обусловливал возможную помощь целям рядом оговорок.

Такова была политическая обстановка в данном районе к концу 1653 г. Она была достаточно благоприятна для России и Украины, ибо обеспечивала безопасность южных границ от возможности удара со стороны Крымского ханства. Положение изменилось с начала 1654 г. после воссоединения Украины, когда наметилась перегруппировка сил в невыгодную для России и Войска Запорожского сторону: прежде всего, уже во второй половине 1653 г. меняется политический курс Крыма, бахчисарайский двор стал ориентироваться на соглашение с Польшей. Со своей сто-

роны, руководящие круги Речи Посполитой тоже желали соглашения с Крымом. После Жванецкого договора 15 декабря 1653 г. эти планы начали осуществляться. Именно тогда польское правительство выработало и начало осуществлять широкое дипломатическое наступление, чтобы добиться создания обширного блока держав, включающего Речь Посполитую, Крым, Трансильванию, Молдавию и Валахию и направленного против России и Войска Запорожского. С этой целью в январе-феврале 1654 г. были посланы миссии в Константинополь, Бахчисарай и другие отолицы.

В противовес всем этим расчетам русско-украинская дипломатия со своей стороны частично еще с лета 1653 г., но главным образом с начала следующего года предприняла ряд шагов по отношению к указанным странам. В первую очередь, необходимо было добиться такого рода соглашения с Крымским ханством, которое позволило бы использовать его силы в предстоящей войне, не давая одновременно никаких серьезных политических обязательств татарам феодалам. Приемлемой альтернативой считалось и невмешательство Крыма в надвигающийся конфликт. Что касается Дунайских княжеств и Трансильвании, то от них требовали нейтралитета.

Таковы были планы главных заинтересованных сторон в первой трети 1654 г. В той дипломатической борьбе, которая развернулась между враждующими державами на протяжении следующих месяцев, и решался вопрос о том, что им удастся осуществить из своих планов.

Собственно, контуры новой группировки держав в данном регионе стали довольно отчетливыми уже в марте-июне 1654 г. Прежде всего, хан Иолам-Гирей после периода своеобразного колеблющегося нейтралитета и безуспешной попытки дипломатическими средствами разъединить Войско Запорожское с русскими, в марте – начале мая 1654 г. решительно взял курс на сближение с Речью Посполитой (окончательно – после возвращения из Чигирина в середине июня 1654 г. посольства Тохтамыш аги). В первой половине июля 1654 г. в Варшаве был выработан текст польско-крымского договора, закрепленный присягой на сейме 20 июля 1654 г. Таким образом, сформировались две коалиции: Польша и Крымское ханство, на одной стороне, Россия и Украина – на другой. Приблизительно в те же сроки стало

очевидным нежелание Трансильвании и Валахии оказывать какую-либо помощь полякам. Фактически это означало распад проектируемой в 1653 г. лиги во главе с Речью Посполитой: последняя получила лишь довольно незначительную по масштабам и не слишком надежную поддержку со стороны молдавского господаря Георгия Стефана. Смерть хана Ислам-Гирея и связанное с ней обострение обстановки в Крыму только замедлили, но не изменили наметившихся ранее тенденций. В конце октября-ноябре 1654 г. польско-татарский договор стал окончательным фактом. По-прежнему Дьердь II Ракоци и Константин Шербан держались благожелательного по отношению к Войску Запорожскому и русским нейтралитета, а Г. Стефан помогал Польше.

Итак, результатом длительной, более чем годовой, дипломатической схватки явилась совершенно новая расстановка сил в данном районе: воссоединение Украины с Россией стало настолько важным для Юго-Восточной Европы событием, что привело не только к ликвидации длительно существовавшего военного союза между Войском Запорожским и Крымом, но и к возникновению агрессивного польско-татарского блока, ставившего своей целью возвратить Украину в состав Речи Посполитой, а в более отдаленной перспективе – добиться существенного территориального ограничения Московского государства.

Одновременно Трансильвания и Валахия отказали полякам в какой-либо поддержке и ориентировались на нейтралитет в войне между двумя группировками. Польша сохраняла здесь лишь такого ненадежного и несильного союзника, как господарь Молдавии.

Легко видеть, что ни одной из сторон не удалось добиться решения всех поставленных перед собой политических задач, для каждой из них в возникшей ситуации были и положительные и отрицательные моменты. Наиболее важным фактом явилось образование крымско-польской оси, что в создавшихся условиях было крупным успехом варшавской дипломатии, удачно использовавшей благоприятную обстановку, и соответственно неудачей московско-украинской дипломатии, впрочем, одной из тех, которых трудно было избежать при тогдашних обстоятельствах. Однако план организации обширной лиги, силы которой можно было использовать в войне против России и Войска Запорожского

то, провалился, и это было важным фактором, в частности, особенно существенным в связи с тем нелегким положением, в котором оказалась Украина в результате зимнего польско-татарского похода 1654-1655 гг.

Л. Е. СЕМЕНОВА

(Институт славяноведения
и балканистики АН СССР)

ВАЛАХИЯ И ГАБСБУРГИ XVII В.

В международных отношениях Восточной и Юго-Восточной Европы основная линия взаимосвязей дипломатических и военных акций отдельных стран в конце XVII в. продолжала определяться соперничеством Турции и Габсбургов. Папа Иннокентий XI и его послы прилагали усилия к созданию коалиции европейских государств против агрессии турецкого султана. Важным шагом на пути к созданию такой коалиции должно было быть заключение союза между Габсбургами и Польшей. Но выступавшая союзницей Турции Франция стремилась всеми мерами примирить ее с Польшей и использовать в борьбе против Австрии с целью расширения своих территорий. В планах противодействия прискам Людовика XIV и Порты император Леопольд I большое значение придавал подвластным султану народам.

К концу XVII в. по мере развертывания успешных военных действий имперских войск и продвижения их в глубь турецких владений для стран Юго-Восточной Европы вставала проблема альтернативы - Турция или Габсбурги. Естественно, что ни та, ни другая не соответствовали национальным интересам этих стран, их независимому социально-экономическому, политическому и культурному развитию. Находясь в орбите сложных международных переплетений, они были ограничены в политических акциях, вследствие чего в отдельные периоды были вынуждены лавировать между двумя, а то и тремя, сильными сторонами. Свои стремления освободиться из-под власти султана балканские страны в 80-е годы XVII в. связывали с успехами Габсбургов в борьбе с Турцией. Выступая под знаменем освобождения угнетенных христиан-

ских народов, Габсбурги рассчитывали привлечь эти страны на свою сторону, использовать их военные и материальные ресурсы в войне с султаном. В этом плане особую роль Габсбурги отводили Валахии и ее господарю Шербану Кантакузино. Возросший к этому времени турецкий гнет в Валахии усилил освободительные стремления в княжестве. Валашский господарь Шербан Кантакузино, ориентируясь в освобождении на Габсбургов, в 1682 г. начал переговоры с имперским представителем в Константинополе. В начатой султаном войне против Габсбургов Шербан, как турецкий подданный, был вынужден выступить со своим войском в составе армии великого визиря. Но находясь с четырехтысячным отрядом в турецком стане во время осады в 1683 г. турками Вены, валашский господарь в то же время помогал имперским войскам, сообщал тайно ценные для Габсбургов сведения о численности турецких войск, их планах и продвижении. После поражения турок под Веной помошь, оказанная Шербаном, связывалась имперскими дипломатами с надеждой на будущий окончательный переход валашского господаря на сторону Габсбургов, что, в свою очередь, рассматривалось ими как одно из условий успеха предстоящих военных действий против Турции на Балканах.

Создание в 1684 г. Священной Лиги (Венеция, Польша, Габсбурги) вдохновило Шербана. Весной этого года вместе с молдавским господарем Стефаном Петричейку он обращается к польскому королю Яну Собескому с просьбой ускорить военные действия против турок на Дунае. В том же году валашский господарь вел переговоры с имперским эmissаром Ксаки, посланным Леопольдом в Дунайские княжества, чтобы призвать их выступить против султана и соединиться с войсками Габсбургов. Уже начало переговоров раскрыло намерения императора. Леопольд добивался не только скорейшего перехода Шербана на сторону Габсбургов, помочь войсками и провиантром. Шербан Кантакузино должен был подготовить и возглавить общее восстание угнетенных султаном балканских народов, чтобы облегчить военные действия имперских войск против Турции. И главное - Габсбурги хотели добиться у Шербана гарантии на принесение присяги императору.

Валашский господарь очень скоро понял, что Габсбургидумают прежде всего о захвате Трансильвании и Дунайских кня-

жеств. Чтобы противостоять захватническим планам Габсбургов, Шербан Кантакузино всячески затягивал принятие конкретных решений в отношениях с императором, а в 1686 г. вновь вступил в переговоры с польским королем Яном Собеским. Но обострившиеся к концу 1686 г. польско-габсбургские противоречия из-за территориальных притязаний на Трансильванию и Дунайские княжества раскрыли и планы Польши.

Габсбурги внимательно следили за действиями валашского господаря. В конце 1686 и начале 1687 гг. в Валахии находились имперские эмиссары Коаки и Дель Монте, которые подробно сообщали в Вену о положении в княжестве, о поведении его господаря. Поскольку в Вене в это время обсуждались планы предстоящих военных операций против Турции, имперским послам было поручено повлиять на Шербана, выяснить его планы в привлечении на сторону императора балканских христиан, в соединении валашских войск с имперскими, а также относительно наиболее удобной их дислокации для успешного наступления в глубь турецких владений.

Намерения Габсбургов стали совершенно очевидными, когда после победы над турками у Буды в 1686 г. и у Мохача в 1687 г. вся Трансильвания была захвачена имперскими войсками. Положение Шербана было сложным. Близость турок и татар не позволяла ему порвать с султаном. В то же время размещение имперских гарнизонов вблизи границ Валахии заставляло Шербана продолжать переговоры с Габсбургами. Поэтому его ответ имперским послам был очень осторожным. Шербан Кантакузино отмечал, что равнинная Валахия по своему географическому расположению мало удобна как для размещения имперских войск, так и для подготовки общего восстания угнетенных султаном балканских народов. Одновременно валашский господарь уверял, что все христиане готовы соединиться с армией императора, как только она появится на Дунае.

1 сентября 1687 г. Леопольд направил Шербану письмо, в котором сообщал о готовящихся военных действиях против Турции и, несмотря на полученные от эмиссаров сведения о настроениях валашского господаря, выражал надежду, что он примет в них участие. Вместе с тем император извещал господаря о посыпке в Валахию своего полномочного Дунода. В обращенном к угнетенным христианам манифесте от 7 сентября 1687 г. Лео-

польд призывал их восстать против султана и перейти под знамена имперского генерала, валашского воеводы Шербана Кантакузино. Придавая большое значение восстанию балканских народов в ослаблении сил Турецкой империи, он обещал христианам соблюдать их привилегии и религиозные свободы.

Вступив в переговоры с Дунодом, Шербан и на этот раз попытался уйти от принятия конкретных решений. Он направил в Вену 5 декабря 1687 г. своего посла Антонио Стефани с выражением готовности соединить свои усилия за освобождение от власти султана с действиями Лиги. Вместе со Стефани Леопольд послал в Валахию в конце 1687 г. Ксаки с целью оказать влияние на Шербана. Несмотря на давление имперских послов, валашский господарь воздерживался от принесения присяги императору. В переговорах с Габсбургами Шербан отстаивал независимость Валахского княжества и признание императором наследственной власти Кантакузино. В начале 1688 г. папский нунций кардинал Буонвиши писал Леопольду, что только признание независимой Валахии и наследственной власти Кантакузино может надежно привлечь Шербана на сторону Габсбургов. Возможно, именно под влиянием Буонвиши в феврале 1688 г. через Ксаки Леопольд передал Шербану диплом, в котором обещал наследственную власть Кантакузино в Валахии. При этом валашский господарь должен был взять на себя на определенное время часть военных расходов империи в сумме 75 тысяч лей, а также принять на содержание шеститысячное войско, которое, в случае необходимости, будет защищать княжество. В ответе императору вместе с благодарностью за диплом Шербан отстаивал, в случае заключения мирного договора Габсбургов с Портой, возвращение исконных валашских территорий, захваченных турками. Валашский господарь просил уменьшить для княжества сумму на имперские военные расходы до 50 тысяч лей, мотивируя сильным истощением материальных ресурсов страны. Зная о намерении габсбургского генерала Ветерани переправить часть своих войск из Трансильвании в Валахию, Шербан оговаривал, что готов принять имперские войска только тогда, когда будет необходимость защиты княжества. На примере Трансильвании Шербан Кантакузино видел, что означало бы вступление имперских войск на территорию Валахии. Осторожность валашского господаря в переговорах свидетельствует о том, как мало верил он заверениям Габсбургов. Хотя император обещал

свободу религии, в Бухаресте не могли не знать о тяжелом положении православного населения в Трансильвании. Валашский посол Исаиа на расспросе в Посольском приказе в Москве говорил: "...папежане у себя постановили все митрополии, взяв из-под ига турского, разделяя в епархии, превратить в костелы римские и поставить своих римских бискупов, а православное духовенство искоренить, изогнать". Это было одной из причин недоверия валашского господаря к Габсбургам.

Единство религий, существование исконных культурных, экономических и политических связей Дунайских княжеств с Россией открывали перед ними другой путь к освобождению. Присоединение в 1686 г. к антитурецкой лиге России и предпринятый ею в 1687 г. поход против крымских татар убедили валашского господаря в возможности получить поддержку русского правительства в борьбе против султана. Летом 1688 г. Шербан Кантакузино направляет с посольством в Москву архимандрита Исаию.

Успешные военные действия имперских войск против Турции в 1688 г., в частности завоевание Белграда, снова со всей остротой поставили вопрос о переходе Валахии на сторону Габсбургов. Под видом помощи Шербану против турок и татар войска генерала Ветерани вступили на территорию Валашского княжества. Это заставило валашского господаря, не дожидаясь ответа из Москвы, направить 12 октября 1688 г. посольство в Вену для принесения присяги императору. Только убедившись в окончательном решении Шербана, Ветерани оставил территорию Валахии. 29 октября, когда валашское посольство находилось на пути в Вену, Шербан Кантакузино скончался.

Русское правительство в 1688 г. готовилось ко второму крымскому походу. Поэтому его заинтересовали переданные через Исаию предложения Шербана Кантакузино о совместных военных действиях против турок и татар. Не случайно, еще в октябре 1688 г., когда Исаия находился в Москве в ожидании ответных царских грамот, русское правительство направило к валашскому господарю грека Дементия Фомина. Но новый господарь Валахии Константин Брынковяну весьма осторожно отнесся к предложениям русского посла. Он, как и его предшественник, вначале надеялся на освобождение княжества от турецкой зависимости с помощью Габсбургов. Однако по мере проявления Габсбургами своих захватнических устремлений в Юго-Восточной

Европе и активизации русской восточной политики Брынковяну под влиянием боярской партии Кантакузино сменил ориентацию, установив, хотя и тайные, постоянные дипломатические отношения с Россией.

Таким образом, перемещение к концу ХУП в. турецко-габсбургского соперничества на Юго-Восток в результате успешных военных действий имперских войск и продвижения их в глубь османских владений раскрыло планы установления господства Габсбургов в Дунайском бассейне. В этих условиях Дунайские княжества искали поддержки у Польши и особенно у России, с которой их связывало и единство религии, и исконные экономические, политические, культурные взаимоотношения. Поэтому для Молдавского и Валашского княжеств не стояла столь острая альтернатива – Турция или Габсбурги. Активизация русской восточной политики с конца ХУП в. открывала перед ними другой путь к освобождению от турецкой зависимости.

С. Ф. ОРЕШКОВА
(Институт востоковедения АН СССР)

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛА XVIII В.

Рубеж ХУП–ХУШ вв. явился переломным этапом в отношениях Европы к Османской империи. Если раньше Османскую империю рассматривали как постоянный источник завоевательных набегов, то поражение в войне со Священной лигой и все более явно обнаруживающий себя внутренний кризис империи низвели ее в глазах крупнейших европейских государств до уровня второстепенной державы, которую можно попытаться использовать для осуществления собственных внешнеполитических целей.

Турецкие историки считают поражение под Веной в 1683 г. той границей, с которой начинается так называемый "период отступления" (риджат деври), характеризующийся постепенной утратой завоеванных территорий. Внешняя политика Османской империи в первом десятилетии ХУШ в. определяется в современ-

ной турецкой исторической литературе как политика "нейтралитета" (тарафсызлык). Действительно, в это время Османская империя, эта "подлинно военная держава средневековья"¹, не вела войн в Европе, хотя силы и внимание ее главных противников были прикованы к таким крупным общеевропейским конфликтам, как войны за Испанское наследство и Северная. Международная обстановка казалось бы благоприятствовала продолжению турецких завоеваний. Однако термин "нейтралитет", используемый турецкими историками применительно к тогдашней политике Турции, не раскрывает всей сущности этой политики и затушевывает продолжавшее существовать в турецких правящих кругах стремление к захватническим войнам, особенно на Востоке. Суть же состояла в том, что к концу XVIII в. "наступательная сила турок была сломлена"², что явилось проявлением "состояния разложения"³ военной и социально-экономической организации турецкого общества. В этих условиях правильнее говорить не о "нейтралитете", а о вынужденном отказе от традиционной агрессивной политики в Европе.

В начале XVIII в. при султанском дворе чрезвычайно активно начала действовать европейская дипломатия. Главным объектом дипломатических интриг, особенно после Полтавского разгрома шведов, оказалась Россия. Крупнейшие европейские державы надеялись силами Османской империи отвлечь Россию от борьбы за Балтику, поддержать Карла XII и тем самым восстановить прежнее равновесие сил на севере Европы. Однако до 1710 г. каких-либо реальных откликов интриги европейской дипломатии не

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса-Энгельса, т.УГ, 1939, стр.189.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.22, стр.17.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.10, стр.262.

имели и не отражались на внешней политике Османской империи, которая исходила из внутренних возможностей и собственных интересов Турции. Самой опасной для себя турецкие правящие круги продолжали считать Австроию, а наибольшее недовольство и раздражение в их среде вызывала Венеция, к которой по Карловицкому договору 1699 г. отошла Морея, представлявшая собой оамую существенную для Османской империи территориальную потерю. Северо-восточные границы империи считались далекой окраиной, и это направление внешней политики не было через чур привлекательным, хотя и беспокоило султанское правительство, особенно после потери Азова, с точки зрения безопасности собственных границ. Лишь крымские ханы, исходя из своих интересов, интриговали при султанском дворе, стремясь привлечь внимание центрального правительства к этому направлению внешней политики. Однако антируssкие прописки крымских ханов строжайше пресекались. Более того, были даже планы союза с Россией против Персии и Польши.

1710-1713 гг. представляются определенным исключением из общего курса тогдашней турецкой политики. Именно в этот период планы европейской дипломатии получили реальный отклик в Турции. Решающее влияние на султанское правительство оказали следующие факторы: предложение Карла XII об одновременном ударе по России с двух сторон (из Померании и Украины), французские гарантии исполнения шведами своих обещаний, благожелательное отношение англичан к шведскому королю и определенная пассивность, но явная заинтересованность австрийцев в турецко-русской войне. Османская империя решила воспользоваться благоприятной, как ей казалось, ситуацией для возвращения Азова. В сложившихся обстоятельствах война казалась султанскому правительству легкой и краткосрочной.

Никакими обязательствами в пользу шведов Османская империя себя не связала. В шведской дипломатической переписке, а из нее это перешло в ряд исторических работ, говорится о распоряжении, данном будто бы султаном каймакану Махмеду Челеби в июне 1711 г. Текст этого документа был извлечен из бумаг Функа и опубликован А.Н.Куратом. Он гласит: "Раз шведский король пришел в землю (богом) хранимого государства (Отоманской империи), до тех пор пока он здесь находится, мы будем его поддерживать. Если суждено с Москвой быть миру, то заключая мир, мы заключим его вместе, а если же потребуется война, мы ее будем вести вместе". Этот документ имеет пометку - устное распоряжение (*lisan-i firman*), данное каймакану, то есть лицу, оставленному в Стамбуле для ведения государственных дел, а не великому визиру, командовавшему турецкими войсками в войне и уполномоченному вести переговоры с русскими. Все это лишает документ реальной силы. Балтаджи Мехмед-паша, заключая мир с русскими, исходил из турецких интересов и не принял во внимание требований шведов. Впоследствии уверения шведов в том, что Балтаджи мог добиться большего в Прутских переговорах, сыграли свою роль в отставке великого визира, но это не означало, что Турция намеревалась продолжать военные действия. Двукратное объявление войны и новые требования 1712-1713 гг. - это, по сути дела, лишь военные демонстрации, знаменующие собой участие империи в широких франко-шведских планах изменения расстановки сил на востоке Европы. Эти планы нашли свое отражение в частности в трактате, о котором велись франко-шведские переговоры в Бендерах в сентябре 1712 г. Агрессивные заявления и самые неожиданные, на первый взгляд, требования, предъявляемые в

этот период турецкой стороной России, не являлись собственно турецкими требованиями, а были порождены интригами европейской дипломатии.

Отсутствием сколько-нибудь серьезных собственных претензий к России объясняется тот факт, что турецкая сторона неожиданно уступила и пошла на заключение мира. После яростных угроз и категоричных требований турецкие представители обратились с просьбой к русским: "...дабы они хотя что малое уступили... для увеселения султана"¹. В конце концов переговоры с Россией были переданы в ведение крымского хана, что очень испугало русских дипломатов, но по сути дела означало, что султанское правительство бросило русский вопрос со счетов центральной политики. Хану позволялось торговаться и угрожать, но не разрешалось ввергать страну в войну. Обещания европейских дипломатов оказались нереальными, и Османская империя отказалась участвовать в европейских планах. На первый план опять выдвинулось венецианско-австрийское направление – главное направление османской внешней политики в Европе.

Итак, 1710-1713 гг. – это период, когда Османская империя была активной участницей широких антирусских планов, разрабатываемых европейской, главным образом франко-шведско-английской дипломатией. Причины, значение и последствия турецко-русской войны 1710-1711 гг. и напряженность в отношениях между этими странами в 1712-1713 гг. можно понять, лишь рассматривая их как звено общеевропейских отношений начала

¹ ЦГАДА, ф.89, оп.1712, д.6, л.107.

ХУШ в. Именно поэтому турецко-русский конфликт оказался глубже, чем это вызывалось действительно существовавшими турецко-русскими противоречиями того времени.

Для начала ХУШ в. еще рано говорить о проявлении какой-либо несамостоятельности Османской империи во внешней политике. Однако следует отметить слабую информированность османского правительства и недооценку им реального положения в Европе. События 1711-1713 гг. убедили в этом и само султанское правительство. Так, в 1714 г., очевидно в связи с готовящейся войной с Венецией, было организовано при Высокой Порте широкое обсуждение внешней политики империи. На обсуждение были приглашены христиане – представители подвластной Османской империи Сирии, которые выступали как консультанты, разъясняющие методы и практику отношений между христианскими странами. Рукописный отчет об этом заседании хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (В 2931) и представляет собой любопытный исторический документ, до сих пор абсолютно не использованный историками.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.В. Ч е р е п и н . Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Европы эпохи феодализма (вместо предисловия)	3
ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ФЕОДАЛИЗМА И ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	
З.В. У д а л ь д о в а , Е.В. Г у т н о в а . К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе	12
Ю.В. Б р о м л е й , В.Д. К о р о л ю к . Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы (к вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов)	24
И.А. Р а ф а л о в и ч . К вопросу о времени появления первых политических образований романизованного населения на землях к северу от Дуная	33
Г.Б. Ф е д о р о в . Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. (по археологическим данным)	42

Г.Г. Л и т а в р и н. Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII-XIV вв. (к проблеме типологии феодализма)	52
Е.П. Н а у м о в. Сербский феодализм накануне турецкого завоевания	61
А.С. Т в е р и т и н о в а. О некоторых важных аспектах изучения турецкого феодализма	67
Л.Л. П о л е в о й. Развитие городов Молдавии в IX-XV вв. (к типологии феодализма)	71
М.М. Ф р е й д е н б е р г. Экономико-социальная структура средневековой Далмации в XIУ-XV вв.	78
П.В. С о в е т о в. Типологические пути развитого феодализма и турецкое завоевание Юго-Восточной Европы (к вопросу о типологических сдвигах в Молдавии)	84
Е.М. П о д г р а д о к а я. К вопросу о турецкой монополии на внешнюю торговлю Молдавии и Валахии и ее влияние на историческое развитие княжеств (XVI-XVII вв.)	94
Д.М. Д р а г н е в. Прогресс, замедленное развитие или экономический упадок? (Об особенностях экономического развития Дунайских княжеств в XVI-XVIII вв.)	99
П.Г. Д м и т р и е в. Консервация феодальных отношений в Молдавии турецко-фанаriotским гнетом	108
В.Я. Г р о с у л. Изменение формы феодальных отношений в Молдавии и Валахии и ее особенности (первая треть XIX в.)	114
Я.С. Г р о с у л, П.В. С о в е т о в. Типологические пути позднего феодализма и переходного к капитализму периода в Дунайских княжествах	126

**ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА**

В.Д. Королюк. Турецкая феодальная агрессия в отраны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (ХVI-XVII вв.)	142
И.Б. Греков. К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XVI-XVII в.	150
И.С. Достяни. Освободительное движение южнославянских народов конца XVI – начала XVII в. . .	156
Е.М. Руссов. Внешнеполитическая концепция боярского летописания Молдавии	162
Н.А. Моксов. Аспекты социальной психологии феодальных сословий Молдавии (отношение к народам соседних стран)	170
А.И. Рогов. Вопросы борьбы с турецкой агрессией в польской литературе эпохи Возрождения . . .	179
Б.Н. Флоря. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х годах XVI в.	181
Л.В. Зaborowski. Русская и польская дипломатия и "восточный" вопрос накануне и на первом этапе войны между Россией и Речью Посполитой (1653 г. – начало 1655 г.)	182
Л.Е. Семенова. Валахия и Габсбурги XVII в. .	186
С.Ф. Орешкова. Османская империя и европейские международные отношения начала XVIII в. . .	191

ДО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Утверждено к изданию Редакционно-издательским советом АН МССР

Редактор Г.Иванова
Художник А.Ололенко
Художественный редактор В.Чупин
Технический редактор Л.Мокрицкая
Корректор С.Грувер
Оператор-наборщик А.Лейбович

Принято к изданию 22.XI 1973 г. Подписано в печать 9.III 1973 г.
АБ 04759. Формат бумаги 60 x 90 1/16. Печ.л.12,5.Уч.-изд.л.11,64.
Тираж 1000 экз. Цена 88 коп. Заказ 128
Издательство "Штилинца", 277612, Кишинев, пр.Ленина, 1

Типография издательства "Штилинца"
277004, Кишинев, ул. Берзарина, 10

88 коп.

„ШТИИНЦА“ * КИШИНЕВ * 1973